

Владимир Свирский

УЧЕНИК МАРКЁРА

Повесть

1976

I. КОЧЕВНИКИ МАРКИНЫ

Семья Маркиных вела странный образ жизни.

Отца переводили то на Дон, то в Среднюю Азию, то на Дальний Восток – был он партийным работником, и подобные переброски в те – тридцатые – годы никого не удивляли. Случалось и так, что в одном месте кочевники Маркины жили дважды. Когда такое произошло впервые, Митя невероятно возгордился. Он был уверен, что совершил кругосветное путешествие и теперь пошел по второму кругу.

На новом месте поселялись обычно у знакомых или в гостинице. Иной раз получали комнату. Покупать мебель не было никакого смысла. В ход шли чемоданы и ящики, заменявшие стол, буфет, детскую кроватку. Ящиков было много – в них перевозились книги. Отец все собирался смастерить разборные полки, но так и не смастерил и расставлял книги вдоль стен комнаты, на полу, длинными рядами, так что Митя играл с книгами, на книгах и между книг. Они заменяли ему игрушки.

Любимыми были толстые, в твердых темно-синих переплетах тома Малой Советской Энциклопедии. Когда Митя еще не умел читать, ему нравилось, что они одинаковые и их удобно использовать в качестве строительного материала.

Читать он тоже выучился по энциклопедии. Первые слова, которые мальчик разобрал самостоятельно, были не «мама» и «папа», а «гипюр», «диагностика», «кумыки», «мемуары», «умыкание», «ящур» – они гордо блестели серебром на корешках книг.

С годами увлечение энциклопедией не проходило, и в школе Дмитрий Маркин поражал, а зачастую и раздражал учителей своими знаниями и вопросами. Впрочем, знания были поверхностными. Ему ничего не стоило вспомнить, в каком году родился знаменитый русский ученый Бодуэн де Куртанэ и даже назвать некоторые его труды, но о сути его учения он не имел ни малейшего представления. И все-таки на уроках истории, литературы и особенно географии энциклопедия не раз выручала Митю.

По другим предметам, особенно по математике, Маркин далеко не блистал – сказывались частые переезды, смены школ и учителей, пропуски занятий. Что же касается географии, то ее он изучал не только по книгам и картам, и ему было непонятно, как можно путать Караганду с Кандалакшей или Астрахань с Архангельском.

Уже к третьему классу Митя определенно решил, что станет или путешественником, или моряком, а лучше – и тем и другим одновременно.

В самый большой ящик с книгами упаковывалась при переездах единственная мебель, которую Маркины постоянно таскали за собой – ширма. Была она из желтого шелка с зелеными и синими узорами, и ею обычно отделялся закуток для сына – о двух комнатах не приходилось и мечтать.

Узоры обладали удивительными свойствами: стоило захотеть, и они превращались то в стадо купающихся бегемотов, то в парашютистов, которые повисли над выжженной солнцем пустыней, то в раскачивающихся на лианах обезьян.

Митя очень обиделся, когда мать, скользнув взглядом по ширме, сказала, что все это – его неумная фантазия. Зато отец разглядел на ней не только бегемотов, парашютистов и обезьян, но и линкор, ведущий огонь из главного калибра. Митя вначале не видел корабля, но вглядевшись внимательно, подметил даже сигнальщика на мачте и вылетавшие из жерл орудий снопы огня.

Но больше всего Маркину-младшему нравилось жить в гостинице.

С гостиницы все и началось. Вернее – в гостинице.

Было самое начало лета, когда они приехали в Приволжск, областной город, узкой лентой растянувшийся по правому берегу реки. Зелень еще не запылилась, сушь только обещала наступить, и у Волги хватало сил перебороть горячее дыхание степей.

Город был, в основном, одно- и двухэтажный. В этот сложившийся веками архитектурный ансамбль с трудом вписывались несколько каменных зданий, в том числе и гостиница «Волга». Приволжск возводил машиностроительный гигант, понаехало много иностранных специалистов, а им, как сказал извозчик, везший Маркиных с вокзала, вынь да положь комфорт.

Гостиницу воздвигли в шесть этажей, с лифтом, рестораном и кафе на крыше. Приезжих встречал огромного роста швейцар с шикарной белой бородой. В теплые дни швейцар любил прогуливаться около подъезда, и некоторые молодые красноармейцы отдавали ему честь, принимая за высокое военное начальство – вводила в заблуждение его расшитая золотыми позументами униформа и адмиральская борода.

В Приволжск Маркины приехали впервые и сразу остановились в «Волге». Друзей здесь у Мити еще не было, да и где ими обзаведешься в гостинице? К тому же и время каникулярное.

На новом месте мать обязательно устраивалась на службу. Митю поражали ее разнообразные способности: она была то машинисткой, то секретарем сельсовета, то нотариусом. Одно время заведовала протокольной группой. Смысла этой работы Митя не понимал, слово «протокол» связывалось у него с милицией – слышал однажды, как милиционер угрожал продавщице мороженого: «Вот составлю на тебя протокол, век не забудешь!» Она, видно, не хотела так долго его помнить и умоляла протокола не составлять.

В Приволжске мать тоже пошла работать, но уже не по протокольной части, а по другой, какой точно, Митя не знал.

Вечерами она украдкой, чтобы не увидел никто из администрации гостиницы, готовила на электроплитке ужин, потом инструктировала сына в отношении завтрашней кормежки. Инструкции никогда не менялись: во-первых, – обязательно съесть что-нибудь жидкое, во-вторых – не выкраивать деньги на марки.

А он и не думал выкраивать на марки, увлечение ими давно прошло, и теперь Митя экономил совсем на другое: такого мороженого, как в Приволжске, он нигде не едал. Стоило его взять в рот, оно, конечно, моментально таяло, так что автоматически выполнялась и первая материна заповедь.

Узнав о финансовых операциях сына, отец спросил:

– Что же ты нас обманываешь?

– Я не обманываю, – ответил Митя. – Мама велела марки не покупать, я их и не покупаю. А в двух порциях мороженого жидкости ничуть не меньше, чем в тарелке супа.

– Значит, ты считаешь, что сказал правду?

– Не совсем, конечно, – упавшим голосом проговорил сын, – но половина – правда...

Он понимал, что ведет нечестную игру, но не мог остановиться.

– А вторая половина?

Не получив вразумительного ответа, отец посоветовал:

– Пораскинь-ка мозгами... Полуправда – это ведь то же самое, что и полуложь. Не так ли? А ты ведешь себя, как заправский демагог.

– Кто это? – Маркин-младший подумал, что «демагог» – имя собственное.

– Во-первых, демагог – не фамилия. – Во-вторых...

– Знаю, знаю! – засмеялся Митя. – Не понял слова, загляни в словарь, снова не понял – спроси...

С отцом было интересно. Он никогда не занимался с сыном по обязанности. Если уж находил время, играл самозабвенно и всегда на равных, без скидок на возраст. Будь то лото для дошколят, конструктор или шахматы. Жаль только, что последнее время Митя видел отца все реже и реже, а когда переехали в Приволжск, – лишь по утрам, когда старший Маркин спал. Митя несколько раз пытался дождаться его с работы: лежа в кровати, внушал себе, как гипнотизер в цирке, только наоборот: «Мои веки не наливаются свинцом... Я не засну... Я не должен засыпать...» И все-таки засыпал.

Мать тоже дожидалась отца. Только она была взрослой, и поэтому ей разрешалось ложиться не раздеваясь, укрыв ноги пуховым платком, читать и даже вставать с кушетки и ходить по комнате из угла в угол. Так любой не заснет!

А еще матери помогал лифт. Номер находился рядом с лестничной клеткой, и в него отчетливо доносился металлический лязг захлопывающихся дверей лифтной шахты.

Мите этот звук ничуть не мешал, у матери же, как она уверяла, были нервы, которые заставляли ее при каждом ударе вздрагивать, прислушиваться к шуму шагов в коридоре и даже подходить на цыпочках к двери.

Часто по ночам она звонила отцу на работу.

– Ты у себя? – задавала она всегда один и тот же вопрос и, услышав его голос, вешала трубку.

«И что она спрашивает? – недоумевал Митя. – Сама ведь слышит, что у себя...»

Спал отец часов до десяти. Чтобы не мешать ему, сын с утра уходил из номера и слонялся по гостинице в поисках занятия.

Первым человеком, который приспособил его к делу, был лифтер Егор Васильевич, маленький, худой, но еще крепкий старичок с добрым лицом, на котором выделялся несоразмерно большой, ярко-красный нос.

Такой выдающийся нос Митя видел только у клоунов да еще у пиратов в кино, поэтому, поднимаясь однажды на лифте, поинтересовался:

– Вы раньше в цирке работали? Или флибустьером?

Митя щегольнул словом, которое сам недавно узнал. К тому же «флибустьер» звучало куда благозвучнее, чем «пират». Но Егора Васильевича оно до того ошарашило, что он, осоловело уставившись на Митю, пробормотал, как бы оправдываясь:

– Из крестьян мы... Камышинские...

Теперь настала Митина очередь удивляться:

– Камышинские! А что, разве там у всех носы такие красные?

– Вон ты о чем! – пришел в себя лифтер и весь затрясся от смеха. – Нет, это только у меня... Я даже к фельдшеру ходил, справлялся ...

– Ну, а он? – Митя не мог понять, почему его вопрос так развеселил старика.

– Определил, что мало вина потребляю. «Пей, – говорит, – больше, посинеет».

Так состоялось знакомство. Вскоре Дмитрий Маркин уже самостоятельно развозил жильцов по этажам. И все это к обоюдной выгоде: ему – удовольствие, дяде Егору – передых.

А в семнадцать открывалась библиотека.

II. СТРАННОЕ СОСЕДСТВО

Теперь в гостиницах библиотек не бывает. Возможно, и та, в Приволжске, была единственной в своем роде, так сказать, экспериментальной. Но опыт, видимо, признали неудавшимся. Если бы среди экспертов был Митя, он бы дал самую восторженную оценку такому замечательному начинанию. Только с одним условием: библиотека должна находиться в отдельном помещении.

Так говорила библиотекарша Марина Сергеевна, обязательно добавлявшая при этом, что в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Под ланью подразумевалась, конечно, она, Марина Сергеевна, а под конем – маркер Антон Никитич Корнев, которого гостиничные называли Добрыней. Так же, подражая им, величали маркера все посетители бильярдной.

– Почему Добрыня? – спросил Митя Егора Васильевича.

Тот сокрушенно покачал головой:

– Неужто не слыхал? Жил такой богатырь... Тоже Никитич. Чему только вас в школах учат?

И кому в голову пришла мысль разместить в одном помещении библиотеку и бильярдную? Странное это было соседство.

В громадной комнате свободно размещались четыре бильярдных стола, штук тридцать мягких стульев для посетителей – они стояли вдоль двух стен, неуклюжая деревянная вешалка, которую Антон Никитич называл дредноутом, пять шкафов с книгами и около них – столик Марины Сергеевны. На нем, кроме чернильницы-непроливайки, стоял деревянный ящичек с абонементными карточками, телефон и стройная, синего стекла ваза с таким тоненьким горлышком, что в него просовывалось от силы три цветка. Ваза была очень неустойчива и постоянно норовила упасть.

Две совершенно одинаковые вывески около двери извещали, что библиотека и бильярдная работают с 17 до 23.

Добрыни Митя сторонился: смотрел на маркера глазами Марины Сергеевны, которая не скрывала своей неприязни к бильярду и бильярдистам.

Почему, – этого Маркин не мог понять. С Антоном Никитичем библиотекарша почти не разговаривала. «Здравствуйте», «до свидания», «вас просят к телефону», – вот и все их общение.

Однажды она протянула Мите книгу, и отметив ногтем абзац, сказала:

– Прочитай! Удивительно верно схвачено.

Он пробежал глазами текст, но не понял, что в нем заинтересовало Марину Сергеевну. И только прочитав еще раз, внимательно, догадался: один из героев Бабеля уверял, будто все бильярдисты – выродки.

С библиотекаршей Митя подружился быстро. Он много раз читал в книгах о тонких чертах лица, классических профилях, больших глазах, которые назывались

очами, о длинных ресницах, золотистых или черных, как смоль, локонах, тяжелых, чуть ли не до пят, косах. Но никогда не мог сложить из этих отдельных признаков красоты конкретный, реальный образ. И вот теперь, увидев Марину Сергеевну, понял: такое бывает не только в книгах.

Мите было радостно и тревожно от того, что не его одного, а почти всех посетителей библиотеки-бильярдной поражала ее красота. Он заметил, что многие мужчины старались обратить на себя внимание Марины Сергеевны, дарили ей красивые коробки с конфетами, приглашали в кино или театр, предлагали проводить после работы домой.

Конфеты перепали Мите, что же до приглашений-предложений, то, к его радости, она их безжалостно «дробила». Это слово, вычитанное в какой-то книге о морях, соответствовало сухопутному «отказать», «не разрешить».

В гостинице Марину Сергеевну уважали и, как показалось Мите, жалели. Лифтер Егор Васильевич вздыхал:

– Это надо ж... такая красота, а зазря пропадает... Не должно такого быть.

– Почему зазря? – не понял Митя.

– Да как уж тебе и разобъяснить, не знаю... Такая женщина мужика должна иметь... Мужа, так сказать... А она своєю в запрошлом году взашей вытолкнула. Да и то, правда, прощелыга был, не приведи господи... Все на бильярде спустил. Кроушки ей попортил, это точно. У нас-то он не играл. Добрыня этого не терпит, за версту барышников узнает. Нюх на них особый имеет.

Однажды мальчик услышал, как уборщица Груня говорила дежурной по этажу:

– Зачахнет Марина со своими книжками. Как-никак, а бабе скоро тридцать...

– Не зачахнет, – ответила дежурная. – Только уж перебирает очень. Принца ей подавай.

Митя не хотел, чтобы Марина Сергеевна зачахла, и он спросил ее о принце.

– Подожди, – засмеялась она, – может, познакомлю.

Мальчик проводил в библиотеке все вечера. Подшивал газеты, разбирал и раскладывал на столике журналы, быстро находил в ящичках формуляры читателей, распечатывал пакеты с новинками. Эту работу он любил выполнять сам, без помощников и свидетелей. Просил только об одном: не говорить заранее, какие книги находятся в свертке.

Пакет Маркин раскрывал не сразу, чтобы не видеть все его содержимое, а доставал книги по одной, продлевая удовольствие. Если сверху лежали руководства по разведению кроликов или по борьбе с сусликами, не отчаивался, уверяя себя: вот сейчас, наконец, извлечет такое...

Особенно Марина Сергеевна была благодарна Мите за то, что тот добровольно взял на себя самый неприятный для нее труд: напоминать жильцам о необходимости

сдать перед отъездом библиотечные книги. А он с радостью бегал по этажам и смело стучался в номера...

Как и отец, Марина Сергеевна никогда не разговаривала с ним, будто с маленьким, не спрашивала снисходительно о прочитанном: «О чем же поведал тебе автор?» В ответ на его многочисленные вопросы не отвечала, как некоторые учителя в школе: «Вырастешь – узнаешь!» А когда он спросил у нее, что такое «гегемон», сказала, совсем как отец:

– Ты ведь знаешь, где стоит словарь. «Гегемон» понадобился Маркину вот почему.

Иногда Марина Сергеевна отдавала ему ключи от шкафов и просила посидеть за нее. Он брал «Огонек» и пытался отгадывать кроссворд. Однако сосредоточиться было трудно: мешал стук бильярдных шаров, взрывы смеха, возгласы, вроде «кладу туза дуплетом в угол»... Митя откладывал журнал и наблюдал. Не за игрой – в ней он ничего не понимал, а за игроками, особенно за маркером Антоном Никитичем Корневым, дядей Добрыней.

Высокий, худощавый, с пружинистой походкой, всегда подтянутый и чисто выбритый, он напоминал Мите спортсмена, призывающего с плаката сдавать нормы ГТО. Черный свитер, в котором Добрыня всегда ходил, еще больше подчеркивал его спортивность. И если бы не совершенно седые волосы, ему можно было дать не более сорока. Митя удивился, когда узнал, что маркеру пятьдесят.

Всех посетителей бильярдной Антон Никитич делил на три категории. К одной относились прихожане – так он называл городских жителей, которые приходили сюда специально поиграть на бильярде.

Вторых – работников гостиницы, ухитрявшихся совмещать работу с культурным отдыхом, окрестил совместителями.

Эти две группы маркер демонстративно игнорировал, отдавая предпочтение постояльцам.

– Бильярдная не для вас, – говорил он прихожанину или совместителю, – хозяин здесь жилец, он, так сказать, гегемон... Стол вам придется уступить...

Заглянув по совету Марины Сергеевны в словарь, Митя понял одно: гегемон – это начальник, главный. Поэтому ему странно было видеть, как робко, не по-хозяйски они ведут себя в бильярдной. Если бы не Корнев, гегемоны чаще всего оставались бы в роли зрителей.

Слушались Антона Никитича так, как редко слушаются в школе даже самого любимого учителя.

Когда кто-нибудь из новичков пытался закурить в бильярдной, его предупреждали:

– Добрыня этого не терпит.

Фраза произносилась таким тоном, что новичок поспешно прятал папиросу обратно в коробку или выходил из комнаты.

Случалось, правда, предупреждение вызывало насмешку, а то и возмущение:

– Где видано, чтобы в бильярдной не курить?! Нет такого правила! Это половина удовольствия... А я свои кровные за полное плачу!

Маркер обычно не вмешивался, знал, как будут развиваться события.

А развивались они так. Партнер курильщика спокойно ставил свой кий в стойку и твердо говорил:

– Играть с вами отказываюсь.

Курильщик ругался, предлагал партию другим игрокам, но его словно не замечали...

К Антону Никитичу обращались за советом, он разрешал все споры, его похвалой гордились и долго о ней вспоминали.

Нюх на барышников, о котором говорил Егор Васильевич, был у Добрыни, действительно, редкий.

Однажды, когда Марина Сергеевна ушла в бухгалтерию, Митя, сидевший за ее столиком, услышал громкий шепот двух мужчин. У одного, когда он говорил, над верхней губой смешно двигались тонкие усики – словно гусеница шевелилась.

– На бутылку с закусью? – спросил усатый.

– Идет!

– А если снова зажилишь?

– Так я ж тогда без копыя сидел...

– Чего ж играть лез?

– Кто старое помянет... Мы вот как сделаем: бросим деньжата в лузу. Чтобы без обману.

– Да черт его знает, какой здесь маркер... Есть еще такие – всю обедню испортит. Давай лучше так...

Они пошептались и неожиданно обратились к Мите.

– Ты, парень, как, тайну хранить можешь? – заговорщицки зашептал один, обдавая его винным перегаром.

– Могу, – ответил мальчик, хотя ему совсем не хотелось связываться с ними.

– Да ты, брат, орел, мужик что надо! Мы тут на столике, вот под этой вазой, кой-что оставим... Кто из нас партию возьмет, тому и отдашь. Лады?

– Лады.

– Могила?

– Могила, – упавшим голосом проговорил Маркин.

Они положили под вазу деньги, повесили на дреднот пиджаки и отправились выбирать кии.

Митя понимал, что обязан рассказать обо всем Антону Никитичу, но удержало данное впопыхах слово. Кляня себя, стал наблюдать за игрой.

Партнеры поминутно ссорились, обвиняли друг друга в незнании правил, выкрикивали непонятные фразы:

– Чужой вылетел! За него штраф не полагается!

– Бабушке заливай! В американку за любой платить надо! Это тебе не пирамида...

Или:

– Куда бьешь? Они у борта стоят!

– А мне плевать! Нет такого правила, чтобы не бить! Какой хочу, такой и бью!

Неожиданно около стола появился Добрыня. В глазах – недобрый блеск, фигура напряжена, – в своем черном свитере он напоминал пантеру, выследившую добычу и готовую к прыжку. Ни слова не говоря, смешал шары и повелительно кивнул на дверь.

Те, к кому был обращен столь выразительный жест, вначале оцепенели от такой неслыханной наглости. Первым пришел в себя усатый.

– Этт-т-то что такое? – взвился он. – Да какое ты имеешь право? Да знаешь ли ты...

Но Корнев не дал ему договорить:

– Знаю. И право имею. Играть на деньги не разрешаю.

Митя испугался, подумал, что те полезут в драку, но рядом с маркером уже стояли два бильярдиста. Их позы красноречиво призывали буянов к благоразумию.

– Кто вам сказал, что мы на интерес играем? – спросил второй, уже более миролюбиво. – Да у нас про то и в мыслях не было... Как на духу...

– Придется вам поверить моему опыту. Глаз у меня на такое дело наметан. А сейчас, – кии в стойку и – кругом марш! – Добрыня говорил, как шары в лузу забивал: удар – шар, еще удар – снова шар.

Маркин все еще сомневался, не заварят ли барышники кашу, и облегченно вздохнул, когда они, схватив со столика свои деньги, бросились к выходу.

– Пиджачки забыли! – радостно закричал им вслед Митя, водворяя на место едва не шлепнувшуюся на пол вазу.

Играл Антон Никитич только тогда, когда не оказывалось ни одного претендента на стол. Но как играл! Даже Дмитрий Маркин, ничего не смысливший в бильярде, не мог оторвать глаз от увлекательного зрелища.

Это было действительно зрелище, спектакль, театр одного актера, в котором второй только подыгрывает.

Представление обычно начиналось еще до первого удара. Добрыня доставал из шкафчика свой кий, на рукоятке которого была выжжена непонятная надпись: «В четвертом – партия!»

Об этом кие среди бильярдистов ходили легенды. Митя не раз слышал, как в отсутствие маркера посетители затевали спор. Одни рассказывали, будто инструмент принадлежал другу Пушкина Нащокину, и им играл сам великий поэт. Другие уверяли: кием тем, действительно, Александр Сергеевич шары забивал, а Корнев получил его от командования Красной Армии во время гражданской войны за секретную операцию в тылу у Деникина; третьи клялись, что были свидетелями тому, как иностранный инженер, работавший на строительстве завода в Приволжске, предлагал Добрыне сменить его кий на мотоцикл.

Но ни одна из версий не объясняла происхождения таинственной надписи. Сам же Антон Никитич на этот счет никогда не распространялся, а когда досаждали расспросами, отвечал:

– Длинная это история...

Достав кий, маркер обычно говорил:

– Что, соскучился? Ничего... Сейчас мы с тобой поработаем... Потерпи, дружок!

Он извлекал из шкафчика зеленую бархотку и минуту-другую протирал ею гладкую полированную поверхность. Потом в ход шел мелок, тоже индивидуальный. Работал Добрыня мелком не торопясь, не так, как многие, считающие эту процедуру нудной необходимостью. Мелил не только кожицу – весь кий и руки.

Если партнер оказывался чересчур нетерпеливым, объяснял:

– Поймите, у плохого игрока инструмент всегда за козла отпущения. Позиция, ничего не скажешь, удобная, но вряд ли разумная...

Хотя Антон Никитич и называл игру работой, работал он так вдохновенно, что в бильярдной возникала приподнятая, праздничная атмосфера.

Прежде, чем сыграть особенно трудный шар, Добрыня долго на него смотрел, как бы гипнотизировал, затем, уже собираясь произвести удар, подбадривал:

– Что, боишься? А ты напрягись... Ну...

(«Как акушерка», – тихо сказала как-то Марина Сергеевна, услышав наставление маркера. Но Маркин не понял, причем тут акушерка.)

И шар напрягался.

Добрыня играет! Эта весть мгновенно, облетела гостиницу, и бильярдная наполнялась совместителями. Они окружали стол, на котором работал Антон Никитич и мешали Мите смотреть увлекательный спектакль. Пока представление не кончалось, три других бильярда стояли сиротами.

С каждым днем маркер Корнев все больше и больше нравился мальчику. Но между ними стояла Марина Сергеевна...

III. ЗО-ВИ-ТЕ ЕГО МА-ЛЯВ-КОЙ!

– В одну шеренгу становись! – Учитель физкультуры вытянул руку, показывая, в каком направлении становиться. Ребята, толкая друг друга, бросились выполнять команду.

Начался новый учебный год.

Прикинув, где кончится строй, Маркин первым занял свое законное место – последнее. По росту он всегда являлся «чемпионом шиворот-навыворот», не уступал этого звания ни в одной школе.

Расчет его был настолько точным, что, когда выстроился весь класс, ему не пришлось даже подвинуться. И конечно же, он оказался почти на голову ниже самого маленького ученика.

Шустрый новичок понравился учителю, и он невольно воскликнул:

– Молодец, малявка!

Все засмеялись.

«Такого еще не случалось, – с грустью подумал Митя. – Везде, где я учился раньше, клички давали ученики учителям. Здесь, кажется, наоборот». Потом решил обреченно: «Не все ли равно, кто первым назовет?»

Сколько бы раз он ни переезжал, за ним обязательно увязывалась эта кличка, будто кто-то специально телеграфировал: «К вам вы-е-хал Ми-тя Мар-кин, зо-ви-те е-го ма-ляв-кой».

Школы, в которых довелось учиться Мите, были с различными уклонами.

В одной все, начиная от первоклашек и кончая бреющимися дядями-десятиклассниками, коллекционировали марки. Перемены здесь напоминали доисторический базар: купли-продажи нет; только обмен. Со всех сторон несется:

– Даю Бельгийское Конго за Итальянское Сомали...

– У кого есть, Монако?

– Кому Мадагаскар?

– Три Австрии и три Венгрии за одну Австро-Венгрию...

Марки в такой школе являлись незаменимыми наглядными пособиями; их демонстрировали на уроках ботаники, зоологии, литературы, не говоря уже о географии.

В другой – стены всех классов и коридоров завешаны таблицами шахматных соревнований – отрядных и дружинных, общешкольных и районных, мальчишеских, девчачьих и смешанных.

Новичка здесь спрашивали:

– Какой разряд имеешь?

И если разряда не имелось, – теряли к нему всякий интерес. Так же, впрочем, как и к учителю, проявившему безразличие к спору о составе очередного международного турнира. Шахматные чемпионы почитались ничуть не меньше, чем полярные летчики или школьница Мамлякат, награжденная орденом Ленина за рекордный сбор хлопка.

В третьей собирали спичечные этикетки.

Митя изо всех сил старался быть как все. Но мешали частые переезды: только заведешь альбом с марками, изволь переключаться на «защиту Нимцовича». Оставалось одно: стать футболистом.

Футбол в те годы не знал конкуренции. Как только начинал таять снег, до того времени, когда он вновь покрывал землю, филателисты и филуменисты, нумизматы и шахматисты становились беками и вратарями, левыми и правыми крайними. Отгораживали площадку, приносили камни, чтобы отметить линию ворот (за неимением камней в ход шли ранцы и портфели), назначали судью, которого никто не слушал и не слушался, и игра начиналась.

И конечно же, в тот первый школьный день мальчишки на всех уроках сидели, как на иголках, с тоской поглядывая в окна, – за ними виднелся пустырь, где вдохновенно гоняли мяч ребята из второй смены. Когда мяч влетал в ворота или назначался одиннадцатиметровый, по классу пролетал сдержанный гул.

Наконец, долгожданная минута наступила. Разделились на две команды, одна – в брюках, другая – в трусах, а новенькому сказали:

– Ты, малявка, посуди!

– Ребята! – взмолился Митя. – Я ведь левого крайнего в сборной играл... школьной... Вы не смотрите, что я маленький... Дайте постучать...

Но сегодня об этом не могло быть и речи: составы комплектовались на переменах, и желающих добровольно уступить свое законное право играть не находилось.

– Вырастешь – настучишься! – наставительно сказал ему бомбовоз. Так называли здорового парня, капитана «брючников». Он вставил Мите в рот сирену и тоном человека, привыкшего повелевать, приказал:

– Дыши глубже!

И Митя дышал. Однако свистка никто не слушал. Он уже собирался обидеться и добровольно сложить свои высокие полномочия, как вдруг ему крупно повезло: за вратарем «трусят» пришла бабушка, и бесстрашный голкипер, захватив одну штангу – свой портфель, – бросился наутек. Вратарем поставили левого крайнего, а вместо него – судью.

Маркин старался вовсю, – знал: сдает экзамен. Он носился по всему полю, кричал: «Пасуй! Пасуй!» – но противник легко прерывал адресованные ему передачи. Девчонки, наблюдавшие за игрой, начали отпускать по его адресу шуточки...

Мяч оказался в ногах совершенно неожиданно. Митя ринулся вперед. Страстное желание забить гол ослепило; он не видел ни устремившегося на него бомбовоза, ни открывшегося на правом краю товарища по команде. Думал только об одном: «штука» должна быть чистой, такой, чтобы соперники не заорали, будто мяч прошел выше или левее ворот.

Когда малявка упал, никто не придавал этому значения. Только заметив, что он долго не встает, прекратили игру и сгрудились вокруг. Кто-то усомнился, не притворяется ли новичок, но на него зашикали: малявка никак не походил на симулянта.

Удар пришелся сантиметров на десять выше ступни. От страшной боли Митя потерял сознание. Очнувшись через несколько секунд, услышал неестественно тонкий, плачущий голос бомбовоза:

– У него хрустнуло... ребята... Я не хотел, не хотел!! Не верите?!

IV. ШАРИК НА НАШУ ПОЛОЧКУ

Кость «склеили» удачно, и врач разрешил навещать больного. Не только отцу с матерью – те и так просидели у него двое суток, а всем, кто захочет...

Приходили учителя – классная руководительница и физкультурник, мать бомбовоза – громадная добрая женщина, угощавшая Митю вкусными пончиками с яблочным повидлом, Марина Сергеевна, лифтер Егор Васильевич.

А однажды в палате появился дядя Добрыня.

Митя и подумать не смел, что маркер разыскивает его. Однако ошибся.

Антон Никитич крепко пожал ему руку и по-хозяйски расположился на табуретке возле кровати.

Но едва он сел, в палату вошел сам Бармалей – так Маркин прозвал главного врача Наума Николаевича – за густые, точно заросли в джунглях, брови, колючий взгляд и ястребиные нос.

Главного в больнице побаивались все: и врачи, и сестры, и больные. Митин сосед, бывший партизан, пожилой человек, орденосец, как-то признался:

– Колчака не страшился, а этого лешего боюсь. Как зайдет, поверишь ли, по стойке «смирно» лежу... Вот ведь какая карусель!

«Ну, сейчас начнется... – со страхом за дядю Добрыню подумал Митя. – Время-то не для посещений».

И спрятал голову под одеяло.

Но, когда выглянул из своего укрытия, поразился перемене в лице Наума Николаевича. На нем не осталось и следа суровости. Оно светилось радостью. Таким Маркин видел главврача впервые. Он скорее походил на Айболита.

– Вот не ожидал, – пророкотал Айболит-Бармалей, протягивая Антону Никитичу обе руки. – Каким дуплетом к нам?

– Сослуживца пришел проведать, – улыбнулся маркер, кивнув на мальчика.

– То-то я все вспоминал, где я этого Бутусова видел, – врач назвал фамилию прославленного футболиста. – Точно, у вас в бильярдной...

Тут и Митя вспомнил, что Наум Николаевич был одним из немногих, с кем однажды играл дядя Добрыня.

– Ну как, Антон Никитич, – спросил врач, присаживаясь на край Митиной койки, – союзное первенство состоится?

– Намечается, – неопределенно ответил маркер.

– Поедете? Кроме вас, никому...

– Хотелось бы...

– А что невесело? На секцию покушаются?

– С каждым годом все яростнее, – в голосе Антона Никитича послышалась обреченность. – Насмежаются: курица не птица, бильярд – не спорт... Зря, мол, секцию создали... Прикрыть грозятся.

– Так и до летального исхода недалече, – грустно улыбнулся главный. – А тут еще коммерсанты разные...

Митя не знал, что такое летальный, но по интонации догадался: дрянь дела у бильярда, его ожидает что-то страшное, нехорошее. А вот причём здесь коммерсанты, понять не мог.

– И не говорите, – вздохнул Добрыня, – анкета у бильярда, прямо скажем, подмоченная. Не могут ему забыть дворянско-трактирного происхождения. Коммерсанты тоже гадят... Им что бильярд, что очко – все едино. Воюю, как могу...

– Да разве я не знаю? Только у вас и сыграешь по-человечески... Неужто и защитников у бильярда не имеется? Может, клич бросить, а?

– Имеются, – без особого энтузиазма проговорил маркер. – Свет не без добрых людей... Кржижановский Глеб Максимильянович... Большой души бильярдист! Чкалов... Тоже горой за секцию стоит. Да, чуть не забыл... Буденный, Семен Михайлович. Из писателей еще...

– Ну, Семену Михайловичу сам бог велел за вашего брата вступиться, – перебил врач. – Бильярд ведь ему руку спас...

– Seriously? – Антон Никитич с недоверием посмотрел на собеседника. – Играть с Буденным доводилось, а такого что-то не слышал... Может, легенда? О бильярдистах, знаете ли, такого порой понакрутят...

Митя испугался, что Наум Николаевич обидится. Но тот пропустил мимо ушей замечание Добрыни.

– Не помню точно, когда это было, в 19-м или в 20-м... Ранили Семена Михайловича в руку. Очень серьезное ранение. Собрались мы на консилиум. Человек восемь. Вертели его, крутили... Некоторые говорят: «Ампутировать надо, другого выхода нет».

На том бы и порешили, да воспротивился один профессор. «Вот что, дорогой, – говорит Буденному, – операцию я вам сделаю, но обещайте, что после нее будете на бильярде до седьмого пота шары гонять. Только так руку спасете...»

Наум Николаевич привстал с койки, потер затекшие ягодички, снова сел.

– А дальше, дальше что? – подался к нему маркер. – Помогло?

– Семен Михайлович, понятное дело, отвечает: и до сто седьмого играть буду, лишь бы рука цела осталась. Только бильярдом ее и сохранил! Вот вы им там, – врач ткнул в пространство пальцем, – и расскажите эту легенду.

– Рассказать можно, – улыбнулся Антон Никитич, – только сильно сомневаюсь, подействует ли...

Лицо его вновь стало серьезным, он тяжело вздохнул.

– Одного боюсь: ликвидируют секцию, – совсем конец бильярду. Оплюют его и измызгают! Приличный человек бильярдную за версту обходить станет. А нами детей пугать начнут...

Они помолчали.

– Ну, да что мы панихиду раньше срока служим? – не слишком уверенно, как показалось Мите, произнес Добрыня. – Обойдется...

– И то верно, – отозвался Наум Николаевич. – А ниспровергатели... Они вон и железные дороги хотели скрыть за их буржуазное происхождение. Ишь чего придумали: дворянская игра!.. Сие уж из области психиатрии, не иначе... Патология!

– Ваши слова да кое-кому бы в уши, – засмеялся маркер. – И хватит об этом... Вот за мальчика вам спасибо!

– Бильярдом не интересуешься? – неожиданно спросил Маркина врач.

Мальчик не сразу сообразил, что вопрос обращен к нему, и стушевался.

– Нет, он больше книгами, – пришел на помощь Антон Никитич.

– Книгами – это хорошо... Но тебе не мешало бы, как гипс снимут, ногу потренировать... В гостинице не очень-то нагуляешься. А бильярдист за одну партию километра два отшагает, не так ли, товарищ маркер?

– До трех, а то и больше.

– Вот видите... Бильярд, конечно, спорт больше для пожилых, но в твоём, брат, положении я бы непременно воспользовался... Мышечная нагрузка отличнейшая и, что очень важно, – самая разносторонняя! Эх, было бы время, научный труд накатал.

– А напишите! – обрадовался маркер. – Глядишь, – шарик на нашу полочку.

– Где там... – отмахнулся главный. – Дохнуть некогда! Разве что материал начать собирать...

И, поднимаясь с койки, спросил:

– Спина-то как, Антон Никитич? Не беспокоит? Давненько я ее не смотрел.

– Спина в порядке.

– Вот мы сейчас и проверим! Пойдемте ко мне, а то ведь вас иначе до греческих календ не дожدهшься!

– Может, в другой раз? У кого хотите спросите, ни разу не тревожила.

– Я же сказал: сейчас! – перед Митей вновь был Бармалей. – Не хватало еще, чтобы я в справочном бюро о вашем здоровье справлялся!

Добрыня повернулся к мальчику, безнадежно развел руками: «Извини, брат! Сам видишь, какое дело». И покорно побрел за главврачом.

– Ну, как спина у дяди Добрыни? В порядке? – отважился спросить Митя Наума Николаевича, когда тот на следующий день зашел в палату.

– Спина?.. А-а-а... вон ты про что, – улыбнулся врач. – Она, брат, у нашего Добрыни из слоновой кости! Ей-ей! Мед арбузный любишь?

– Арбузный?.. А разве есть такой?

– Еще как есть! – врач даже причмокнул от удовольствия. – Тебе костыли сделали?

Митя никак не мог привыкнуть к его манере разговаривать: начал о спине, потом про мед, теперь – костыли.

С костылями не ладилось. Когда их принесли, – обрадовался: наконец-то! Думал – чего там сложного, обопрись и топай! И топнул... Так, что не будь рядом соседа, грохнулся бы на пол. Попытался еще раз, снова неудача. После этого спрятал костыли за койку, в угол – лучше уж лежать.

– Вот они... Только я...

– Можешь не объяснять. Поначалу, брат, оно всегда трудно. Ты у матери спроси, сколько шлепался, пока с четверенек поднялся. Приходи сегодня ко мне в гости. Приглашаю на чай с арбузным медом. Где мой кабинет, знаешь?

– Так ведь это – по лестнице...

– Ерунда! Всего два пролета. Договорились? Сразу после ужина и отправляйся.

До кабинета главврача Митю сопровождал сосед-партизан. Когда подошли к лестнице, – подхватил под мышку и снес.

Арбузный мед оказался на редкость лакомым блюдом, особенно со свежей булкой и чаем, который хозяин заваривал сам, беря по щепотке из нескольких пакетиков.

А на десерт...

– Я тогда армейской медициной заправлял, – сказал Наум Николаевич, заметив, что Митя отвалился, наконец, от тарелки с медом. – Штаб у нас в Надеждинске располагался. Город большой и стратегически важный.

В июле девятнадцатого – как гром среди ясного неба: белые прорвали фронт. Дырка образовалась, скажу тебе, не малая, тят-ляп не зашьешь. Вначале не разобрались, думали – пустяк, чего не бывает. Ну, а потом, когда хлынули в ту дырку отборные части генерала Кабанова, тут уж даже нам, медикам, ясно стало: болезнь серьезная, не какой-нибудь насморк!

Ты, наверно, размышляешь, причем, мол, здесь Антон Никитич? Это все присказка, дойдет и до него черед, сперва о Кабанове. Появился тот генерал на нашем участке недавно, и разведчики в спешном порядке собирали о нем сведения. Важная это, брат, на войне штука, знать, с кем имеешь дело.

Главным чекистом был у нас в той губернии Ян Лайвинь. Правда, мы его из латышей в Ивана Лавина перекрестили. По-русски говорил без всякого акцента, только, когда очень нервничал, латышские слова вставлял.

V. В «ЧЕТВЕРТОМ» – ПАРТИЯ!

– Что ты меня его биографией пичкаешь?! – Лайвинь резко отодвинул папку, положенную перед ним помощником. – Я и без тебя знаю: происхождения дворянского, академию кончил, в пятом карательную возглавлял, в германскую воевал... Сотый раз повторяю: ты мне человека подай, чтоб я знал, какой суп он уважает, сколько кучеру на водку дает, по малой или по большой в карты играет, как у него по линии женского полу... ну, и прочее.

– А я тебе, товарищ Лавин, сотый раз отвечаю: нету у него прочего! Картами не интересуется, пьет только чай да кумыс. Повара при себе не держит, так что, думаю, жрет, что и все офицеры. По части девиц тоже не наблюдалось.

– Вот послал господь херувима на мою голову! – Лайвинь стукнул кулаком по столу. – Не верю, чтобы не было у человека отдушны. Кумыс пьет... Где ж он его берет?

– Кобылиц держит... Куда он, туда и табун. У него в обозе только и добра, что кумыс да этот... как его... ну, палкой там шарики пихают...

– Бильярд?

– Вот-вот... Он самый.

– Так чего же ты!.. – Лайвинь побагровел от негодования. – Lai tu lepns būtu!

– Что ты сказал? – оторопело посмотрел на него помощник. – Ругаешься по-своему, да? Куда ты меня послал?

– Латыши далеко не посылают, – улыбнулся Лайвинь. – Если уж не вмоготу, – русским пользуются. Проклинал я тебя, это точно. Есть у нас такое проклятие: «чтоб ты гордый был!» Говорят, от цыган пришло.

– Подумаешь, проклятье... – недовольно протянул собеседник. – Я тебе скажу: ерундой занимаешься, товарищ Лавин, а время не ждет! Официально предупреждаю... Люди у нас там есть... И неплохо устроены.

– Ерундой? Ты сам-то хоть раз кий в руках держал?

– Не приходилось... Карты – другое дело. Уголовники в Сибири научили. Хочь в рамс, хочь в штос, побурить тоже могу.

– Я б тебя сейчас под арест забурил, да обстановка не позволяет! Рассказывай, Шерлок Холмс ты бубновый, какой такой бильярд генерал Кабанов в обозе таскает! Знал я, знал: не может человек без отдушины!

Через некоторое время прояснилась такая картина: Кабанов – страстный бильярдист, спортсмен, победитель многих соревнований. Тренируется ежедневно, для этого и стол бильярдный всюду с собой возит. К бильярду человек особый приставлен – казак из личной охраны, тоже игрок отменный.

План созрел быстро, и в тот же вечер по городским бильярдным отправился один из сотрудников Лайвиня, знающий толк в игре, – приглядывался к обстановке, посетителям, иногда и сам становился к столу.

В бывшем Дворянском собрании его внимание привлек мужчина лет тридцати. Такого мастера он видел впервые.

Словоохотливые завсегдатаи рассказали, что мастер – все здесь называли его Добрыней – потомственный, бильярдист, – его отец был маркером царского дворца в Крыму. Почему Добрыня поселился в Надеждинске, – никто не знал. Приехал сюда не то в седьмом, не то в восьмом, женился и все эти годы маркерил в Дворянском собрании. Жена – модистка. Есть у них сынишка – десятилетний Славка, которого отец регулярно тренирует, поэтому пацан уже сейчас многих мастеров обставляет.

Из других источников выяснили: Добрыня – Антон Никитич Корнев – участник революции 1905 года в Севастополе. В феврале шестого вместе со старшим братом Алексеем был арестован за агитацию во флотском экипаже. Всю вину Алексей взял на себя, и его зверски замучили в камере. Антон отделался двумя годами ссылки в Вятскую губернию.

Приехал в Надеждинск, от революционной деятельности отошел. Февральскую революцию встретил с радостью; Октябрь – настороженно.

Когда в прошлом году белые первый раз взяли Надеждинск, города не покинул, продолжал маркерить на старом месте. Однако, увидав, что творят «освободители», к советской власти явно потеплел.

Встреча Лайвиня с Корневым состоялась ночью, в маленьком, притаившемся за густой сиренью домике на окраине города. Проговорили они до рассвета. С глазу на глаз. Прощаясь, крепко пожали друг другу руки.

А через три дня под колокольный звон в Надеждинск вошли части генерала Кабанова.

– Здесь курить не разрешается! – Антон Никитич был бледен, но говорил твердо, глядя прямо в глаза белобрысому, изрядно подвыпившему поручику.

– Что ты сказал?! Вы только послушайте, господа, этот плебс учит меня правилам хорошего тона! А ну, повтори, сволочь!

Рука поручика легла на кобуру и стала шарить в поисках замка. Кобура была новая и никак не открывалась.

Посетители, в основном, – офицеры – с любопытством ожидали развязки.

– Курить в бильярдной не разрешается! – строго повторил маркер.

Пьяный остервенел. Дернул что есть силы за кожаный отворот, вырвал с мясом застёжку и, выхватив, наконец, наган, дулом указал на брошенную в кресло пачку папирос:

– Считаю до трех! Или ты закуришь, хамское отродье, или... Раз!

Корнев молчал и не двигался с места. Только еще сильнее побледнел.

– Два! – ствол медленно поднимался. Вот он оказался на уровне лба Антона Никитича и застыл.

В бильярдной стало необычайно тихо. Слышалось только жужжание бившейся в оконное стекло мухи да прерывистое дыхание пьяного поручика.

– Маркер прав! – резкий, повелительный голос заставил всех обернуться.

Увидав Кабанова, поручик сразу обмяк и начал судорожно вкладывать наган в кобуру.

– Не трудитесь! – остановил его генерал. – Положите оружие на стол! Вот так. А теперь – отправляйтесь в комендатуру. Я потом распоряжусь.

Когда офицер, стараясь печатать шаг, что, впрочем, ему плохо удавалось, вышел, Кабанов окинул тяжелым взглядом присутствующих:

– Предупреждаю, господа... Правила бильярдной – священны! Это не только приказ, но и просьба.

Он сел на стул, который подставил ему один из офицеров и пальцем поманил к себе маркера.

Тот подошел и представился.

Генерал несколько секунд с любопытством разглядывал его, потом встал и, протянув руку, приветливо сказал:

– Наслышан. Хвалю! С батюшкой вашим играть доводилось... Посмотрим, так ли и вы сильны...

Они сыграли три партии.

Первую маркер проиграл: сказалось пережитое волнение да и силы партнера явно недооценил. Вторую взял с минимальным перевесом. Начали третью.

«Как лучше поступить? – лихорадочно соображал Корнев. – Отдать партию? Но генерал – опытный спортсмен. Глаз у него наметан. Чуть сфальшивишь, сразу заметит. Тогда все пропало. Выиграть? Трудно сказать, как будут реагировать их превосходительство».

Так и не приняв никакого решения, Антон Никитич с интересом приглядывался к партнеру. С таким сильным противником ему нечасто приходилось встречаться.

Корнев и не заметил, как игра целиком захватила его самого. Пришло вдохновение, спортивный азарт приятно щекотал нервы.

Опомнился лишь тогда, когда положил последний шар. Усилием воли заставил себя посмотреть на Кабанова. И сразу отлегло от сердца генерал улыбался.

– Только ради одной этой партии стоило Надеждинск брать! – воскликнул он, еще раз пожимая руку маркера. – Не посрамили вы своего батюшку.

Теперь они играли ежедневно.

Бильярдная никогда не пустовала. Подражая командующему, почти все офицеры штаба усиленно тренировались. У Корнева не было отбоя от желающих научиться играть по-кабановски. Перед Антоном Никитичем заискивали, предлагали деньги, без него не обходилось ни одно обмывание красиво положенного шара или выигранной партии.

Он учил. И плату брал.

О чем только ни говорили офицеры в его присутствии! Об отправке частей на фронт и нехватке фуража, полученных танках и перемещениях в высшем командовании, предстоящих операциях, прибытии иностранных советчиков, натянутых отношениях между Кабановым и Деникиным, крестьянских восстаниях в тылу и планах карательных экспедиций.

Разбухший от этих сведений Корнев два раза в неделю – воскресенье и четверг – отправлялся на рынок, где покупал молоко – всегда у одного и того же угрюмого одноглазого старика с нерасчесанной пепельной бородой, в которой вечно торчали крошки махорки и хлеба.

Особенно богатый улов привез маркер из поездки по фронту с генералом Кабановым.

На ночлег останавливались обычно в деревне. Генерал сам руководил установкой походного бильярда – для этого выбрасывалась вся мебель из самой большой комнаты самого большого дома. Если размахнуться для удара кием по шару мешала стена, ее ломали и из двух комнат делали одну. Если пол оказывался земляным, подставляли специальный деревянный настил, который тоже возили с собой.

Каждый день, в любых условиях – однажды даже под артобстрелом красных – играли они не менее трех партий.

Обыкновенно побеждал Корнев, но бывали случаи, когда ему приходилось терпеть поражение.

После игры денщик обязательно приносил Кабанову огромную, словно амбарная книга, только вдвое толще, тетрадь в кожаном переплете с металлической застежкой. В этот фолиант генерал собственноручно заносил ход каждой сыгранной партии: анализировал удачные удары и характерные ошибки, рисовал схемы различных позиций и предлагал варианты их оценок, прослеживал причины проигрыша, причем искал их не только в недостатке мастерства, но и в душевном состоянии бильярдиста.

Когда Кабанов прочитал маркеру запись об одной из сыгранных ими партий, Антон Никитич поразился глубине произведенного анализа.

– Вашей тетради цены нет! – с искренним восхищением воскликнул он. – Издать бы...

– Всему свой срок... – как-то неопределенно ответил генерал, протягивая Корневу фолиант. – Можете полюбопытствовать.

Часть этого своеобразного дневника занимал алфавитный перечень бильярдистов, которые были партнерами Кабанова. Указывались время и место встреч; каждому игроку давалась характеристика.

Антон Никитич взял тетрадь и наугад прочитал:

«Граф В. Петербург. 1903, май. Не спортсмен. И никогда им не будет: жалеет расходовать свой ум на такие пустяки, как бильярд.

...Рядовой Д. Киев. 1908, март—май. Увидел бильярд всего год назад. Теперь при мне. Больше всего боится ненароком выиграть. А талант отменный... Трижды наказывал карцером, не помогает: уверен, что начальство огорчать нельзя. Вот и сделай из такого народа спортсмена!

...Писатель К. Одесса. 1909, декабрь. Подвержен настроению. Может показать высочайший класс и тут же проиграть дилетанту. Думаю – это профессиональная болезнь. И не только писателей, но и актеров».

Самая краткая характеристика давалась какому-то Е. И. В. Н. (место и время встречи были тщательно зачеркнуты). Всего одно слово: «Кретин».

Корнев уже хотел спросить – чем заслужил этот Е. И. В. Н. такую лестную аттестацию, но тут же вспомнил, что именно так выразился однажды отец по адресу царя. Ну конечно же: Его Императорское Величество Николай II!

– Скоро и на вас досье заведу, – забирая у маркера тетрадь и глядя прямо ему в глаза, произнес Кабанов.

Слова эти, совершенно естественные в данном разговоре, заставили Корнева вздрогнуть.

Из поездки возвратились в пятницу, и Добрыня с трудом дождался воскресенья. Но одноглазого на месте не обнаружил. Часа два шатался по рынку – связной не появился. В четверг – та же история.

Оставалось одно – воспользоваться адресами, которые дал Лайвинь. «В случае крайней необходимости! – вспомнил Антон Никитич инструкцию. – Поди определи, где она – крайняя...»

Явок было две. Первая в самом центре, на третьем этаже каменного дома за высокой чугунной решеткой. Но идти туда не решился: в особняк по соседству неделю назад перебрался кабановский штаб, и около него постоянно сновали офицеры, каждый из которых мог узнать маркера из Дворянского собрания.

И отправился Антон Никитич по другому адресу – на тихую Кроличью улицу.

Более точного названия для нее нельзя было и придумать. Корнев несколько раз останавливался, чтобы ненароком не задеть выпрыгивающие из придорожной травы на прогнивший тротуар серые, черные и белые комочки.

Кролики отвлекли внимание, настроили на иной лад, и он слишком поздно заметил, – когда уже подошел к крыльцу, что крайнее левое окно не закрыто ставнями. Усилием воли заставил себя не оборачиваться. Наклонился, развязал и снова завязал шнурок на ботинке и не торопясь зашагал по тропке вдоль покосившегося забора.

Сообразить, откуда появились перед ним две фигуры в штатском не успел: сильный удар чем-то тяжелым по голове свалил его на землю.

Допрашивали одиннадцать суток. По всем правилам этой не имеющей никаких правил науки. Молчал... Инстинктивно берег руки, но били, главным образом, не по ним. Во время допросов выяснил лишь одно: молочника взяли на Кроличьей. Но так как ни с ним, ни с хозяином дома очной ставки не устраивали, решил, что обоих уже нет в живых.

Наконец, зачитали приговор: «...к повешению».

На рассвете следующего дня молоденький рябой солдатик принес кружку с водой и большую горбушку свежесдобитого, вкусно пахнущего хлеба. Кивнув на хлеб, тихо сказал:

– Туточки.

И вышел.

Разломив горбушку, смертник обнаружил кусок соломки, а в ней – свернутый в трубочку маленький лист папиросной бумаги. С трудом разбирая слова, прочитал: «Кабанов решил выполнить твое последнее желание. Уверяет, что попросишь партию в бильярд. Уважь генерала. Действуй по плану «Гром». «Четверка» на месте. Записку уничтожь».

Почерка он не знал, но в том, что писал друг, не сомневался: в план «Гром» был посвящен только один человек на той стороне, да и с какой целью его провоцировали бы перед казнью?..

Вместе с хлебом Добрыня отправил в рот клочок бумаги, разжевал, запил глотком воды. Попытался продумать, как могут развиваться события, но мысль то и дело натыкалась на многочисленные «если»...

Идею с «четверкой» – бильярдным шаром достоинством в четыре очка – предложил Лайвинь. К концу встречи, когда, казалось, все уже было обговорено, спросил:

– Скажите, товарищ Корнев... Вот вы шары для игры составляете... Так интересуется меня: как попало в треугольник бросаете, или каждому свое место определено? Извините мое бильярдное невежество,

– Каждый сверчок свой шесток знает, – улыбнулся маркер. – Тут ведь большой смысл заложен: ценные шары подальше спрятать. Смотрите...

Он достал из кармана мелок и прямо на столе, за которым они сидели, набросал такую схему:

```
      4
     5 6
    7 15 8
   9 14 13 10
  2  1  12  11  3
```

– Так, так... Любопытно, – Лайвинь внимательно разглядывал рисунок. – Выходит, «четвертый» всегда за командира... Впереди шагает!

Подмигнул собеседнику:

– А если мы...

План показался тогда маркеру ребячьей забавой. Но возражать не стал – не мог и подумать, что придется прибегнуть к этому «Грому».

Да и автор плана отнесся к собственной затее иронически. Прощаясь, усмехнулся:

– Думаете, в детство впал. Пинкертонов начитался. Хоть бы и так... Шансы, конечно, мизерные. Только запас, он ведь есть не просит. Когда гром грянет, креститься поздно будет.

И вот гром грянул.

Под вечер в камеру бросили поношенный, но вполне приличный костюм, приказали переодеться. Тщательно обыскали и вывели на тюремный двор.

Неяркое, уже склонившееся к закату солнце ослепило, заставило зажмуриться, голова закружилась от хлынувшего в легкие чистого, напоенного ароматом цветущих лип воздуха. Прислонился спиной к кирпичной стене, но все-таки не устоял, медленно сполз на теплую брусчатку, которой был выложен двор.

Открыв глаза, увидел над собой Кабанова, а чуть поодаль – группу офицеров.

Конвоиры помогли ему встать.

– Если бы можно было оставить в живых вот это... – задумчиво произнес генерал, указывая нагайкой на руки маркера. Посмотрел в глаза приговоренного, выкрикнул:

– Просьбы?!

Впервые за много дней Корнев разжал распухшие, кровоточащие губы:

– Одну партию... последнюю...

Кабанов оглянулся, кивнул кому-то в свите, затем вновь обратился к Антону Никитичу:

– Иного ответа не ожидал! Надеюсь, окажете мне честь?

«А если бы не было этого «Грома», – мелькнула у маркера мысль, – что бы попросил тогда? Наверно, то же самое... Партнер?.. Лучшего желать нельзя...»

– Конечно...

– Благодарю, – в голосе генерала не было и тени иронии. Он помолчал, потом неожиданно сказал: – Я, пожалуй, последую вашему совету, издам записки... Хотите знать, что там будет сказано об Антоне Никитиче Корневе?

– Хочу.

Кабанов повернулся и махнул рукой. Подбежал денщик, выслушал приказ, снова убежал и вернулся с раскладным стулом и знакомой маркеру рукописью. Генерал сел, нашел нужную страницу и протянул тяжелый том Корневу.

– Вот здесь!

«Сегодня, 28 июля 1919 года, – прочитал Антон Никитич, – я утвердил смертный приговор гениальному бильярдисту, маркеру А. Н. К.

Такие рождаются раз в столетие. В прошлом бы великий Менго... В этом – К.

Когда люди будут читать мою книгу, они обязательно спросят: «Это какой Кабанов? Не ужели тот самый, который взял Москву и избавил мир от большевистской заразы?» И этим будет сказано все! Все? Для одного поколения – да! От силы, для двух. А потом? «Это какой Кабанов? Тот, что убил гения?» «Но ведь он избавил мир, он...» – возразит чей-то одинокий голос. Его заглушат тысячи других: «Возможно, возможно... Только он убил гения!»

Почему вот уже почти двести лет музыканты не исполняют произведений Сальери? Ведь писал же он хорошую музыку! Других, куда менее талантливых, исполняют, а Сальери – нет. Молчаливый заговор истории? А если он не убивал Моцарта? Если он невиновен? О боже! Оказывается, достаточно одного подозрения! Подозрения достаточно!

Завтра, перед казнью, я спрошу К. о его последнем желании. Он мне ответит: «Партию на бильярде». Я предложу ему в партнеры себя. Он согласится. Сообщу о замене веревки расстрелом. Поблагодарит. Но как уравнивать наши шансы? На мой вопрос о физическом состоянии К. полковник Горелов только пожал плечами: «Обычное...» Дать фору?.. Очков пятнадцать-двадцать...»

Здесь запись обрывалась. Была лишь карандашная пометка: «Описать подробно последнюю партию К. Особое внимание обратить на его психику».

– Что скажете? – спросил Кабанов, принимая из рук маркера свой труд.

– За расстрел, действительно, спасибо. За Менго – тоже. А форы не беру. Вы в этом и сами не сомневались... Только на равных.

В Дворянское собрание Корнева привезли в крытом экипаже. Два солдата помогли подняться по широкой пологой лестнице на второй этаж, – сам бы не дошел.

С трудом переставляя неповинующиеся, ставшие будто ватными ноги, перехватывая руками за борты бильярдных столов – так, держась за леера, передвигаются моряки во время сильного шторма, – добрал он до своего шкафчика. Взял кий – подарок отца. Инструмент показался невероятно тяжелым... Расчехлил, прижался к нему щекой, потом губами...

Конвойные не отходили, ни на шаг, наблюдали за каждым движением.

Шары уложены в открытой деревянной коробке... Можно протянуть руку и, даже не глядя, вынуть ее из шкафа. Так же, не глядя, можно достать заветную «четверку», если, конечно, неведомый автор записки сказал правду и белые не пронюхали про «Гром».

Антону Никитичу вспомнились слова Лайвиня: «Рисковать не будем, способ подложить имеется надежный, это не твоя забота, ты только тайничок в шкафчике сооруди?»

Но, предположим, с «четверкой» действительно все в порядке... Как незаметно подменить ею ту, что лежит в коробке? Выбросить любой? Тогда на столе окажется два шара с четвертыми номерами, а какого-то будет не хватать....

Если бы он принял предложение Лайвиня всерьез! Ведь совсем не трудно складывать шары в коробку так, чтобы «четверка» всегда лежала в определенном месте. Но этот «Гром» ничего, кроме улыбки, у него не вызвал...

Посмотреть необычный поединок собрался чуть ли не весь кабановский штаб. Да еще контрразведчики, конвой... В бильярдной, несмотря на открытые настежь окна, стало нестерпимо душно. В тесноте кто-то нечаянно толкнул генерала, натиравшего мелом кий.

– В помещении останутся только старшие офицеры и охрана! – распорядился он.

Несколько минут комната напоминала улей: некоторые пробирались к выходу, другие спешили занять место получше – поближе к столу, на котором должно было разыгаться сражение, третьи, мешая другим, топтались в нерешительности, видимо, соображая, нельзя ли незаметно ослушаться генеральского приказа: желание стать свидетелем необыкновенного поединка оказалось сильнее страха перед Кабановым!

Одного конвоира оттерли к окну, второй, выполняя инструкцию, старался не подпускать никого близко к Корневу.

– Не положено... ваши благородия... не положено, – жалобно повторял он.

Больше Антон Никитич не раздумывал. Сунул руку в шкафчик, в тайник. И облегченно вздохнул: пальцы наткнулись на слоновую кость.

Следующим движением нащупал в коробке первый попавшийся шар и вынул его. Господи! Только бы не «свой» – тогда все пропало, ведь нечем будет разбивать!..

На освободившееся место легла та самая «четверка». Сработана она была искусно: тогда, у Лайвиня, он, как ни старался, не смог отличить копию от оригинала: тот же бледно-желтоватый оттенок, те же еле заметные щербинки – результат длительного употребления; у цифр в одном и том же месте стерлась краска, отчего обе «четверки» походили на перевернутое, чуточку кривобокое «П».

Корнев достал коробку, бережно выложил шары на бильярдный стол и сразу же отлегло от сердца: наметанный глаз моментально выхватил из шестнадцати близнецов полосатый биток.

Теперь надо выяснить, какого же шара нет, и как можно скорее выстроить пирамиду, чтобы никто не успел обратить внимания на подлог. Он уже взялся за треугольник, но его остановили слова Кабанова:

– Дайте ему стул! Пусть отдохнет. Партию я подготовлю сам!

Антон Никитич ожидал чего угодно, только не этого. Выстраивая шары, партнер несомненно обратит внимание на два одинаковых шара. На какой-то миг мелькнула убаюкивающая мысль: чем черт не шутит, не исключено, что выбросил из коробки именно «четверку» и на бильярдном столе сейчас полный порядок? Покориться судьбе? Нет, нет... Чудеса – компетенция святых. Готовить партию надо непременно самому, это ясно! Сказал первое, что пришло в голову:

– Я всю жизнь был маркером... Хочу и умереть им. Разрешите...

– Да ставьте, кто же не дает! – в голосе генерала прозвучало раздражение.

Привычными, годами отработанными движениями Корнев стал складывать шары в треугольник: впереди – «четверка» – та, на которую сейчас было поставлено все, потом «пятерка» с «шестеркой». Следующий ряд... Ага, нет «семерки»...

Вместо нее он и поставил – так, чтобы не виднелась цифра – вторую «четверку»...

Руки автоматически выстраивали шары, а воспаленный мозг уже сверлило новое «если».

Кто начнет? Обычно вопрос о первом ударе в их встречах никогда не поднимался. Но эта партия нужна Кабанову для истории, и тут уж все должно быть по закону, чтобы будущие читатели его книги ни в чем не упрекнули автора. По закону – значит жребий. А что произойдет, если этот двуликий Янус улыбнется противнику? Разбивать пирамиду в лоб он не станет. Пошлет, как всегда в таком случае, биток в противоположный борт, отскочив от которого тот надежно спрячется за основанием треугольника, словно прилипнет к нему.

Что тогда? Десятки возможных ситуаций промелькнули в голове Антона Никитича со скоростью стремительно пущенного шара. Но спасительной среди них не находилось.

Нет, допускать до жребия нельзя ни в коем случае! Скорее обойти стол, установить биток и...

– У кого есть монета, господа? – Кабанов положил кий поперек бильярда, преграждая этим путь не только «своему», но и всей операции «Гром».

Неимоверное напряжение, которое не покидало Корнева с того самого момента, как он дал Лайвиню согласие остаться в Надеждинске, и нараставшее затем с каждым днем, а сегодня – ежечасно и ежеминутно, – это напряжение в один миг сменилось полнейшим безразличием ко всему происходящему.

– Верно, – попытался усмехнуться он. – Все должно быть по закону... А то, глядишь, потомки придерутся.

– Юмор висельника! – захохотал кто-то из присутствующих.

Но генерал так глянул на остряка, что смех застрял у того в горле. Затем спокойно ответил маркеру:

– Вы правы, Корнев... Только почему меня так заботит первый удар, уверен, пока не догадываетесь!

Антон Никитич похолодел: «На что намекает? Знает о «четверке»? А впрочем, не все ли теперь равно? Только бы скорее... Нет... нет... это уже мания... Не вел бы он себя так...»

Взвился и упал на зеленое сукно серебряный полтинник с изображением того самого Е. И. В. Н., которого Кабанов в своем дневнике окрестил кретином. Корнев почувствовал, как по спине потекли ручейки пота: первый удар судьба отдала противнику.

Теперь можно было рассчитывать только на случай – он целиком находился во власти тех многочисленных «если», учесть которые не представлялось возможным.

Генерал подошел к короткому борту, замахнулся, но, прежде, чем ударить, оглянулся и, не распрямляясь, посмотрел в глаза маркеру.

Может показаться невероятным, но этот замах и этот взгляд позволили тому безошибочно представить, что произойдет в ближайшие секунды.

«Я предлагал вам пятнадцать очков, вы отказались, – говорил его взгляд. – Жребий дал мне еще одну возможность уравнивать наши шансы... Догадываетесь, что я сделаю? Да, да, разобью шары сильным ударом, в лоб! Урожай, который вам удастся собрать, будет той самой форой».

Резкий взмах генеральской руки с кием лишь подтвердил то, о чем сказали глаза.

На эту руку были обращены взоры всех собравшихся. Когда Антон Никитич медленно попятился к окну, конвойные, смешно поводя головами вслед за раскачивающимся взад-вперед кием Кабанова, попятились вместе с ним.

Корнев весь напрягся для прыжка. Только не спешить... Но и не пропустить последний взмах, тот, за которым неминуемо последует удар.

Взрыв застал его в воздухе, за окном. Десятки иголок впились в спину.

Затаив дыхание, слушал Митя рассказ врача.

– А потом? Что потом? Спасся? – Он даже забыл, что только вчера видел маркера.

– Ждали его! Подобрали в суматохе, на лошадей – и айда, ищи ветра в поле! Про то, что беляки жену и сына единственного замучили, узнал Антон Никитич уже у меня в лазарете. Вошел я к нему на другой день, а он седой. И время, видно, душу не залечило. Так бобылем и остался...

– А рана? – спросил Митя. – Зажила?

– Ключицу при падении сломал. Я ее знатно склеил! Со спиной сложнее... Доставила она мне, брат, хлопот! Недельку, поверишь ли, косточки выковыривал да зашивал. Словно мелкой дробью из пяти стволов садануло. Хорошо еще – на излете, иначе бы – конец. Да не все нашел, они и дают о себе знать, характер проявляют... Ты кий Антона Никитича видел?

– А то нет! – гордо ответил Митя и вдруг вскочил и запрыгал на одной ноге. – Догадался, догадался, почему там «в четвертом» – партия!» написано!

– Раз ты такой догадливый, должен сообразить: напоминать Добрыне об этом не след...

– Маленький я, что ли! Вы про кий не досказали. В бильярдной говорили, будто исторический...

– Точно, исторический! Его Антону Никитичу Реввоенсовет фронта презентовал. Ну, топай теперь в палату!

– Наум Николаевич, сейчас! – взмолился Митя. – Скажите... Тот генерал... Его разразило?

– Многих та «четверка» разразила, – серьезно ответил врач. – А Кабанов уцелел. Что потом с ним стало, не знаю. Мы вскоре в наступление перешли. Вот где Добрынины сведения пригодились! Только того генерала и видели... До свиданья, брат, засиделись мы с тобой!

– До свиданья, до свиданья! – не двигаясь с места, проговорил Митя. – Вы про офицера забыли.

– Про какого еще офицера?

– Который в дядю Добрыню хотел стрелять...

– Да отвяжешься ты или нет, прищепка липучая?! Откуда мне о нем знать?

– Эх, меня там не было! – сжал кулаки Митя. – Я бы ему показал!

– Я бы... Я бы... Ты вон с костылями-то справиться не можешь... Проводить, что ли?

– Нет, я сам!

VI. МЕЧ-КЛАДЕНЕЦ

– Митюш, посиди за меня минут десять, в ресторан яблоки привезли...

– Хорошо, Клавдия Ивановна!

Он прислоняет костыли к стене, под картиной, на которой резвятся медведи известного художника Шишкина, усаживается за столик дежурной по этажу.

Отсюда видны два длинных, днем и ночью освещенных электричеством коридора. Похожие на туннели, они расходятся от вестибюля под прямым углом. Сейчас около десяти утра, и в коридорах и номерах хозяйничают уборщицы – чистят, протирают, заправляют постели, сносят в свой закуток пустые бутылки. До Мити доносятся их голоса:

– Мой-то, из двадцать шестого, чую, ночь не спал, горемычный. Две пачки «Пушек» вытянул...

– А у тридцать девятого снова гостя была. Только ноне со шпильками. И «Красной Москвой» душится...

Звонит телефон. Митя, подражая дежурным, отвечает:

– Четвертый этаж слушает... Нет, это его, то есть ее заместитель... Да, тетя Катя... Я... Записываю: «Чистое белье будет завтра...» Почему завтра? Срок вчера был... Я ничего... Передам...

Снова звонок.

– Четвертый этаж... Это я и есть, дядя Егор... Конечно, вот только Клавдия Ивановна вернется... Ушла на десять минут... Уже с полчаса...

Дядя Егор просит подменить...

Дождавшись дежурную, которая угощает его большущим яблоком, он берет костыли и спускается по мраморной, устланной широким желтым ковром лестнице на первый этаж.

Черные кожаные кресла в вестибюле заняты жаждущими получить место в гостинице. Митя сразу отмечает среди них тех, кто провел в этих креслах ночь, – они небриты, помяты, глаза у них красные, голоса охрипшие, раздраженные.

Желающих проехаться на лифте в это время не много, главным образом, сотрудники. Митя заранее знает, кому куда надо, и, не спрашивая, нажимает кнопки. А когда пассажиров нет, – катает сам себя. Поднявшись на этаж, широко открывает дверь и, подражая дяде Егору, говорит:

– Доставил в полной сохранности.

Потом делает небольшую паузу и, пряча руку в карман, добавляет:

– Премного благодарен.

Возвращается лифтер, раскрасневшийся, повеселевший.

– Митенька, не в службу, а в дружбу... Снеси вот эти бумаги в бухгалтерию! – раздается голос администратора.

И мальчик отправляется выполнять просьбу.

– Мить, Степана Степановича не видел?

Степан Степанович – электрик. У него удивительная способность исчезать именно тогда, когда он срочно нужен.

– Я найду. Что передать?

Но родным местом для Мити Маркина по-прежнему оставалась библиотека-бильярдная.

Когда не было другого дела, он приходил сюда по утрам, вместе с уборщицей. Пока та обтирала влажной тряпкой «дредноут», столик Марины Сергеевны, шкафы, мальчик специальной щеткой чистил зеленое сукно бильярдов. До середины огромных столов он не мог дотянуться, поэтому привязывал щетку к «теще» – так здесь называли длинную легкую палку, заканчивающуюся подставкой с полукруглыми выемками. В эти ложбинки игрок ставил острый конец кия и, придерживая «тещу» одной рукой, другой наносил удар. Мите всегда смешно было смотреть на неестественные позы, которые принимали при этом бильярдисты.

За очисткой бильярдного стола его и застал однажды Добрыня.

Митя удивился: еще не было одиннадцати.

– Ловко придумал, Архимед, – весело сказал Корнев, рассматривая нехитрое сооружение.

– Рано вы сегодня, – проговорил Маркин.

– Поработать надо, – ответил маркер. – Скоро соревнования.

– Всесоюзные? – мальчик вспомнил разговор дяди Добрыни с главврачом.

– Всесоюзные...

– Значит, состоятся, да?

– Вроде того...

– А посмотреть можно? – с мольбой в голосе попросил Маркин.

Заметив недоуменный взгляд Антона Никитича, поспешно объяснил:

– Не соревнования... Как вы готовитесь... Я не помешаю. Честное слово!

– Ну, что ж... – улыбнулся маркер. – В компании и мне веселее..

Он погладил Митю по голове и неожиданно спросил:

– Помнишь, что тебе Наум Николаевич тогда советовал? Про бильярд...

– А получится? – мальчик с надеждой посмотрел на Антона Никитича.

– Почему же нет? Ты вон и ворошиловский стрелок, и спортивные нормы сдал...

Маркер кивнул на значки, гордо красовавшиеся на Митиной рубашке.

– Все равно меня малявкой зовут, – безнадежно произнес тот. – Как ни старайся...

– Ма-ляв-кой? – протянул Корнев и рассмеялся:

– Что и говорить, в самую точку. А мы с тобой возьмем и докажем: Дмитрий Маркин хоть и мал, да удал. Только...

Митя не дал ему договорить:

– Я все сделаю! Дядя Добрыня, я стараться буду! – он буквально захлебывался словами. – Я научусь, вот увидите! Испытайте меня! Давайте прямо сейчас и начнем!

– Так ты уже начал...

– Я же серьезно, дядя Добрыня! Ну что вам стоит...

– И я серьезно. Наука, она, знаешь, с чего начинается? С хотенья. Не перегори только.

Он смерил Митю оценивающим взглядом и задал вопрос, которого тот никак не ожидал:

– Ты сколько вешишь? Килограммов на тридцать потянешь?

– В мае тридцать один сто было... С тапочками и трусами... – пролепетал Митя. Он подумал, что дядя Добрыня его разыгрывает. – А зачем вам? Разве в бильярде тоже по весу делят? Как в боксе?

– Нет, – засмеялся Антон Никитич. – Твои килограммы для другого нужны. А зачем – пока тайна.

Тайна открылась через два дня, когда маркер принес какой-то продолговатый предмет, уложенный в зеленый парусиновый чехольчик.

«На рыбалку собрался», – подумал Митя, но ошибся.

– Держи! – торжественно произнес Антон Никитич, извлекая из чехла кий. – Инструмент теперь твой. Личный... Думаю, в самый раз придется. По росту и весу!

– Как это?

– Очень просто. Кий у каждого игрока должен быть свой, подогнанный... как костюм по фигуре. Вот о моем инструменте тут многое болтают. А ведь особого секрета нет. Поработал я над ним, ну, и конечно, пристрелял! Он у меня с девятнадцатого живет.

– Как винтовку пристреляли?

– А что ты думаешь? В общем, пользуйся! Пусть будет тебе меч-кладенец, кий-самоклад, как говаривал Владим Владимыч.

– Кто это? Тоже маркер?

– Поэт, – серьезно ответил Корнев. – Маяковский.

– Вы, дядя Добрыня, и Маяковского видели?

– Играли мы... И так тебе скажу, хорошо работал... Однако до мастера не дотягивал. Чего не занимать ему было – это уверенности. Я поначалу, когда первый раз его игру увидел, решил: ну и нахал! Потом вижу, нет – личность! Иной ведь как? Разок смажет, и готов, бери его голыми руками. В бильярде это последнее дело, раскиснешь, не поверишь в себя – любому слабаку проиграешь. Да, у Владим Владимыча уверенность была... Он ею, случалось, и мастеров подавлял.

– А сами говорите, не дотягивал... Почему?

– Думаю, из-за характера. Натура уж больно азартная! Для бильярда, Митя, надо холодную голову иметь. А он... Куда там! Однако работать с ним было интересно, весело. Смажет и рассмеется: «Гений икс сделал кикс!»

Однажды спрашивает меня: «Вы не знаете, Пушкин классным игроком был?» «Не знаю», – говорю. «Вот никто не знает... Поэтому, думаю, неважно работал... Иначе потомки не преминули б восхититься! Они любят великим различные благоглупости приписывать. А Пушкин на таком же столе играл?» «На таком же...» «И кии такие же были?» «Думаю, Александру Сергеевичу разными работать довелось...» «Как так?» «Да как раз в его время кожаная наклейка появилась... Во Франции». «А до того чем

же стучали?» «Гипсовым наконечником...» «Почему же ему отставку дали? Какой в коже прогресс?» «Биток, – объясняю, – вокруг любой оси закрутить можно... Трение создается... А это в нашем деле – настоящая революция». Смеется: «Так уж и революция! Может, и имена тех революционеров известны?» «Известны...»

Задумался он, а потом тихо, но вроде бы с вызовом говорит: «Тогда и я что-нибудь в бильярде изобрету. Глядишь, и обо мне икнут в грядущем... Меня должны вспомнить, у меня и фамилия бильярдная!» «Что же в ней бильярдного? – удивляюсь. – Скорее уж навигационная...» «Как же! – качает головой. – Неужели не слышите: Маяковс-кий... Кий, понимаете?» И снова смеется.

– Вы про изобретение не сказали, – напомнил Митя. – Изобрел он что-нибудь?

– Изобрел, – улыбнулся Антон Никитич. – И смех, и грех... Законы новые все вводил. «Платить, – говорит, – за стол тот должен, кто последнюю партию проиграет». «Позвольте, – недоумевают партнер. – А если я у вас пять предыдущих возьму?» «Неважно, – отвечает. – Не тот спортсмен, кто со старта резво побежал, а тот, кто до финиша силы сберечь смог».

Элементарные правила игры на бильярде Маркин усвоил быстро. «Американка» – это кто скорее восемь шаров положит, тут очки считать не надо. Бить можно любым шаром любого, без всякого заказа, лишь бы упал. «Дурак», то есть случайно оказавшийся в лузе, тоже считается.

Иное дело – «пирамида»: кто скорее семьдесят одно наберет. Шар шару рознь: разве сравнишь «пятнадцатый» с «двойкой»? Митя вначале думал, что самый дешевый – единица, но, к удивлению своему, узнал: этот шар (его обычно называли «тузом») ценится в одиннадцать очков.

Бить разрешается только битком, на котором никакого номера нет, а есть лишь две черные полосы – словно на глобусе меридиан с экватором пересеклись. Из-за этих полос его некоторые «полосатым» называют, а то еще – «рябым». Но чаще – «своим».

Заказ делать обязательно, то есть заранее объявлять: решил, мол, «пятерку» в левый угол забить. Если упадет в другую лузу – не в счет. Без заказа положил – тоже зря старался. «Своих» забивать строго-настрога запрещено.

Из-за этого Митя вначале и не любил смотреть, как сражаются в «пирамиду». То ли дело «американка»: ударит игрок по шару, тот – в сторонку подвинется, а «свой» – юрк в лузу, словно мышка в норку. Еще «пирамида» не нравилась потому, что часто на измор друг друга берут, тянут кота за хвост, только вид делают, будто играют, никакого удовольствия наблюдать!

Когда Маркин поделился своими впечатлениями с маркером, тот загадочно усмехнулся:

– Дай срок...

Правила Митя знал хорошо. С практикой было куда сложнее.

Маленький, худой, он прыгал на одной ноге и одним костыле вокруг высокого, достигающего ему до груди стола, потом, выбрав шар, прислонял к бильярду костыль и только после этого целился и наносил удар.

Однажды довольно больно шлепнулся: резинка костыля попала на нерастертую каплю мастики и скользнула по паркету. Хотелось плакать – не так от боли, как от обиды. Но устыдился дяди Добрыни и, почесывая ушибленное место, вымученно улыбнулся.

– Видишь, к чему кикс приводит? – помогая ему подняться, сказал маркер.

– Кикс, кикс! – рассмеялся Митя. Непонятное слово напоминало призыв, которым подзывают кошек.

Антон Никитич пояснил:

– Кий как следует мелить надо, вот в чем штука! Поленишься, скользнет кожица по шару, получится не удар, а кикс, вроде того, что ты сейчас проделал.

Он похлопал мальчика по плечу, весело подмигнул:

– А сальто было отличное!

Каждый день Дмитрий Маркин узнавал что-то новое.

– Не опускай низко правую руку, – учил его Добрыня. – У тебя в ней кий, а не зенитная пушка! Ты что, на луну хочешь шар забросить?.. Про параллели вам в школе говорили?

– Ну, говорили...

– Так вот... – Корнев несколько не обижался на Митины «ну», он просто не обращал на них внимания. – Инструмент должен ходить почти параллельно столу. Наклонные удары – это статья особая. Тебе вначале азы усвоить надо. Смотри.

И показывал, как должен ходить кий.

– Не целься долго. В глазах, небось, уже рябит и слезы навертываются... Но и не спеши. Шар не ученик, с контрольной не убежит! Становись за тот стол. И постарайся взять мой темп. Начали!

Потом снова подзывал к себе:

– Примечай, как я бью по своему шару. В этом вся премудрость... Вот по центру ударил... Как пошел шар? А вот – в бочок... Куда смотришь? Нечего на тот глазеть, в который биток ударился! Это дело десятое...

Когда Митя не положил верный, стоявший в самой лузе шар, Антон Никитич серьезно заметил:

– Оскорбил ты его, вот он тебе и отомстил!

– Кого оскорбил? – обалдело уставился на маркера ученик.

– «Пятерку», кого ж еще... Думаешь, она не поняла твоего наплевательства? Шалишь, брат! Ты ведь как решил? Чего ее играть, когда она уже ножки в дырку свесила! Ну и саданул сходу, не глядя... А шар, он ревнив, невнимания к себе не терпит и мстит за небрежность жестоко. Так-то...

Он слегка щелкнул оторопевшего Митю по лбу и неожиданно спросил:

– В каких ты отношениях с физикой и геометрией?

– Не знаю... в средних. А зачем вам?

– А затем, что без их помощи мастером не станешь.

«Не иначе – мама дядю Добрыню на такой разговор подбила», – подумал Митя.

Но вскоре понял: многое в бильярдной игре зависит от того, в какую точку шара-битка ударишь, с какой силой, в какую сторону закрутишь.

– Постоянно о битке думай, – неоднократно повторял Корнев. – «Американка» – это вроде бы начальная школа, не век тебе в ней сидеть. А в «пирамиде» надо с битком на «ты» быть, он не зря «своим» называется... Вылетел за борт – плати штраф; в лузу упал – снова пятью очками расплачивайся. И не забывай: после тебя бьет противник. Не оставляй «свой» на хорошей позиции.

– Какой толк, что ты «тройку» в угол с треском положил? – беззлобно сердился Антон Никитич. – Посмотри, куда ты биток увел... Тебе б его под «двенадцатый» подвести. Научись битком управлять, может, и выйдет из тебя мастер, не научись – обходи бильярдные стороной, заказаны они тебе.

Однажды сказал:

– Вот твердят: «Чтоб игрока узнать, надо с ним десяток партий сделать». А я отвечаю: «Покажите, как он распоряжается «своим», сразу определю, что это за бильярдист».

Сам Добрыня распоряжался битком артистически, полосатый шар слушался его, словно умная, преданная своему хозяину собачонка.

Иногда Мите казалось, что стоит дяде Добрыне поманить биток пальцем или крикнуть ему: «Ко мне!» – тот послушно выполнит его волю.

И мальчик не ошибся: настал день, когда маркер действительно отдал шару такой приказ.

VII. ЭФФЕКТ КОРИОЛИСА-КОРНЕВА

В тот день впервые почувствовалось дыхание ранней осени. Холодный, порывистый северо-восточный ветер с утра гнал на город черные, набухшие,

уродливой формы тучи. Они выливались колючим косым дождем и устремлялись за Волгу. На какое-то время немного светлело, иногда в рваных клочьях выглядывало солнце, но на него уже надвигалась новая туча... И так без конца.

Вечером библиотека-бильярдная была переполнена. Марина Сергеевна уже третий день болела и на работу не выходила. Митя разложил новые газеты и журналы, но сидеть все время за столиком не хотелось. Да и чего зря сидеть? Выдавать книги ему все равно не разрешалось. А принимать... Пусть позовут. Только записку оставить.

Первая строка получилась, как в стихах: «Если книгу сдать хотите...» Попробовал вторую... В рифму напрашивалось: «То скажите та-та Мите». Однако вместо этого противного «та-та» ничего не вставлялось. Можно бы: «То скажите дяде Мите» или «бабе Мите». Но какой же он дядя, а тем более баба?

Почему в строчку не лезли ни Маркину, ни «мальчику», так и не догадался. Ясно было лишь одно – не лезут.

Вот тут-то его и осенило: учительница литературы однажды сказала: «Краткость – сестра таланта». И, осененный, написал:

Сдать хотите,

Скажите Мите!

Больше на стихи пороку не хватило, поэтому закончил прозой: «Но не выдаю. Я около дяди Добрыни. Митя».

Прикнутил записку на дверцу шкафа и со спокойной совестью заковылял к бильярдным столам, около которых было многолюдно и шумно.

Громче всех раздавался голос Филимона Филимоновича, буфетчика с третьего этажа, человека, с точки зрения Мити, далеко не молодого – лет двадцати семи – тридцати. В гостинице его звали Фил Фильчем, а то еще короче – Филей.

Внешность у него была, как выразился дядя Егор, «дрожжевая» – толстый, лицо крупное, рыхлое, без малейших следов загара. Белыми были и брови, из-под которых виднелись щелки заплывших глаз.

Работал Фил Фильч в гостинице совсем ничего – дней двадцать, но уже успел всем порядком надоест: всюду совал свой нос, всех поучал. Причем, говорил таким тоном, будто он самый большой начальник, и всегда требовал, чтобы с ним соглашались.

Дядя Егор жаловался:

– Везу его, а он внушает: «Вы, папаша, не той рукой кнопку нажимаете. Она у вас с левой стороны. Подсчитайте, какая выйдет экономия времени, если вы не будете каждый раз свою фигуру поворачивать. Правильно я говорю! Я правильно говорю?» А чего там правильно? Тьфу, да и только...

Митя сам слышал, как буфетчик советовал Клавдии Ивановне, дежурной по этажу:

– Обязательно потребуйте приподнять ваш столик. Это ж пост! Обзор должен быть... А то ведь из номера в номер, небось, шастают! Правильно я говорю?

Дежурная не нашлась, что сказать. Вместо нее ответил жилец, как раз подошедший сдать ключ:

– Верно, товарищ, мыслите! Только без должного размаха. Заодно бы уж и замочные скважины увеличить... Представляете, замочная скважина величиной с абрикос, а то и апельсин!

В библиотеке-бильярдной Филимон Филимонович впервые появился вчера. Окинул критическим взглядом помещение, игроков, зрителей, маркера и сразу же начал давать советы: какой шар и как надо бить.

Послушать – незаурядный бильярдист. Однако он сам сообщил, что играть почти не умеет. Бильярд же интересует его с практической стороны: слышал, будто вес помогает сбрасывать, а это как раз ему и надо, так как ни велосипед, ни альпинизм положительных результатов не дали.

Его-то голос и услышал Митя, когда вступил во владения Добрыни.

– Какая теория! Тут что главное? Глаз иметь да руку набить! А разные там схемы-теоремы – все это для затуманивания мозгов придумали. Дайте такому теоретику кий и скажите: «Валяй, доказывай свою науку!» Он такого наваляет... Вы вон у маркера спросите, он, как я погляжу, свое дело туго знает, а про теорию, уверен, и слыхом не слыхивал! Правильно говорю? Я правильно говорю?

Последние слова были обращены к Антону Никитичу.

Добрыня подошел к своему шкафчику, достал из него потрепанную, обернутую в плотный лист бумаги книгу и молча протянул ее буфетчику.

Тот машинально перелистал несколько страниц и с недоумением посмотрел на маркера:

– Чего это вы мне подсунули? Тут все по-иностранному написано...

– Да... по-французски.... – Антон Никитич улыбнулся. – Называется она... Как бы это правильно перевести? Скажем, так: «Математическая теория игры на бильярде». Издана в Париже, сто лет назад. Автор...

– Знаем мы их! – перебил его Филя.

– Смеею вас заверить, что этого автора вы все-таки не знаете, – Добрыня говорил спокойно, но Митя почувствовал в его голосе нотки раздражения. – Написал книгу известный французский математик, академик, один из основателей прикладной механики Гаспар Кориолис.

Многие посетители бильярдной не первый год знали маркера Корнева. Они поняли, что самоуверенный тон нового буфетчика задел его, и, прервав свои партии, с интересом прислушивались к разговору

– В одном вы правы, – продолжал Антон Никитич, – Кориолис никогда не был бильярдным гроссмейстером. Он наблюдал за игрой и в предисловии к этой книге сказал спасибо великому Менго, своему соотечественнику, отцу современного бильярда.

Ну, о Менго разговор особый... Сейчас речь о другом. Смотрите, что получается: бильярд помог ученому решить одну из интереснейших задач динамики твердых тел. Но Кориолис не остался в долгу, сторицей оплатил за услугу: вся теория и практика бильярдной игры строятся на выведенных им формулах. Многие, правда, и не подозревают об этом...

– Ну и что?! Какой мне прок от его схем-теорем? – не унимался Филимон Филимонович.

– Вам? – Добрыня с сожалением посмотрел на собеседника. – Вам, пожалуй, действительно никакого.

– А вам? – взорвался тот. – Вот, покажите, при свидетелях покажите, как хоть одна формула выиграть помогает!.. Докажете, шар грызть буду!

– Надо бы вас проучить, – невесело улыбнулся маркер. – Да зрелище не из приятных.

Корнев передал книгу Мите, взял кий, тщательно намелил его, направился к столу.

– Вот два шара. Оттяните, пожалуйста, биток так, чтобы он отошел назад и встал в левую угловую лузу, не падая, конечно, в нее. Не беретесь? И на том спасибо. А теперь смотрите...

Короткий удар, и «свой» замер в указанном месте.

– Ну и что? – не сдавался буфетчик. – Тренировка, вот и все... Я вон в цирке видел, заяц на барабане играет...

– Верно, тренировка! – Добрыня пропустил «зайца» мимо ушей. – Только, как бить, в какую точку, с какой силой, как кий держать, – этому меня Кориолис научил.

Он взял у Мити книгу, быстро нашел нужную схему.

– Вот. Глава так и называется: «О движении шара после удара о другой шар».

Рисунок привлек всеобщее внимание. Маленький старичок в вышитой косоворотке, сняв пенсне, принялся объяснять значение формул, употребляя мало понятные Мите выражения: масса шара, масса кия, начальная скорость, угол отклонения, коэффициент трения...

– Так как же насчет рагу из слоновой кости? – спросил кто-то буфетчика.

– Идите вы... – огрызнулся Филимон Филимонович. – Тоже мне, академики выискались!.. Не понимаю я всего этого, и баста! А раз не понимаю, значит, филькина грамота!

– Что и говорить, позиция мощнейшая. Все, что недоступно вашему пониманию, то – от дьявола, – маркер покачал головой и поднял руки вверх. – Сдаюсь!

Кругом засмеялись. Антон Никитич тоже улыбнулся и вдруг обратился к Мите:

– Слтай в ресторан! Раздобудь куриное яйцо... Скажи, для меня.

– Вкрутую или всмятку?

– Сырое.

– Я мигом, дядя Добрыня, только вы без меня тут фокусов не показывайте! Лады?

– Лады, лады! – весело отозвался Корнев.

Настроение его явно поднялось.

Пока мальчик летал на костылях в ресторан, он мужественно сдерживал любопытство собравшихся.

Взяв у запыхавшегося Мити яйцо, маркер установил его в центре короткого борта, в той стороне, где обычно выстраивается пирамида. Потом убрал со стола все шары, кроме битка.

– Митя тут про фокус сказал... Ну что ж... Пусть так и называется – фокус Кориолиса. Ученый высказал предположение о возможности, прямо скажу, совершенно невероятного управления битком...

– Антон Никитич, голубчик, ради бога, извините мою бестактность, перебиваю вас... – старичок в косоворотке был так взволнован, что никак не мог найти свое пенсне, которое только что сам положил на бильярдный стол. – Я догадываюсь... Тридцать лет говорю студентам, что подтвердить гипотезу Кориолиса еще никому не удавалось... Неужели вы...

– Ошибаетесь, милейший Семен Викторович! – Добрыня протянул старику пенсне, но тот, даже не поблагодарив, тут же положил его на прежнее место. – Вернее, – возможно, ошибаетесь. Я слышал, будто лет через сорок после смерти ученого одному бильярдисту все-таки этот опыт удался. Не то в Варшаве, не то в Берлине.

– Непостижимо... невероятно, – прошептал старик.

Затем окинул строгим, придирчивым взглядом собравшихся, выкрикнул:

– Да понимаете ли вы, милостивые государи, чему можете стать свидетелями?!

Милостивые государи ничего не понимали. Их терпению настал конец:

– Добрынюшка, милый, не тяни!

– Что вы собираетесь делать?

– Объясните же, черт возьми!

Антон Никитич снял с бильярда пенсне, всунул его в руку Семена Викторовича и, тщательно натирая мелом кий, сказал:

– Собираюсь доказать правоту ученого. Для этого сильно пошлю биток в яйцо. Кий буду держать наклонно, именно так, как рекомендовал Кориолис... Что из этого получится, вы сейчас увидите...

– И смотреть нечего, – под общий смех сострил кто-то. – Получится яичница!

Корнев не обратил на смех никакого внимания. Он выбрал точку, установил биток и изготовился к удару.

Только теперь Митя сообразил, зачем понадобилось куриное яйцо. Два чувства боролись в нем: любопытство и страх за Антона Никитича.

Страх взял верх. Мальчик повис на изогнутой в локте правой руке маркера и захныкал:

– Не надо, дядя Добрыня... Не надо... Его поддержали:

– Прав малец!

– Испортишь стол, Никитич!

– Устами младенца ...

– Неровен час ...

– Замени шаром ... Какая разница?

Кто-то уже потянулся за яйцом, но его остановил взволнованный, срывающийся на фальцет голос Семена Викторовича:

– Антон Никитич, голубчик ... Не слушайте вы их ... Выдумали тоже фокус-покус... Научный эксперимент, вот что это... милостивые государи. И тут именно яйцо необходимо! Дабы всем скептикам, извините, нос утереть... Умру спокойно, если своими глазами увижу... Подумаешь, стол... Вот!

Он вырвал из бакового кармана потрепанный кожаный бумажник, дрожащими руками достал несколько купюр и бросил их в лузу.

– Надо будет, я еще...

Это послужило сигналом: через несколько минут нитяной сетчатый мешок наполнился деньгами.

Митя, отпустив руку маркера, стал судорожно рыться в карманах: неужели нет ни копейки? И облегченно вздохнул, когда вместе с флотской пуговицей, кнопкой от дверного звонка, сломанным шахматным конем и увеличительным стеклом извлек на свет божий несколько монет.

Но одна денежка, проскользнув сквозь крупную ячейку лузы, упала на пол и закатилась под стол. Достать ее не позволяла больная нога. Митя уже направился за «тещей», однако дядя Добрыня остановил его.

Растерявшийся, побледневший от волнения, Антон Никитич молча наблюдал за тем, что происходит в бильярдной. Звон упавшей монеты как бы вывел его из оцепенения. Он поднял ее с пола, завернул в бумажные деньги, которые достал из заднего кармана своих брюк, и опустил в лузу.

То, что произошло потом, запомнилось Дмитрию Маркину на всю жизнь. Дядя Добрыня замахнулся кием, причем, держал он его как-то необычно, под большим наклоном ... Посмотрел на биток, потом на яйцо ...

Маленькое, незащитное, оно сиротливо жалось к высокому борту и, как показалось Мите, со страхом глядело на стоящее в метре от него другое яйцо – такое огромное, тяжелое, неправдоподобно круглое...

Движения кия Митя не уловил – таким резким и коротким был удар, так мгновенно отдернул руку маркер. Биток с громадной скоростью устремился к яйцу. Казалось, нет в мире сил, которые могут сдержать этот бешеный бег, предотвратить столкновение. Закрыть глаза... Не видеть того, что сейчас произойдет!.. Но пока мозг отдал эту команду, а глазные мышцы выполнили ее, все уже произошло!

Маркин стоял около стола, у того самого борта, в который целил дядя Добрыня. Да и рост его наконец-то, хоть раз в жизни, сослужил ему добрую службу. Будь он повыше, наверно, не смог бы уловить тот миг, когда биток, не дойдя двух, ну, от силы, трех сантиметров до яйца, вдруг замер на какую-то долю секунды и стремительно, будто ударился о невидимую резиновую стену или сзади подставили какой-то невероятный магнит, притягивающий кость, отскочил назад.

Когда Митя перевел восхищенный взгляд на Антона Никитича, тот еще не успел выпрямиться после удара.

– Вот так, – проговорил он, вытирая со лба пот. – Совсем просто ...

Ответом ему был общий вздох облегчения.

С этого момента Митя как бы отключился, думал только об одном: научиться выполнять этот удар. Ему представился школьный физкультурный зал... Собрались все – и ученики, и учителя, и даже директор... Митя просит поставить яйцо. Нет, не яйцо, а зажженную свечу или тонкий стакан с водой. Теперь уже никто не посмеет называть его малявкой... Даже старшеклассники будут с уважением говорить друг другу: «Вон идет Дмитрий Маркин... Тот самый, который выполняет удар Кориолиса... Их в мире всего двое: он да еще Корнев...» Нет, скажут наоборот: «Корнев да он...»

Митя так размечтался, что не слышал, как поздравляли Добрыню, как отвечал маркер на бесчисленные вопросы, как договаривались выехать в ближайшее

воскресенье за город и соорудить грандиозный шашлычок. (Так было найдено применение «Лузиным» деньгами: оказалось, что никто не помнил, сколько он положил, а заниматься бухгалтерией после всего виденного никому не хотелось.)

На землю Митю спустил голос Семена Викторовича:

– Я вашему удару, драгоценнейший Антон Никитич, особую лекцию по динамике твердых тел посвящу... Так и начну: «Запишите тому: «Эффект Кориолиса-Корнева!»

Он снял со стола яйцо. В его руках оно уже не казалось таким маленьким и беспомощным.

– Что, испугалось? Тебя бы теперь в музей... Так, мол, и так... Такого-то числа... Жаль вот только – экспонатик ты скоропортящийся...

– Я знаю! Я знаю! – срывающимся от волнения голосом закричал Митя. – Мне отец рассказывал...

Его распирала гордость от того, что может дать дельный совет, и душил страх: не дослушают, не поверят, засмеют...

– Отец в тюрьме сидел... Давно... При царе еще... Так там одному арестанту каждый день яйца приносили... А он жадный был, ни с кем не делился. Вот тогда и придумали! Прокалывали в скорлупе дырочку... Маленькую... Ее и не видно. И высасывали. А скорлупа так целехонькой и оставалась. Отец до сих пор сырых яиц терпеть не может. Давайте и мы... Я умею!

– Ай да отрок! Вот спасибо, вот удружил, так удружил! – казалось, Семен Викторович пустится в пляс. – Колоссальная идея... Антон Никитич, вы не возражаете? Извините меня, ради бога... Я тут распоряжаюсь, а оно ведь вам принадлежит...

– Публично отказываюсь от своих прав! – засмеялся Добрыня. – Могу официальную бумагу подписать.

– Ловлю вас на слове, милейший! Грамотку вы мне начертаете! Только... Окажите благорасположение... Оставьте автограф вот здесь! – Он протянул маркеру яйцо.

– О чем разговор! – Антон Никитич взял со столика Марины Сергеевны ручку, флакончик с тушью и осторожно, боясь повредить скорлупу, расписался. Потом подозвал Митю:

– Давай, подтверждай свою высокую квалификацию! Приятного аппетита!

Когда операция была успешно завершена, Семен Викторович сразу же заторопился домой.

Экспонат он с великими предосторожностями опустил в стакан, выложив предварительно его дно и стенки мелкими клочками газетной бумаги. На Митино предложение вызвать лифт ответил категорическим отказом.

За ним потянулись остальные.

Только теперь, когда бильярдная опустела, Митя вспомнил о своих библиотечных обязанностях и увидел на столике стопку сданных жильцами книг. В каждую книгу была вложена записка с указанием номера комнаты и фамилии. А в одной имелась еще и приписка:

До свиданья, Митя-джан,

Уезжаю в Эреван!

Митя хотел показать стихи дяде Добрыне, но, оглянувшись, увидел, что в комнате, кроме них, находится еще и Филимон Филимонович.

За все время эксперимента буфетчик не проронил ни слова, ничем не выдал своего присутствия, и о нем совершенно забыли.

– А... вы еще здесь? – Антон Никитич тоже только сейчас обратил на него внимание.

– Скажите..., – Филя был так погружен в свои мысли, что не расслышал вопроса. – Если человек... ну, скажем, я, к примеру, ту схему-теорему выучу... И другие тоже... Смогу, как вы, играть?

– Человек... – задумчиво произнес маркер. – Человек все может. Только схемы-теоремы, как вы выражаетесь, это еще полдела, даже четверть... Вот послушайте... И ты, Митя, послушай, тебе пользительно. Прочитал я в одной книге про то, какие в Англии газоны особенные. Трава всегда свежая, зеленая, ровная, что тебе бильярдный стол. Дети по ней бегают, мяч гоняют, взрослые «Таймс» свой расстелят, отдыхают... Повозки ездят! И никаких тебе «не мять!», «не топтать!», «не ступать!», «не ходить!»

Туристы одного англичанина спрашивают: как, мол, удастся такое чудо? А он и отвечает: «Да это же очень просто: каждый день поливать, каждый день подстригать, каждый день сорнячки выдергивать. И так – триста лет. Очень просто».

Митя засмеялся. А Филя насупился:

– К чему вы клоните? К тому, что Филимону Филимоновичу триста лет вкалывать надо, чтобы до вас дорасти? Правильно я говорю? Нет уж...

– Послушайте! – перебил его Корнев. – И зачем вам понадобилась эта игра? Занялись бы чем-нибудь другим... Лишний вы для бильярда человек... Характеры у вас с ним разные... Я, во всяком случае, учить вас не намерен.

– Ну, это мы еще поглядим, – беззлобно, даже весело проговорил Филя и вышел из комнаты.

В чем он сомневался, понять было невозможно: то ли в различии характеров – своего и бильярда, то ли в том, будет ли его обучать маркер Корнев.

– Изгадил все-таки вечер! – проворчал дядя Добрыня. – Вот прохиндей...

VIII. СЛАВКИН ОСТРОВ

В начале ноября вновь установилась теплая, совсем летняя погода, и Добрыня предложил Мите отправиться седьмого, после демонстрации, в поход.

Согласие было выражено радостным возгласом, в котором прослушивался и победный клич Соколиного Глаза, и ликующий голос Маугли, извещавшего джунгли о гибели Шер-Хана, и вопль пиратов, ступивших на палубу атакованного судна.

Однако Митины восторги сильно поумерились, когда Антон Никитич напомнил о родителях: разрешат ли?

То, что сын помогает библиотекарше, отец с матерью знали и единодушно одобряли.

А вот дядя Добрыня... С маркером они даже не были знакомы.

Совет Наума Николаевича, чтобы сын занимался бильярдотерапией, мать встретила без особого энтузиазма, но возражать не стала: там видно будет. Скорее всего, сразу же забыла о рекомендации врача, даже отцу ничего не сказала.

Поняв, почему скис его ученик, Антон Никитич решительно произнес:

– Ну, вот что... Давно уж пора нам из подполья выходить! Скоро разрешу тебе настоящую партию сыграть. Только партнера подышу подходящего. Очень важная штука – хороший партнер, особенно поначалу. Мне бы раньше конспирацию пресечь... Давай, приглашай в гости! Отца когда можно дома застать?

Родителей Антон Никитич застал шестого вечером. Они только что вернулись с торжественного собрания.

О чем говорил с ними дядя Добрыня, Митя не знал – его попросили «погулять часок». Вернувшись, застал такую картину: мать ставит на стол тарелки, Антон Никитич открывает бутылку, а отец колдует над яичницей, которую он считал вершиной кулинарного искусства всех времен и народов.

Сомнений быть не могло: взаимопонимание достигнуто.

В поход они отправились часа в два.

Вначале зашли в городской парк. покормили лебедей, выжали силомер, сделали по двенадцати выстрелов из духовой винтовки.

– Что же нам с тобой дальше-то делать? – спросил Антон Никитич, когда они вышли из тира.

– Можно в комнату смеха, – предложил Митя. – Или на чертово колесо...

– Да я не о том... – маркер оглядывался по сторонам. – Серьезный разговор есть. Давай-ка брат, мы вот что предпримем...

Они спустились к Волге, не без труда раздобыли лодку и отправились вниз по течению на крошечный безлюдный островок. Греб Митя – укрепил поперек бортов костыли и уперся в них здоровой ногой.

Из лодки они не вышли – дно у берега было илистое, заросшее высокой травой.

Антон Никитич осторожно перебрался с кормы, сел рядом с Митей. Минут десять они слушали тишину, наконец мальчик не выдержал.

– Так какой секрет, а, дядя Добрыня? Вы не сомневайтесь, я – могила!

– Секрет, говоришь? Пусть так... Дело-то, действительно, только нас с тобой касается. Страх меня последнее время берет, вот такая штука...

– Страх? Да кого вам бояться? Вы вон какой...

– Подожди, не перебивай... Когда учить тебя начал, думал так... Мите польза, мне удовольствие... Была и еще одна причина. Мальчонку ты мне одного напомнил... Славкой звали... Нету его уже в живых. Давно нету.

Митя хотел крикнуть: «Я знаю, знаю!» – но посмотрел в грустные, подернутые влагой глаза своего друга и осекся.

– Да... – помолчав, продолжал маркер. – Теперь вижу, – далеко мы с тобой, брат, зашли. Талант у тебя прорезался. А это уже статья особая.

Услышав про «талант», Митя зарделся от радости и вначале не обратил внимания на тревожные нотки в голосе маркера. Потом тихо спросил:

– Разве плохо?

– Не то слово... Талант большой ответственности требует... Вот и мучаюсь: вправе ли я тебя, пацана, мастером делать. Ты пойми: завтра отца в другое место переведут. Кто там рядом с тобой окажется? Около бильярда испокон века разная шваль увивается.

– Да я...

– Помолчи! – строго сказал Корнев. – Повидал я всякого! Такие люди ломались... Устоять против соблазна не могли.

Он вскочил на ноги, отчего лодка заходила ходуном и, грозя кому-то кулаком, закричал:

– Да что же это получается? Кого боимся? Как же мастеров-то готовить?

Митя никогда не видел дядю Добрыню таким возбужденным. Испугавшись, он потянул его за руку:

– Вы не волнуйтесь... Садитесь...

Тот послушно сел, обхватил голову мальчика обеими руками, повернул к себе и зашептал, глядя в его испуганные глаза:

– Дай ты мне слово, что никогда не будешь на деньги играть! Никогда, слышишь! Ни при каких обстоятельствах!

– Даю... Дядя Добрыня! Честное слово! Честное пионерское! Да если я... – Митя захлебнулся словами.

Маркер крепко прижал его к себе.

– Напугал я тебя... Видишь, неладно-то как вышло...

– Нет, ладно, ладно, очень ладно... – глотая слезы, повторял мальчик.

Возвращаться предстояло против течения, поэтому на весла сели оба.

Вначале Митя спешил, давал «леца», отчего лодка, словно слепой котенок, все время тыкалась носом из стороны в сторону и медленно удалялась от цели.

Но вот Антон Никитич стал подсчитывать – протяжно, нараспев «ра-а-а-з!» и отрывисто, как команда «пли!», – «два!» «Вдо-о-х... Выдох!» Судно выровнялось и уверенно заскользило по водной глади. Через несколько минут они уже так приноровились друг к другу, что необходимость в команде отпала, и Митя смог задать вопрос, который волновал его с тех самых пор, как маркер сказал про талант.

– Дядя Добрыня! А то, что у меня рост маленький... Не помешает?

– Вырастешь еще! – улыбнулся Корнев.

– А если не очень? Может, мне дрожжи есть надо, а? Как вы думаете? Они горькие, но это ничего... Я буду...

– Дрожжи?! Кто тебя надоумил?

– Ленка Лужникова... я с ней за одной партой сидел... Во втором классе еще. Ее малявочкой звали... Меня малявкой, а ее малявочкой. Вот она и говорит: «Давай, Митька, дрожжи каждый день есть! Знаешь, какими станем!»

– Ну и как? – засмеялся Антон Никитич. – Не помогло?

– Да мы всего один день попробовали... И то понемножку. На хлеб намазали... А потом папу опять перевели.

– Слава богу, что перевели! Теперь-то ты уж не во втором классе... Понимать должен. А рост... Выкинь из головы эти мысли и закопай поглубже! Разве в росте дело? Иной шар тебе, конечно, труднее достать, чем, скажем, мне. Но на то ты и мастер. Вот послушай. Расскажу одну историю... Может, слышал, был такой генерал в русской армии – Бибиков...

– Белый? Деникинец?

– Тебе все белый – красный... За сто лет до гражданской жил. И воин храбрый, и бильярдист отменный. А тут беда приключилась: потерял Бибилов в Бородинском бою левую руку. Что делать? Неужто бросать любимую игру? Но не таков оказался генерал, не захотел примириться... Решил: нет двух рук, научусь работать одной!

Над ним посмеивались, а он – знай тренируется часов по восемь в день... И достиг ведь своего – стал лучшим бильярдистом России. Против него никто из «двуруких» устоять не мог... Играл «тычком» или, как сейчас говорят, «пистолетом» – держал кий в одной руке, в точке его равновесия... Да я тебе такой удар показывал... Так-то вот. А ты говоришь – рост...

Их догнала большая четырехвесельная лодка и несколько минут шла рядом. Оттуда доносились стон гармоники, пьяный смех, отрывки разговора:

– Так за шкалик мырнешь как есть в одежде?

– Не... За шкалик не мырну...

– А за чекушку?

– За чекушку тоже не мырну.

– А за пол-литру?

Ответа Митя не расслышал. Проводив лодку недобрым взглядом, Добрыня сказал:

– Еще хочу тебя предупредить... Не унижай партнера. Это миллионщики выдумали человека под стол загонять. Сами-то они откупались. Либо нанимали кого вместо себя. Были людишки, что на такое шли. Тем и жили. Некоторые состояние под бильярдом сколотили. Знал одного – ни дать ни взять – чемпион. На это тоже талант иметь надо. У него своя такса была: поперек стола пролезть – одна цена, вдоль – другая. На коленях либо на пузе проползти... За каждое унижение – своя цена. Особую плату за песни брал да за крики звериные – умел и по-собачьи, и по-кошачьи, и по-петушиному... Был у него коронный номер, за него он бешеные деньги загребал. Вспоминать гадко, ты уж меня извини, но хочу, чтоб знал, какие пакости вытворялись. Да! Да!

Эти «да» маркер сопровождал резкими взмахами весел, отчего лодка несколько раз дернулась.

– Воздух он громко портил, пока под бильярдом проползал... И ведь находились личности, большими капиталами одаривали! Тьфу! – Антон Никитич сплюнул от омерзения и заговорил о другом:

– Форы никогда не бери, и сам не предлагай. А вот совета партнер попросит, не криви душой.

Когда уже сдали лодку, Митя спросил:

– Как называется тот остров, на который мы ездили?

– Не «ездили», а «ходили», – поправил его Добрыня. – А названия у него нету... Непорядок, конечно.

– Давайте, придумаем!

Они отправились домой и по дороге наперебой предлагали названия – одно другого красочнее, романтичнее. Уже около гостиницы Митя неожиданно остановился и серьезно сказал:

– Я знаю, как... Пусть будет Славкин остров.

Добрыня вздрогнул от неожиданности, внимательно посмотрел на мальчика, хотел что-то спросить, но не спросил, только тяжело вздохнул.

Ночью Мите приснился русский генерал, играющий на бильярде с императором Наполеоном.

Бибиков еще не ранен. Он бьет по шару, и раздается страшный взрыв. «Ха-ха-ха!!!» – хохочет Наполеон и показывает скрюченным пальцем на лежащего в луже крови генерала, у которого оторвана левая рука.

Но Бибиков все-таки поднимается, берет кий и «пистолетом» кладет один шар за другим. Император французов уже не смеется. Каждый удар заставляет его хвататься то за живот, то за плечо, то за грудь, как будто шары падают не в лузы, а поражают надменного завоевателя. И никакие это вовсе не шары, а шипящие, раскаленные ядра...

Неожиданно и Наполеон и однорукий генерал исчезли. А их место около бильярда заняла другая пара, в которой Митя узнал себя и... Марину Сергеевну.

Ловким ударом она посылает шар в лузу и говорит:

– Это тебе за предательство, негодный мальчишка!

Он пытается объяснить ей, но слова застревают у него в груди. А Марина Сергеевна ловко кладет шар за шаром и приговаривает при каждом ударе, грозя ему своим маленьким кулачком:

– Отступник... отступник... отступник...

И тут он проснулся. Около него стоял отец и испуганно спрашивал:

– Что с тобой? Почему ты кричишь?

IX. ПРИНЦ С ЧЕТЫРЬМЯ ШПАЛАМИ

Митя уже давно хотел все объяснить Марине Сергеевне, но не решался, оттягивал неприятный разговор и всячески скрывал свое новое пристрастие. Выручила его сама библиотечка.

– Глупышка, – сказала она ему с печальной улыбкой, – перестань мучиться. Я ведь знаю, что тебе врач бильярд прописал. Играй себе на здоровье! Может, действительно, не права я, по одному гнилому дереву о всем лесе сужу...

– Я про то дерево знаю. Вы его взашей вытолкнули... – начал Митя и сразу же прикусил язык, сообразив, что лучше не соваться со своей осведомленностью.

Но Марина Сергеевна ни капельки не рассердилась, только головой покачала:

– И тебя просветить успели... Ну, да бог с ними.

Потом улыбнулась:

– Везет же мне... Помнишь, ты про принца спросил? Так он тоже на бильярде помешан. Из-за этого и не ладилось у нас. Завтра, между прочим, приезжает. Полгода не виделись. Не знаю даже, откуда письма писал... Но думаю – оттуда!

Сказала так, будто не сомневалась, что он должен обязательно знать, откуда это «оттуда».

Митя глянул за окно, куда так многозначительно кивнула Марина Сергеевна. Там виднелась квадратная площадь, разбитый на ней сквер с памятником героям гражданской войны, здание универмага, самый большой в городе жилой дом, в котором Маркиным обещали дать комнату, а может быть, даже квартиру.

Больше ничего он не обнаружил и с недоумением посмотрел на Марину Сергеевну. Но вдруг вспомнил, что именно так: «Оттуда» недавно сказал отец об одном своем старом товарище, который вернулся из Испании!

Принц оказался высоким, довольно полным военным с орденом Красного Знамени на груди и четырьмя шпалами в петлицах. «Полковник», – сообразил Митя, когда тот появился в библиотеке-бильярдной. Это звание ввели в Красной Армии недавно, и оно еще было непривычным, даже чуждым.

Когда Митя посмотрел на его темно-коричневые от загара лицо и руки, на новенький, отливающий золотом орден, то больше уже не сомневался: «Конечно, оттуда!»

Поздоровавшись со всеми, военный направился прямо к Марине Сергеевне, которая, счастливо улыбаясь, поднялась ему навстречу из-за своего столика. Такой красивой Митя ее никогда не видел.

Они взялись за руки и долго молча стояли, неотрывно глядя друг другу в глаза, так долго, что Маркин подумал, не играют ли тетя и дядя в детскую игру – кто дольше не моргнет.

«Тоже, нашли время! – злился он. – Неужели она не понимает: человек вернулся «оттуда»!»

Десятки вопросов, один другого важнее, висели на кончике Митинога языка. Но ему пришлось проглотить их: Марина Сергеевна засуетилась, заспешила, увела своего принца из комнаты, бросив уже в дверях:

– Ключи на столе!

Вернулись они не скоро – счастливые, просветленные, и Митя решил, что теперь у них все ладится, и поэтому в самый раз задавать свои вопросы. Однако, пока он обдумывал, с чего начать, полковник, лукаво глянув на Марину Сергеевну, спросил:

– Так я сыграю? Ты не возражаешь?

Та ничего не ответила, только улыбнулась одними глазами и опустила ресницы.

Играл принц с Добрыней. По первым же ударам Митя понял, что полковник – бильярдист милостью божьей, как говорил Антон Никитич. Что же касается самого маркера, то он всегда радовался достойному противнику. Они сделали три партии, и, хотя военному не удалось одержать ни одной победы, оба остались довольны друг другом.

Когда полковник, поблагодарив Корнева, вышел, Добрыня задумчиво произнес:

– Врут, будто с человеком пуд соли надо съесть, чтобы его узнать. Уверен – полпудика партией на бильярде заменить можно. Тут человек сразу раскрывается. Вот, тот командир, с которым я сейчас играл... Что ты о нем сказать можешь?

– Что могу? – переспросил Митя. – Многое могу... Про цвет волос, про звание, рост... ну, возраст... примерно, конечно. Про орден могу... И откуда приехал, знаю. Из Испании, вот откуда? Скажете, нет?

Но Добрыня «нет» не сказал и выжидательно смотрел на него: продолжай, мол!

Митя собрал на лбу две чуть заметные морщинки, почесал затылок. Это, видимо, помогло.

– Сапоги у него блестят! – раздался его радостный крик. – И пуговицы тоже...

Ответом на эти слова был короткий смешок Марины Сергеевны – оказалось, она внимательно прислушивалась к их разговору.

– Все? – спросил Антон Никитич. – Ты еще подумай... Может, что упустил?

– Сдаюсь! – засмеялся мальчик и поднял кверху костыли.

– Тогда послушай, теперь я о нем скажу, – серьезно произнес маркер.

Он перешел на библиотечную половину комнаты, сел на стул неподалеку от Марины Сергеевны.

– Может, в чем и ошибусь, но только не в главном... А главное, ты уж мне поверь, – благородный полковник человек... не завистливый. Такой лежачего бить не станет. Под бильярд партнера лезть не заставит. И доноса на друга не накает.

– Вы что же, еще кудесником, любимцем богов работаете? – язвительно спросил Митя. – Откуда вы знать можете?

– Видел, как он хорошим шарам радовался. Не тем, что сам клал, а которые я забивал. Я-то знаю, только настоящий человек может так переживать успех партнера. Иной, поверь мне, лишь вид делает, будто за тебя душой болеет, а сам злобой кипит и разные беды на твою руку накликает. Этот же за каждый красивый шар спасибо говорил!

– Сочиняете, дядя Добрыня! – громко засмеялся Митя. – Вот и попались! Я ведь рядом все время был. Шары собирал. Пирамиду ставил... Он спасибо всего один-разъединственный раз сказал, и то, – когда уже играть кончили. «Спасибо, – говорит, – за удовольствие, которое вы мне доставили... Давно такого не получал».

– Ошибаешься, – спокойно возразил Антон Никитич. – Ты того не учитываешь, что спасибо можно и глазами сказать... и улыбкой. Такое-то оно часто подороже благодарностей, которые с языка слетают!

– Это верно, ах, как это верно, – ни к кому не обращаясь, тихо произнесла Марина Сергеевна.

Она с таким видом разглядывала маркера, будто видела его впервые.

– Продолжать? – спросил Добрыня Митю, но тому показалось, что он обращается не только к нему.

– Продолжайте, – тоном учителя, подбадривающего неуверенного ученика, произнес мальчик и покосился на библиотечаршу. – Мы вас слушаем!

– Покорнейше благодарю! – Антон Никитич привстал, отвесил шутливый поклон. – Знаешь, чему я позавидовал? Выдержке его. Когда полковник мне «тринадцатый» под среднюю подвел, и я потом в пять минут полпартии взял, так он ведь не дрогнул. Играл, как ни в чем не бывало! И сразу же такого шара положил, что закачаешься... Классический шарик, музейный! Да, выдержка у него отменнойшая.

– «Двойку» от трех бортов в среднюю! А я думал, она случайно упала. Ну, не совсем, чтобы дуриком, а так... Играть все равно нечего было. Вы биток вон куда увели!

– Случайно? Желая вам, уважаемый Дмитрий Борисович, побольше таких дуриков! Нет, «двойка» та поумнее многих. А то, что он именно ее стал играть, а не другой, дорогой шар, тебе о чем-нибудь говорит? – спросил Добрыня и, не получив вразумительного ответа, продолжал:

– Это ты, брат, не прав, будто он «двойку» от безрыбья работал. «Одиннадцатый» совсем не плохо стоял. Будь у нас официальная встреча, он, думаю, его бы и играл. Обычный шар... А тут... Радость в жизни человек ищет! Вот где собака зарыта! Полковник от этой «двойки» удовольствие получил. Я по себе знаю. Суть человека во всем сказывается. И в малом, – подумаешь, бильярд, не тот шар для удара выбрал, – и в большом, когда от неверного шага жизнь покоситься может...

– Вас Дима про риск спросил... – неожиданно вмешалась Марина Сергеевна.

– А я про то и говорю, – дядя Добрыня едва заметно улыбнулся. – Риск риску рознь. Сам видел, как один храбрец – в гражданскую дело было – судьбу испытывал:

взял наган, вставил в барабан патрон, крутанул несколько раз – шесть отверстий пустых, одно полное, приставил ствол к виску да и нажал...

– Ну и что? – вскрикнул Митя.

– Ну и то... Написали матери: «Погиб в борьбе за торжество мировой революции».

Антон Никитич встал, прошелся по комнате.

– А полковник... Думаю, на бездумный риск и сам не пойдет, и людей, которыми командует, от бахвальства поостережет... Тренировки у него нет, но это уже другая статья, тренировка – дело наживное!

Глянул на часы и заторопился:

– Обещал Науму Николаевичу сегодня показаться. А с ним, сам знаешь, шутки плохи! В другой раз как-нибудь договорим. Бильярд о человеке еще многое рассказать может, было бы желание понимать! Так что никакой я не любимец богов. Собери, пожалуйста, шары...

Когда за ним закрылась дверь, Митя посмотрел на Марину Сергеевну.

Ее лицо светилось тихой радостью. И он подумал, что именно так благодарят взглядом.

Х. «ОЧ. ХОР.» ПО ГЕОМЕТРИИ

Вскоре после ноябрьских праздников врачи разрешили Дмитрию Маркину посещать школу.

Нельзя сказать, чтобы он очень обрадовался.

С ребятами по классу сойтись не успел. Навещали они его регулярно, два раза в неделю, но каждый раз приходили другие, обычно по двое – мальчик и девочка. Попробуй тут, подружись с кем-нибудь!

Мите иногда казалось, что в классе висит специальный график, в котором красным карандашом ставятся жирные галочки: были, навестили, домашнее задание передали, скорейшего выздоровления пожелали.

Нет, в школу Маркина не тянуло! А тут еще костыли: как-то встретят? Не засмеют ли? Хватит с него и малявки! Да и для бильярда времени останется меньше...

Но родители настаивали, Добрыня сказал: «Надо!» – а Марина Сергеевна даже вызвалась ежедневно провожать его в школу.

Этого допустить он не мог и буркнул:

– Что я, маленький, что ли? Ладно уж...

Митины опасения не подтвердились. Никто и не подумал над ним смеяться, в классе ребята вели себя совсем не так, как во время «посещений», и через три дня он уже окончательно забыл о своих страхах.

Поселился Маркин на задней парте, в углу – месте самом привилегированном, а для Мити удобном еще и потому, что было куда поставить костыли. Раньше здесь сидел бомбовоз – Толя Разговоров. Теперь он великодушно подвинулся, а его бывший сосед добровольно перекочевал на другую парту.

– Ты не сердись, что я не приходил... Понимаешь, не заслужил я...

– Как это? – удивился Митя. – У кого не заслужил?

– У коллектива, – тяжело вздохнул тот. – Индальгенция... наша классная, Анна Григорьевна, литераторша... Мы ее так за то прозвали, что грехи нам прощает... Вот она и предложила, чтобы к тебе домой только достойные ходили. Даже на голосование поставила... Ну, мы руки и задрали! Единогласно. А у меня...

Он не договорил, но и без слов было ясно: к категории достойных Толя себя не относит и на скорое отпущение грехов не рассчитывает, даже у Индальгенции.

– Ты приходи, – утешил его Митя. – Теперь ваше голосование недействительно.

– Ладно, загляну как-нибудь... А тебя если кто пальцем тронет или еще как, мне скажи. У меня разговор короткий.

Но ни пальцем, ни еще как Маркина никто не трогал, а вскоре он вообще стал личностью популярной.

О своем увлечении бильярдом Митя никому не рассказывал. И, возможно, в школе так бы ничего и не узнали, если бы не... Александр Сергеевич Пушкин.

Дело в том, что Анна Григорьевна любила приносить в класс вырезанные из различных журналов и наклеенные на картон иллюстрации. Она называла это раздаточным материалом.

В тот день раздаточный материал был о Пушкине. Девчонки восхищались красотой Натальи Николаевны Гончаровой, ребят заинтересовал пистолет поэта, его фрак, на котором можно было различить отверстие от пули Дантеса.

Митя тоже вначале рассматривал пистолет, но вдруг увидел... два кия. Подписи не было, – видимо, ее отхватили ножницами, когда вырезали.

Толя взглянул на рисунок и громко спросил:

– Анна Григорьевна, а что это за палки? Учительница подошла к их парте; посмотрела и замялась.

– Это... эти... которыми в бильярд играют.

– Кии, – подсказал Митя.

– Верно, Маркин, спасибо!

– А когда Пушкин этими киями играл? – не унимался Толя, – тут под картинкой ничего не написано. Он хорошо играл, да? У него свой бильярд был, да?

Толя не знал, что своими вопросами поставил учительницу в тупик.

Только вчера она была на методическом совещании, где им настоятельно рекомендовали не затрагивать «антивоспитательные аспекты биографий писателей». Один учитель, делясь своим опытом, так и сказал: «Мы не погрешим против большой правды, если позволим себе маленькую ложь... Я детям говорю, что Пушкин верхом ездил, купаться любил, а про карты и другое не надо... Я не знаю, играл ли Пушкин в шахматы, но говорю: играл и не плохо. И имею на это право, потому что шахматы – типично для такого человека, а карты – нет!».

«А бильярд? – подумала Анна Григорьевна. – Типично? Какой это аспект? И как не затрагивать эти аспекты, если тот же Толя Разговоров однажды спросил: «Правда, что Лермонтов к цыганкам ездил?» Так и сказал: «К цыганкам».

– Насколько мне известно, – продолжая обдумывать свой ответ, произнесла Анна Григорьевна, – Пушкин, действительно, играл в бильярд. Но это совсем не значит, что вы должны ему подражать. Даже наоборот... Каждой эпохе присущи свои увлечения... Вы должны увлекаться другим. Ну, скажем, плаванием... Кстати, многие писатели очень хорошо плавали: тот же Пушкин, Толстой Лев Николаевич, Байрон даже Дарданеллы переплывал...

Анна Григорьевна с облегчением вздохнула, словно сбросила с плеч тяжелую ношу, и заключила:

– Теперь на твой вопрос, Толя... Я не знаю, когда и где Александр Сергеевич играл этими киями. Все они одинаковые. Мог и до ссылки, и на юге, и в Михайловском, и потом... Всю жизнь. Повторяю, нам с вами у Пушкина другому учиться надо. Вот, например...

– А когда он из ссылки вернулся? – неожиданно перебил ее Митя.

– Я же объясняла, Маркин... Возможно, ты как раз болел. В конце 1826 года...

– Тогда бабушка еще надвое сказала... Маркин рассуждал сам с собой, внимательно разглядывая рисунок.

– Что ты хочешь сказать? – учительница посмотрела на него с недоумением.

– Вы говорите, в двадцать шестом... А через год, в тысяча восемьсот двадцать седьмом Менго – был такой великий бильярдист, француз, – создал кий с кожаной наклейкой. На рисунке же – вы посмотрите, ясно видно: инструменты вообще без наконечников! Такие еще до того были, как майор Дуга гипсовую нашлепку предложил. Так что до двадцать седьмого года Пушкин ими, действительно, играл, тут спору нет... А вот потом... Потом ему из Франции могли и новый кий привезти, с кожицей, а может, они в магазин культтоваров поступили...

Анна Григорьевна была так поражена Митиным сообщением, что даже не обратила внимания на «магазин культтоваров». Она отступила на шаг назад и, с любопытством разглядывая раскрасневшегося от возбуждения ученика, произнесла загадочную фразу, вроде бы стихи:

– И по Ботническим волнам за хлеб и сало возят к нам...

Потом сказала:

– Молодец! Мыслишь логически. Но откуда у тебя эти сведения? Менго... и еще... майор какой-то. Откуда ты все это почерпнул?

– Человек один рассказывал... Мастер!

– Какой мастер? Игрок?

В голосе ее Митя уловил недоумение, разочарование, пренебрежение и даже страх.

– Бильярдист! – твердо ответил он. И чтобы переменить тему разговора, попросил:

– Вы мне не дадите этот рисунок? На один день. Я завтра принесу, только покажу...

– Да бери его себе навечно. Мне он, право же, ни к чему... А ты что же, и сам играешь?

Митя не успел сообразить, что ответить, как раздался спасительный звонок.

– Дежурные, соберите раздаточный материал! – приказала Анна Григорьевна и пошла к своему столу.

– Ты, правда, играешь? – с уважением глядя на Митю, спросил Толя.

Разговор с классной насторожил Маркина. «Вот ведь как получается, – думал он. – Хороший человек, а тоже не понимает. Вроде бы даже презирает».

Поэтому ответил товарищу:

– Где уж мне... Знакомый один работает...

– А я думал, играешь, – разочарованно протянул сосед. – Шпарил ты больно здорово! Индульгеша аж зажмурилась.

История с пушкинскими киями, возможно, вскоре забылась бы, но через несколько дней Толя Разговоров выполнил свое обещание заглянуть к Мите.

Не застав никого в номере, он уже хотел уйти, однако дежурная по этажу сказала:

– А ты, мальчик, посмотри в бильярдной, больше ему негде быть...

Играть со взрослыми Мите пока что строго запрещалось. Приходилось довольствоваться тренировками: Маркин против Маркина. Такую тренировку и увидел Толя. Он не поверил своим глазам: малявка, слабак, фитиль, да еще на костылях... Сразу же из гостиницы Толя бросился к Саше Петельникову – тот жил ближе других ребят...

Короче говоря, на следующее утро Маркин нежданно-негаданно стал самым популярным человеком в классе. Он едва успевал отвечать на вопросы:

- Что такое дуплет?
- За день можно научиться играть?
- Чем отличается «пирамида» от «американки»?
- Из чего сделаны шарики?
- А девочек в бильярд принимают?

Ко второй перемене слух о необыкновенном чемпионе разнесся по всей школе, а на третьей, большой, Дмитрия Маркина вызвали к директору.

Когда Митя, робко постучавшись, вошел в кабинет, до него донесся раздраженный, нетерпеливый голос завуча, Алевтины Викторовны, преподававшей у них математику.

- ...психоз какой-то. Было бы что-нибудь полезное... Не хватало бабе хлопот...

Она увидела ученика и замолчала.

– Здравствуйте, – тихо проговорил тот, прикрывая за собой дверь. – Вы меня вызывали?

– Вызывал, – ответил директор. – Садись! – И, видя, что мальчик мнетя, приказал:

- Садись, тебе говорят!

Митя сел в низкое кресло, спрятав под журнальный столик больную ногу и не выпуская из рук костылей.

- Это правда, что ты в гостинице на бильярде играешь? – спросила Алевтина.

– Правда.

Наступило молчание.

- Извините, можно мне? – нарушил его голос Анны Григорьевны.

Она сидела в углу около двери, и Митя только сейчас заметил ее.

- Пожалуйста! – Директор поднялся из-за стола и заходил по кабинету.

– Бильярд, конечно, очень, очень плохо. Я понимаю... Там такое творится! В прошлом году в доме отдыха видела. Но с другой стороны... Вы бы послушали, как Маркин...

– Ну, сколько можно, уважаемая Анна Григорьевна! С одной стороны, с другой стороны! – перебила ее завуч и повернулась к Мите:

– Ты сам-то как считаешь?

– Что считаю?

– Польза от этого хоть какая-нибудь есть?

– Польза? – он на секунду задумался. – Нога вот быстрее заживает... Да и вообще.

– Ты слово дай! Скажи, что больше не будешь, – донеслось из угла. – И все уладится.

– Нет! – опустив голову, тихо ответил Митя.

– Почему? – директор остановился около ученика.

Тот поднял на него глаза.

– Потому что все равно буду!

Прозвенел звонок.

– У меня урок, – заторопилась завуч. – Мое мнение вам известно, и менять его я не намерена!

– Отправляйся в класс! – сказал директор Мите. – Только вот что... попроси мать зайти ко мне завтра.

В школу пошел отец. На этот счет разделение обязанностей у Маркиных было твердым: на родительские собрания ходит мать, по вызовам – он.

Ночью Митя слышал отцовский шепот:

– Директор особенно не возражал. Но я и Алевтину Викторовну понимаю. Говорю ей: «Тут случай особенный. Ведь мы не враги своему сыну. И врач настоятельно рекомендовал. Про Антона Никитича рассказал. Она ни в какую, только плечами пожимает. Так и расстались...»

Митя долго ворочался с боку на бок, думал: «Может, лучше бы послушаться Индульгенцию, пообещать?»

Заснул он поздно и утром чуть не опоздал в школу. Проковылял в класс под самым носом Алевтины – первым уроком была геометрия.

– Здравствуйте, ребята! – завуч окинула учеников строгим взглядом. – Садитесь!

Класс продолжал стоять;

– Садитесь!!

Никто не подчинился приказу.

– Куницына, в чем дело? Что это за демонстрация?!

Лида Куницына, староста, тоже не садилась.

– Домашнее задание, Алевтина Викторовна...

– Так-таки никто? Этого не может быть...

– Никто! – хором ответил класс.

С первого дня работы в школе Алевтина Викторовна завела такой порядок: не выполнивший домашнего задания не имел права садиться после приветствия учителя. По ее мнению, это намного увеличивало КПД урока.

– Так, так... сейчас разберемся. Все садитесь, а ты, Маркин, иди к доске.

Митя, захватив один костыль, медленно побрел между рядами парт. «Какая там была задана задачка?» Вчера на нее не хватило времени. Думал, придет пораньше... Хорошо еще, что никто не решил.

– Возьми задачник! – донёлся до него недовольный голос Алевтины.

Он повернул обратно и, делая вид, что ищет книгу, шепнул Толе:

– Номер?

– 336-й, – так же тихо ответил тот.

Задача показалась ему несложной: обычная «на углы», такие они уже решали в классе. Отчего же никто не решил? Сачканули и договорились? Конечно! Подумать только, даже Лидка Куницына! Вот было бы дело, если бы он вылез один: смотрите, мол, какой я пай-мальчик. Митю даже в пот бросило от такой перспективы. Но как вести себя? Надо потянуть время...

Он стал еще раз читать вслух, медленно, с выражением, словно на уроке литературы, и в то же время кося одним глазом на Алевтину.

Учительница стояла у окна и с подозрением смотрела на притихший класс.

– Черти условие! – прервала она его художества, и Митя почувствовал в ее голосе металл.

Ну что ж... Он сделал все, что мог.

Маркин быстро набросал треугольник с одним тупым углом и двумя острыми. Угол А равен... Что такое? Задача не получалась! Спокойно, главное, понять –

почему? Отец в таких случаях говорил: «Наглядно представь... Замени эти А и В реальными, знакомыми тебе предметами». Чем бы их заменить?

И вдруг его осенило: А, В, С – биток – шар – луза. Если соединить их линиями, то получится треугольник... Ах, как хорошо играть «своего»! Но почему в задачнике написано, будто угол А равен 110, а С – сорока градусам? Наоборот! Ну, конечно же, тут ошибка!

– И долго мы еще будем ждать? – Алевтина подошла к столу и заглянула в журнал, видимо, намереваясь вызвать к доске другого ученика, а Маркину...

– Тут наоборот надо! – выкрикнул Митя, как бы предостерегая ее от такого необдуманного шага.

– Что наоборот? – не поняла учительница, но тут же, взяв у него книгу и пробежав текст, проговорила:

– Ерунда какая... Конечно же, опечатка. Неужели никто не мог догадаться? Скучно мне с вами...

Класс, пристыженный, молчал.

– Почему же Маркин догадался? Как ты догадался, Маркин? Вот уж от кого не ожидала...

Митя взял мел и приступил к работе. Вначале никто не понял, что он делает. Немного погодя на доске четко обозначился бильярдный стол, вернее, только четверть его, с угловой и средней лузами. Потом появились два шара. Один – опоясанный двумя полосами – биток, второй – с «четверкой» на боку. Он мог написать и другую цифру, любую из пятнадцати, но рука машинально вывела именно эту.

– Ну, а теперь все просто, – сказал Митя, окинув удовлетворенным взглядом свое творение. – Надо только представить...

Алевтина его не перебивала. А когда он кончил объяснять и, положив мел, ожидал решения своей участи, раздался восторженный голос Миши Кротова, который, как с ним ни бились, не вылезал из двоек по геометрии:

— Я понял!!! Я понял, как надо решать эти проклятушие задачки... Алевтина Викторвна, вызовите меня... Прямо сейчас! Честное слово!

Но учительница не стала никого спрашивать. Она подошла к доске, с интересом посмотрела на бильярдный рисунок, потом на Митю и, обращаясь ко всему классу, сказала, четко выговаривая каждое слово:

– Я ставлю Маркину «очень хорошо»! Нет, не только за сегодняшний ответ, но и за всю четверть!

XI. МИТЯ МАРКИН ПРОТИВ ПЕТРА I

Сыграть первую настоящую партию Мите помог Филимон Филимонович.

С того памятного вечера буфетчика словно подменили: советов игрокам он уже не давал, к маркеру относился почтительно, даже с подобострастием.

Теперь Фил Филыч приходил в бильярдную ежедневно. Садился около стола, на котором работал Антон Никитич Корнев или другой мастер и наблюдал. Понаблюдав час-другой, сам брался за кий.

На дверях буфета все чаще стало появляться написанное от руки объявление «Переучет». Оно чередовалось с красочной, исполненной типографским способом табличкой «Смена экспозиции», которую Филимон Филимонович раздобыл в местном антропологическом музее.

Первое объявление иногда вызывало нарекания постояльцев. Но дежурные знали, где искать буфетчика, и в случае крайней нужды звонили в бильярдную. Второе действовало безотказно. Митя своими глазами видел, как, прочитав его, люди многозначительно переглядывались и почтительно, на цыпочках отступали от загадочной двери.

Партнеров себе Филя находил с трудом. Все знали, что играет он плохо, распяляется, нервничает, спорит по пустякам. Поэтому ему приходилось ловить новичков, главным образом из гегемонов. Глаз на них у него был наметан и, когда в бильярдной появился полковник, Фил Филыч сразу же взял его на прицел.

Однако сыграть с ним буфетчику удалось не скоро: военный неожиданно исчез.

Митя тоже ждал принца – ему так и не удалось побеседовать с ним о перспективах войны в Испании, а сделать это надо было обязательно, так как у него, Мити Маркина, имелись конкретные предложения, касающиеся стратегии и тактики республиканцев, возможностей окружения и разгрома больших группировок франкистских войск.

Митя хотел справиться о полковнике у Марины Сергеевны, но Добрыня сказал:

– Не лезь! Неужели не видишь, на ней же написано: все в порядке! Срок пройдет – объявится.

И хотя никакой надписи на библиотекарше мальчик не обнаружил, полковник действительно объявился – когда Маркин уже начал ходить в школу.

Тут-то в него и вцепился Фил Филыч. Через десять минут раздался его раздраженный голос:

– Эту вы у меня случайно взяли! Не подставь я «четырнадцатый»...

– Знаете, – засмеялся полковник, – когда у француза болит живот, он утверждает, что в этом виновато правительство.

Потом уже серьезно сказал:

– А вы не подставляйте, думаете, мне интересно такие шары работать?

– На подставках и ребенок выиграет, – не унимался Филя. – Вот Митька... дайте ему кий в руки да покажите, куда ширять, и он на подставках партию сделает.

При этих словах Добрыня с Митей переглянулись и понимающе улыбнулись друг другу.

– Филимон Филимонович, вас к телефону! – крикнула Марина Сергеевна.

Буфетчик взял трубку, и все услышали его раздраженный голос:

– Нарзана нет! Не знаю!

Он резко бросил трубку, сказал уже спокойнее, ища сочувствия:

– Вот всегда так! И поиграть человеку не дадут... Тоже мне, господа! Нарзан им понадобился.

– Послушайте, – командир посмотрел на партнера без всякого сочувствия. – Вы, если не ошибаюсь, на службе... Так сказать, при исполнении... Чего же возмущаться? Господа, как вам угодно было выразиться, совершенно правы. Ступайте и делайте свое дело!

– Там же по-русски написано: «Переучет», – оправдывался Фил Филыч.

– Неужели для того, чтобы пересчитать две сотни сосисок, необходимо закрывать буфет? В другой стране хозяин бы вас за такие фокусы и минуты держать не стал!

Филя побагровел. От его сдержанности и почтительности не осталось и следа.

– Ах, так! – с нескрываемой угрозой проговорил он. – Кому-кому, а вам не мешало бы помнить ленинские слова о том, что социализм – это учет... Да, да, – учет... А вы – против... И заграничные порядки восхваляете... По хозяевам соскучились! Правильно я говорю? Я правильно говорю? Я не позволю... Мы не позволим...

– Вы не позволите... Они не позволят, prospрягал в тон ему полковник.

Все засмеялись, а буфетчик, бурча под нос угрозы, выбежал из бильярдной.

– Не обращайтесь внимания, – сказал полковнику Антон Никитич, видя, что настроение у того испортилось. – Мало ли не очень умных людей. Мы-то его знаем.

– Вы бы хоть подмигнули, что ли. Ну, да ладно! Подставок бояться – в бильярд не играть... Разобьем пирамидку?

– Это можно, – маркер направился за кием, но неожиданно повернулся к полковнику. Казалось, он хотел о чем-то спросить и не решался.

– Просьба у меня...

– Пожалуйста...

– Не знаю уж, как и сказать, – замялся Добрыня. – Не привык в ходатаях ходить.

– Да не крутите, Антон Никитич! Что в моих силах... С радостью помогу.

– Просьба-то уж больно необычная... Давайте так: да – да, нет – нет...

– Какой разговор!

– О Мите я... Тут этот радетель социализма про него высказался, помните: на подставках, мол, любой пацан партию в два счета наширяет...

Услышав, что речь идет о нем, еще не понимая, а только смутно догадываясь, к чему клонит дядя Добрыня, Митя прижался к Марине Сергеевне и так и впился глазами в спину полковника. На эту же спину, обхватив мальчика руками за плечи, смотрела и библиотекарша.

«Ну, оглянитесь, оглянитесь!.. – молил Митин взгляд. – Вы увидите, как мне хочется сыграть с вами!»

«Оглянись же! – приказывала она. – Мне тоже важно, чтобы ты оглянулся, я хочу, чтобы ты оглянулся!»

– А ведь парень работает, – продолжал между тем Антон Никитич. – И совсем не плохо, можете мне поверить. Пусть вас не смущает его рост... И костыли... Сыграйте с мальчонкой, товарищ командир! Сами понимаете, – первая партия. Да и для меня это вроде бы экзамен. Второй ученик за всю жизнь... Удовольствие я вам гарантирую, а вот легкой победы – ни в коем случае!

Полковник оглянулся, посмотрел на Марину Сергеевну, едва заметно кивнул ей, потом перевел взгляд на Митю, понял, вероятно, что творится в душе мальчика, и, приветливо улыбаясь, направился к нему.

– Ну что же... Давай знакомиться, – он протянул ему руку. – Петр Алексеевич.

– Петр !! – вместо того, чтобы назвать себя, неожиданно выпалил Митя.

– О чем это ты? – удивился военный. – Какой Петр I?

– Его тоже Петром Алексеевичем звали...

– Ну конечно, – под общий смех согласился полковник, – императора всея Руси так в мою честь называли... Вот ведь оказия какая, – сорок лет на свете живу, а не подумал, что у меня такой знаменитый тезка. Спасибо тебе... Только я – Ершов, а не Романов.

Знакомство состоялось.

Своим кием-самокладом Митя разбил пирамиду, как учил Добрыня, – оттянул биток на себя и прилепил его к короткому борту.

– Об одном вас прошу, – обратился маркер к Петру Алексеевичу, – работайте всерьез, без скидок.

Дорвавшись, наконец, до настоящей игры, Митя забыл обо всем на свете. Он ничего не видел, кроме большого зеленого поля с разбросанными на нем в полном беспорядке, как могло показаться неискушенному взгляду, шарами.

Однако для него этот ералаш, хаос этот был полон мудрого смысла.

Первое время мальчик еще поглядывал на своего учителя, но убедившись, что тот вроде бы удовлетворен, перестал смотреть в его сторону.

В комнате стало необычайно людно. Виноват в этом был, в основном, дядя Егор, вообще-то бильярда не одобрявший. Но сейчас, зайдя в библиотеку и посмотрев на игру, он по всем этажам развез на лифте весть: «Митрий там такой концерт дает, такой концерт!..»

Не видел Митя и буфетчика, который неизвестно когда вновь появился в бильярдной. А посмотреть, право, стоило. Он протиснулся к самому бильярду и при каждом ударе издавал гортанный птичий звук. Лицо его выражало недоверие, удивление, восхищение и... зависть.

Но Митя, ничего этого не видел. В каждый удар он вкладывал все свое мастерство, всю свою сноровку, силу воли, весь артистизм все то, чем так щедро поделился с ним потомственный бильярдист Антон Никитич Корнев. Играл так, словно от того, положит он «десятку» или «седьмой» в лузу, зависела его судьба.

Он забыл даже о больной ноге.

Неделю назад ему наконец-то сняли гипс. Просмотрев рентгеновские снимки, Бармалей одобрительно прогудел:

– Полный порядок! Срослась за милую душу. Тебя бы, как наглядное пособие, студентикам показывать! Ну, да бог с тобой... Только с футболом повремени чуток, слышишь, ты, Пека Дементьев! А то ведь я вашего брата знаю... Сломаешь еще раз, – ни за что чинить не буду! И другим врачам закажу: «Ну, мол, его, не умный он совсем мужчина, дважды об один и тот же камень споткнулся». Уразумел?

Не дождавшись ответа, серьезным тоном добавил:

– Расхаживать тебе ногу надо. Поначалу оно непривычно и боязно будет... да ничего не поделаешь, заново овладеть придется, как в младенчестве. Ты моего совета послушался? Как там Добрыня, научил тебя дуплеты загонять? Теперь самое время вокруг стола попрыгать...

– Допрыгался уже! – усмехнулась мать. – Родителей в школу вызывали...

С интересом выслушав Митин рассказ, Наум Николаевич воскликнул:

– За всю четверть? Вот тебе и Алевтина! А классная как? Простила? Ну и отлично... Выберу часок, загляну к вам, сгоняем партию. А сейчас... брось-ка ты к дьяволу костыли! Не нужны они тебе больше! Палочкой обойдешься, да и то на первое время... Ну, становись на ноги, Лобачевский!

Вот тут-то Дмитрий Борисович Маркин и опростоволосился. Он уж хотел выполнить приказ врача, но вспомнил ту страшную боль, которую ощутил там, на футбольном поле, когда пытался подняться, и... испугался. Став блее стен докторского кабинета, Митя поджимал больную ногу и, стирая со лба холодные капли пота, повторял:

– Нет... не сейчас... я дома попробую... Обязательно... Только не сейчас!

Но дома история повторилась: ненавистные костыли, избавиться от которых он мечтал все эти месяцы, стали вдруг такими необходимыми... Теперь он не расставался с ними. Ложась в кровать, прятал под матрац – на всякий случай. И хотя спать было неудобно – мужественно терпел. Ничего не помогало – ни слезы матери, ни осуждающие взгляды отца, ни советы Добрыни и Марины Сергеевны, которые тоже были подключены к антикостыльной кампании, – Митя оставался непоколебим. Как Муций Сцевола, как спартанцы у Фермопил, как солдаты Раевского в Бородинском бою.

Марина Сергеевна даже унизилась до совершенно недозволенного приема.

– Да кому ты будешь нужен на этих костылях! – крикнула она в запальчивости, после очередного бесполезного увещевания. – На тебя ни одна девчонка не посмотрит!

– Вот и хорошо, – обрадовался Митя. – Я ненавижу, когда на меня девчонки смотрят! И чего глазеть? Я им не артист Петр Алейников.

Партию с полковником он начал, как обычно: прыгая вокруг бильярда на одном костыле. Когда прицеливался и наносил удар, прислонял костыль к столу.

Однако, увлеченный игрой, в какой-то момент совершенно забыл о нем и, сам того не замечая, сделал несколько самостоятельных шагов. Прихрамывая, придерживаясь левой рукой за борт, но ступая на ту самую ногу!

Через некоторое время ситуация повторилась. Только теперь Дмитрий Маркин, оценивая позицию, обошел уже вокруг всего стола и, снова наткнувшись на скучавший в одиночестве родной костыль, как ни в чем не бывало, сунул его себе под мышку.

Добрыня и Марина Сергеевна переглянулись. Другие же, непосвященные, не поняли всей важности случившегося.

Митя положил довольно-таки трудный шар и, окрыленный успехом, отправился в очередное кругостольное путешествие. И вновь на своих двоих! При этом он ни на секунду не сводил глаз с зеленого стола.

Антон. Никитич решил воспользоваться моментом. Вынул из лузы Митин трофей и, относя его, незаметно прихватил с собой и костыль.

Полковник вначале играл с некоторой прохладцей. Что бы ни говорил о мальчонке маркер, как бы ни расписывал его способности, ребенок есть ребенок...

Но вот прошло пять минут, десять...

«Занятно! – подумал Петр Алексеевич, любясь ударами своего юного партнера, которого про себя назвал малявкой. – А зубки-то у него не молочные!»

«Да, совсем не молочные! – окончательно решил он, поразившись, как хозяйски обращается тот с битком. – Сразу видно, чей почерк! Пора, кажется, собраться».

Однако разумное решение пришло слишком поздно!

Последний шар Дмитрий Маркин положил очень эффектно. Ему не доставало всего семи очков. И тут на ударную позицию вышла «десятка». Полковника это не обеспокоило: биток стоял так неудобно, что до него и взрослому-то не дотянуться. А ребенку даже «теща» не поможет. Поэтому Митин заказ – «десять в левый угол» был воспринят им как проявление мальчишества.

«Ну и хулиган!» – беззлобно, скорее с восхищением, подумал Петр Алексеевич. Зрители тоже недоверчиво покачивали головами. Не удивился только Антон Никитич. Он знал, что сейчас произойдет. Его ученик вскинет кий одной рукой, как копье, подбросит несколько раз, отыскивая центр тяжести, прицелится и...

Клац! – «десятка» свалилась в лузу.

Так по-бибиковски, «пистолетом» закончил Митя свою первую настоящую партию.

– Проиграл – не спорю: пиши за мною! – полковник крепко пожал ему руку. – Молодец! Топай, рапортуй командарму: отстрелялся, мол, на «отлично»!

Смущенный и радостно возбужденный, Митя искал глазами Добрыню...

– Ну, что ж, для начала не так уж плохо, скажем, даже совсем не плохо, – услышал он из-за спины его голос. – Иди сюда. Мы тут тебе подарочек припасли...

Митя обернулся и пошел к маркеру, который стоял рядом с Мариной Сергеевной и держал в руках... его костыли, совершенно не нужные ему теперь.

Вот ведь какие, оказывается, бывают подарки: чем бесполезнее, тем ценней!

– Товарищ командарм! Разрешите обратиться с просьбой? – Петр Алексеевич встал перед Антоном Никитичем по стойке «смирно», опустив кий к ноге и прижимая его к боку, как винтовку,

– Обращайтесь, чего уж там! – засмеялся маркер. – Только я ведь вашу просьбу заранее знаю... К советам командующих надо прислушиваться, товарищ Петр I. Ну, да ладно... Дмитрий Борисович! Вы, надеюсь, ничего не имеете против еще одной партии?

Нет, Дмитрий Борисович Маркин ничего не имел против. То есть настолько не имел, что, когда до него дошло, к кому обращается дядя Добрыня, он вместо ответа бросился собирать шары.

– Э! Так не пойдет! – запротестовал Петр Алексеевич. – Я проиграл, мне и трудиться. Но учти! Голыми руками меня больше не взять! На ошибках учимся...

Эта партия ничем не походила на предыдущую. Полковник навязал партнеру такой стиль, который требует от бильярдиста спокойствия, предельной выдержки, железных нервов.

– Посмотрим, посмотрим, так ли ты силен в обороне, как в атаке! – с вызовом сказал он, в очередной раз уводя биток с ударной позиции. – Потопчемся, потопчемся на месте... Нам спешить некуда!

В обороне Дмитрий Борисович Маркин явно оказался не силен. Ему скоро наскучило отыгрываться, прятать «свой», и он ухарски – знай, мол, наших! – ударил в скопление шаров, за что и поплатился двадцатью очками: партнер положил «седьмой», очень точно выведя биток на ударную позицию под «тринадцатый»...

Поражение ужасно огорчило Митю, но Петр Алексеевич успокоил:

– Зря киснешь! Проиграл, не украл – сам дома остался. Работаешь ты отменно, может, лучше всех своих сверстников. Это я тебе не комплимент говорю. Всему, чему надо, Антон Никитич тебя научил, честь ему за это и хвала! Да и ты учеником оказался не бесталанным... А то, что тоскливо тебе стало в обороне топтаться, на этом многие и постарше тебя головы теряли.

Повернулся к маркеру:

– Не так ли, товарищ командарм?

– В самую точку, Петр Алексеевич, – серьезно ответил Корнев. – Благодарю, Дмитрий Борисович, партнера за науку. И запомни: первому кону не верь, первому выигрышу не радуйся! Есть такая заповедь.

– Контровую бы сыграть, – захныкал Митя.

Петр I вопросительно посмотрел на Антона Никитича. Тот подмигнул ему и обратился к библиотекарше:

– Контровую, кажется, грозилась подготовить Марина Сергеевна... Отметим рождение нового бильярдиста!

– Сначала бы контровую ... – продолжал канючить виновник предполагаемого торжества.

– Партия откладывается на завтра! – решительно прекратил прения Добрыня. – Переживешь!

Они подождали, пока посетители покинут помещение. Потом Марина Сергеевна расстелила на своем столе два листа плотной зеленой бумаги, поставила тарелку с наполеонами. Полковник принес из номера консервы, которые открывались приложенным к банке ключиком; Митя выпросил у матери вилки, стаканы, прихватил хлеба. Корнев достал из своего шкафчика бутылки с пивом и лимонадом, и пиршество началось.

Говорили больше о бильярде. Вначале, правда, мужчины чувствовали себя неловко перед Мариной Сергеевной, но она, заметив это, сказала:

- Да не чинитесь вы... Антон Никитич меня с бильярдом примирил.
- Чего там... – пробурчал маркер. – Мите спасибо скажите. Если б не он...
- А мои заслуги, выходит, не в счет?! – оскорбился полковник. – Ну, знаете ли...
- Свои люди – сочтемся! – рассмеялась Марина Сергеевна.

Антон Никитич и Петр Алексеевич рассказывали различные бильярдные истории. Полковник, между прочим, упомянул о недавней встрече «в одном шибко нейтральном государстве» с удивительным бильярдистом.

– Старик, за семьдесят далеко перевалило, а кий возьмет, любо-дорого посмотреть. К тому же и теоретик. Каждую стоящую партию анализирует! Обстоятельно – со схемами, расчетами, вариантами. Издатели ему золотые горы за рукопись сулят. Куда там! Вот прогоним, – говорит, – большевиков, сам в Москве издам. Или в России, или нигде.

– Жив, выходит... – прошептал Антон Никитич. – Партии анализирует...

– Простите, не расслышал. Кто жив? – Петр Алексеевич с недоумением посмотрел на маркера.

– Кабанов, кто ж еще... Все еще мечтает на белом коне в Москву въехать.

– Но позвольте... Откуда вы его знаете?

– Так ведь дядя Добрыня... – не утерпел Митя, но Корнев перебил его.

– Помолчи... Играл я с ним. В Надеждинске, в девятнадцатом.

– Пойдите, пойдите! Значит, это правда? Значит, это о вас легенды рассказывают? Вы – маркер Дворянского собрания?

– Да! Да! – выкрикнул Митя. – Дядя Добрыня взял «четверку», а она как саданет!

– Помолчи! – еще раз, но уже строже приказал Антон Никитич. – Я сам!

Однако ни послушать его, ни изложить свой план полного разгрома мятежников Маркину не удалось: в бильярдной появилась мать и решительно потребовала, чтобы он немедленно отправлялся домой. Скрепя сердце пришлось подчиниться.

Прощаясь, Митя не утерпел и все-таки напомнил Петру Алексеевичу:

– Не забудьте, завтра контровая!

XII. ТРИ ГВОЗДИКИ ИЛИ ШЕСТЬДЕСЯТ НАПОЛЕОНОВ?

Но контровая не состоялась.

Утром, когда Митя направлялся в школу, еще не успевшая смениться дежурная по этажу протянула ему письмо. Он взял его и, не глядя на конверт, сунул в карман: думал – родителям. Но дежурная сказала:

– Это тебе... лично.

Из конверта, на котором твердым четким почерком было выведено: «Дмитрию Борисовичу Маркину от полковника П.А.Ершова», выпали деньги и небольшой, продолговатый, с рубчиками вверху лист бумаги.

«Здравствуй, малявка! – прочитал он. – Извини, что я тебя так называю, но нас никто не слышит. А еще прости за то, что не сдержал слова – не вышел с тобой на честный бой. Видишь, как оно бывает: человек предполагает, а начальство располагает. Так что все упреки, малыш, – в его адрес.

Передай привет Антону Никитичу. Могучий он человек, ты держись таких, а «буфетчиков» остерегайся.

В бильярд мы с тобой еще сыграем!

С приветом, полковник РККА Петр I».

Ниже была приписка:

«Сделай, дружище, одно дело. У Марины Сергеевны через три дня (в пятницу) день рождения. Купи на те деньги, которые я оставляю, гвоздики и поставь в высокую вазу на ее столе. Мне очень важно, чтобы именно гвоздики».

Вернувшись из школы, Митя узнал новость: соревнования у дяди Добрыни начинаются не через месяц, как предполагалось, а буквально на днях, так что завтра Антон Никитич уезжает...

Корнев просил директора гостиницы до своего возвращения закрыть бильярдную. Однако тот не согласился.

Митя слышал, как он говорил:

– Я вас прекрасно понимаю... Но войдите и вы в мое положение... Дело-то финансовое... Давайте так решим: вы ключи оставьте, а мы что-нибудь придумаем. И, пожалуйста, не волнуйтесь. Вам сейчас противопоказано...

Вечером бильярдная была переполнена. Пришли не только болельщики Антона Никитича. Среди бильярдистов разнесся слух, будто в гостинице появился вундеркинд, запросто обыгрывающий всех взрослых.

Слух этот, как и положено всякому уважающему себя слуху, постепенно обрастал самыми невероятными подробностями. «Безногий мальчонка-то, – говорили одни, – на протезах играет». «Да нет, – уверяли другие, – ноги у него целые... Руку ему трамваем отрезало».

На все просьбы разрешить сыграть Мите маркер неизменно отвечал:

– Не цирк это...

Но одному человеку отказать не смог.

– Ну, показывай, какое такое диво-дивное у тебя объявилось! – раздался у дверей голос, который Митя сразу узнал, хотя и не видел за людьми говорившего.

– О чем вы, Наум Николаевич? – засмеялся Добрыня. – Никаких див не держим.

– Вот-те на! – отозвался врач, пожимая ему руку. – В городе, можно сказать, паника, все только о том и шумят, а он, видите ли, ничего не знает... Вызывают меня сегодня к одному больному. Между прочим, бильярдист тоже, старый знакомый... Сердечный приступ. Так, верите ли, только глаза открыл после укола, глянул на меня, словно я тронутый, да в крик: «Что вы здесь делаете?! Отправляйтесь сейчас же в гостиницу, там ребенок безрукий в бильярд играет... Всех обставляет. Самого Никитича под орех разделал...» «Как же, – спрашиваю, – он, горемышный, без рук-то играет?» – «В том-то и дело, – отвечает, – зубами, говорят, кий держит...» Вот я и приехал посмотреть... Показывай свое чудо-юдо...

– Да вот оно само к вам идет!

Заметно прихрамывая, но на своих двоих, без костылей, Митя приближался к Науму Николаевичу.

– Ба-ба-ба! – пробасил тот. – Так это ты? Ну, брат, не ожидал от тебя такой прыти... Никак не ожидал... И даже без палочки? Молодчага! Ну что ж, покажи, как ты ртом играешь... Попробуем, попробуем, так ли уж ты силен. – И он стал подбирать себе кий.

Митя умоляюще посмотрел на учителя: «Одну-единственную... Такой случай!»

– Ладно уж, – смилостивился Антон Никитич.

После нескольких ударов Маркин понял: перед ним первоклассный бильярдист. Но дядя Добрыня не зря предупреждал: «Для нашего брата главное – тренировка. Постоянная и неустанная».

У врача тренировки не было. Мите стало жаль своего Бармалея, этого хорошего, вечно занятого человека, и он начал играть вполсилы. «С треском» послал в лузу «третий», вместо того, чтобы сыграть «туз»... Вывел на ударную позицию «тринадцатый».

Ему казалось, что никто не замечает его «игры». Никто, действительно, ничего не заподозрил... Кроме одного человека. Проходя мимо Мити, который стоял у полочки с шарами и мелил кий, Добрыня раздраженно прошептал:

– Не оскорбляй партнера! Слышишь!

Когда партия закончилась, врач пошутил:

– Склеил я тебя на свою голову... Но, как говорится, молодец против овец, а против молодца... Ты вот с Антоном Никитичем сразись...

К удивлению и несказанной радости Мити, маркер сразу же согласился.

Оба они, и учитель, и ученик, работали увлеченно, легко, стараясь, чтобы каждый удар понравился зрителям, запомнился, доставил удовольствие.

И те сорок очков – больше, чем полпартии! – которые ученику удалось взять в прощальный вечер, были лучшим подарком учителю: мало кому в городе удавалось так почетно проигрывать Антону Никитичу Корневу.

На этом и закончились проводы. Расходились, напутствуя:

– Не очень-то рискуй... Там тебе не с пацанами играть...

– Кобзева остерегись... Кобзева... Не смотри, что старик, кладка у него дай боже каждому!

– Секретов до финала не раскрывай...

– Миляев сильнее Кобзева... К Миляеву присматривайся... В дуплетах он силен!

– Учту... Хорошо... Спасибо, – пожимая тянущиеся к нему руки, отвечал Антон Никитич.

– Со щитом или на щите, не так ли? – спросил, обнимая его, Наум Николаевич.

– Со щитом или на щите! – повторил, как клятву, Добрыня.

А на следующий день в бильярдной хозяйничал новый маркер – Филимон Филимонович.

Марина Сергеевна рассказала, что буфетчик сам предложил директору гостиницы свои услуги. Так, мол, и так... вижу, положение безвыходное. На месяц человека стоящего не найдешь... За то, что финансовый план не выполняется, по головке не поглядят... Согласен по совместительству, безвозмездно, по зову сердца... Только в буфете в вечернюю смену не ставьте...

В пятницу, возвращаясь из школы, Митя зашел в цветочный магазин. Он и не предполагал, какое трудное поручение дал ему Петр Алексеевич. Продавщица предложила на выбор: кактусы или фикус. Кактусов было много, а фикус – один – в большущей, чуть ли не в Митин рост кадке. Имелись, правда, и розы, и гвоздики, и тюльпаны, только бумажные.

– Мне настоящие... Обязательно гвоздики, – лепетал Митя, глядя с мольбой на женщину. – У меня деньги есть, вы не думайте. Может, привезут, а? Я подожду...

– Жди... Последний раз на ноябрьские привозили. Теперь к Новому году доставят. Иди-ка ты на вокзал. Там торгуют. Только дорого очень...

За три гвоздички Митя отдал все деньги, оставленные Петром Алексеевичем, – сумму, по его представлениям, баснословную. Маркин высчитал, что каждый цветок стоит столько же, сколько двадцать пирожных! Это было недоступно его пониманию, и он заколебался... Не лучше ли купить шестьдесят пирожных? Вот будет подарочек!

Но, вспомнив просьбу Петра Алексеевича: «...чтоб именно гвоздики», никакой замены делать не стал.

И не пожалел об этом.

Когда он увидел глаза Марины Сергеевны, поймал ее восторженный взгляд, устремленный на три гордых цветка, возвышающихся над столом, когда ее теплые руки обхватили его, завертели в невероятном, языческом танце и на Митино лицо упало несколько капель из ее смеющихся глаз, – вот тогда он не сердцем, нет, до этого было еще далеко, а умом – понял, что стал бы последним мерзавцем, если бы послушался Петра Алексеевича.

А вскоре Марина Сергеевна уехала. Она сказала Мите, что они с Петром Алексеевичем теперь муж и жена, что он получил полк – неподалеку от Минска – и вызывает ее к себе.

На дверях библиотеки-бильярдной появилось объявление «Выдача книг временно прекращена. Администрация».

Через несколько дней кто-то зачеркнул красным карандашом слово «временно», и объявление сняли.

XIII. ГУСИ

Митя думал, что, став хозяином бильярдной, Фил Филыч не разрешит ему играть, может, даже близко не подпустит к столам, и был удивлен, когда на следующий день после отъезда Марины Сергеевны буфетчик, робко постучавшись, переступил порог номера Маркиных.

Митя недавно вернулся из школы и, как всегда в это время, спешно делал уроки.

– Задачки решаешь? – поздоровавшись с ним за руку, спросил Фил Филыч. – Это, Димочка, хорошо. Образованным не житье, а разлюли-малина! Верно я говорю? Родители-то где? Небось, все трудятся?

– На работе... Садитесь, пожалуйста...

– Это можно! – Он осторожно опустился на стул, который жалобно пискнул под его тяжестью. – Ты вот что... Как покончишь с задачками, приходи в бильярдную...

– Можно? Правда? – Митя не мог скрыть своей радости. – Я быстро... Только одно упражнение осталось...

– А чего ж нет! Ты, небось, думал, Филя такой, Филя сякой! Чурался... А ведь Филя тебе друг! Вот, к примеру, бильярд... По мне – играй, сколько душе угодно... Да и помощь твоя требуется. Сам знаешь, какой из Филимона Филимоновича игрок... А маркер – тем паче. Я ведь когда согласие давал, на тебя сильно надеялся. И Антон Никитич рекомендовал. Да он, верно, сам говорил.

– Нет... Дядя Добрыня ничего такого...

– Знать, не успел... – перебил его Филя. – Ты чего провожать-то не пришел?

– Я хотел... Да ведь он сам не велел, уроки мне пропускать надо было... А вы провожали?

– Какой разговор! Привет тебе передавал... Пускай, говорит, Митька командует, ты, Филя, не препятствуй. А я что? Я со всей приятностью. Мы вот как порешим: я буду отвечать материально, а ты, фигурально выражаясь, морально.

И он залился тихим счастливым смехом, от которого его жирное большое лицо начало мелко дрожать.

Сделав на скорую руку уроки, даже не пообедав, Митя отправился в бильярдную. Фил Фильгч, ожидая его, гонял по столу шары.

– Поучи ты меня, недоумка, пока народу нет. Неужто я и взаправду такой бесталаный... – обратился новоиспеченный маркер к мальчику.

Просьба польстила Маркину, и он тут же начал первое занятие.

Второго, однако, не последовало. Минут сорок Филя внимательно слушал объяснения, старательно копировал каждое Митино движение, потом неожиданно сказал:

– Нет... эдак можно и за год не овладеть... Со мной другая методика нужна...

– Не знаю я другой, – упавшим голосом произнес учитель... – Меня так дядя Добрыня...

– Тебе так, а Филю надо не так... Филя свою натуру вдоль и поперек знает, даже глубже... Филе главное что? За хорошим игроком понаблюдать... Тогда в него наука-то и полезет. Ты, давай, резвись на всю катушку, а я в сторонке стоять буду... Мне ведь на твою игру смотреть – все едино, что университет проходить...

– Да вы и так наблюдать можете, когда играете со мной, я постараюсь помедленнее...

– Хорошая у тебя душа, Димочка, – умилился Филя. – Век не забуду... Только еще раз тебе говорю: мне, чтобы мастером стать, сподручнее сперва понаблюдать... Ума, видно, сразу для головы и для рук не хватает...

И хотя доводы Фил Фильгча оставались непонятными, спорить Митя не стал.

Противников ему Филя подбирал сам. Были это, главным образом, прихожане, которых раньше мальчик здесь никогда не видел. Они курили прямо в бильярдной – при Добрыне такого себе никто не позволял.

Перед тем, как привести первого партнера, Филя заискивающе сказал:

– Есть у меня до тебя одна просьба... Да не знаю, как и выразить...

– А вы говорите, не стесняйтесь!

– Кабы знал, что исполнишь...

– Если смогу, конечно, исполню.

– Сможешь, Димочка, сможешь. Ты только захоти. Очень тебя прошу. А дело не сложное... Совсем простое дело... Прихвати-ка завтра свои костыли...

– Это еще зачем? – опешил Митя.

Упоминание о костылях было таким гнетущим, что он вдруг ощутил боль на месте перелома.

– Я тут корешу одному сказал, что на одной ноге вокруг стола скачешь. Ты тогда и вправду еще костылями пользовался... Так он мне не поверил. А сейчас позвонил, мол, приду своими глазами удостовериться.

– Да нету у меня давно костылей! – выкрикнул Митя. – Нету! Сломал я их и в кубовую снес!

– Ну вот и рассердился, – миролюбиво сказал Филя. – Дурачок ты... Нету, так нету... Подумаешь, невидаль какая – костыли! Правильно я говорю?

Однако Мите стало не по себе, когда приведенный Филей прихожанин, презрительно оглядев мальчика с ног до головы, недовольно произнес:

– Что же ты трепался, будто на костылях... Тут еще об уговоре подумать надо...

О каком уговоре шла речь, Маркин не понял, просто не обратил внимания на эти слова. Прихожанина он невзлюбил с первого взгляда и, к неопишуемой радости буфетчика, вlepил ему две «сухие» подряд.

Иногда Митя замечал, что его ученик вовсе и не следит за игрой, а шепчется с кем-нибудь или пьет пиво, принесенное из буфета.

Как-то Филя поинтересовался:

– А скажи, можно заранее объявить, что партнер больше, скажем, тридцати очков не возьмет?

– Смотря какой партнер, – ответил Митя. – Ну, и конечно, какой мастер...

– Интересно, – задумчиво произнес Филя. – Давай-ка попробуем. Вот я завтра тебе одного «гуся» приведу. Ты приглядишься к нему повнимательнее...

Приглядываться было нечего: «гусь» играл из рук вон плохо. Зато хвастал невероятно и все время спорил с воображаемым оппонентом:

– Говоришь, спорт... Ха-ха-ха... Эдак я и лото спортом назову! Секция «туда-сюда», команда «барабанные палочки»! Может, и «козел» тоже спорт?

Митя сказал, что не даст ему и в трех «встречах набрать семидесяти очков, но с тем условием, чтобы тот больше сюда не приходил.

Филя радостно потер руки, пошептался с «гусем» и мигнул мальчику: давай, мол, действуй.

Через полчаса противник швырнул на стол кий, грязно выругался и, ни на кого не глядя, выбежал из бильярдной. Филя стремглав бросился за ним.

– А ты даешь! – весело сказал он, вернувшись и протягивая Мите пирожное.

Митя взял. И этот раз, и другой, и третий... Ему было приятно, что Фил Фильч считается с ним, обращается за советами, льстило, что стоило возникнуть малейшему спору, новоявленный маркер говорил:

– Вон у законника спросите. Он эту игру до печенок постиг, а то и глубже...

Но главное – возможность играть, сколько захочется! У Мити даже появился личный ключ от бильярдной – самый дорогой для него подарок нового друга.

Поэтому, когда дядя Егор, улучив минуту, – они оказались вдвоем в лифте, – сказал, сокрушенно покачав головой: «Остерегись Филю, Митрий, нехорошее о нем говорят, такие вот пироги...», Маркин только досадливо поморщился и увильнул от неприятного разговора.

XIV. КРУШЕНИЕ

Однажды в бильярдной появился новый человек, как потом выяснилось – из гегемонов, – железнодорожник лет сорока, с блестящим, будто бильярдный шар, черепом. Поздоровался с Филей, громко назвал себя:

– Иванов.

Он приходил всегда точно к пяти и садился в угол, неподалеку от маркерского столика. В ясную погоду угол освещался заходящим солнцем, и его лучи весело переливались на темени железнодорожника. Мите казалось, что стоит тому захотеть, он без особого труда сможет пускать своим черепом солнечных зайчиков. Но Иванов, вероятно, не догадывался о такой блестящей возможности.

Ко всему, что происходило в бильярдной, он был совершенно равнодушен. Никогда ни во что не вмешивался, не принимал участия в спорах. Кия в руки не брал. Однако уходил неизменно одним из последних, словно дежурство заканчивал.

Филя вначале недоверчиво косился на странного посетителя, нервничал в его присутствии, но потом привык, успокоился и, когда тот один раз «опоздал» на несколько минут, шутливо пожурил: I

– Что-то железная дорога нынче график нарушает!

Иванов только виновато улыбнулся: «Бывает, мол, ничего не поделаешь... вы уж извините...».

Никто не знал, играет ли вообще железнодорожник в бильярд. Маркин готов был биться об заклад, что нет, не играет: какой бильярдист выдержит такое испытание?!

И ошибся. Когда тот первый раз встал к столу (Филя предложил партию), Митя сразу же обратил внимание на профессиональную подготовку кия и правильную, красивую стойку. Но вскоре разочаровался: железнодорожник не клал «верные» шары и совершенно не умел распорядиться «своим».

К Митиному удивлению, Филя играл гораздо хуже обычного, делал совершенно невысказанные заказы и каждый раз, промахнувшись, чертыхался...

– Не везет вам сегодня, дядя Филя, – посочувствовал ему мальчик.

– Не то слово! – безнадежно махнул рукой буфетчик. – Просто железная дорога гораздо лучше меня играет. Мы с товарищем из разных вагонов. Он, как мне кажется, из мягкого, а я и на плацкарт вряд ли потяну, кишка тонка... Правильно говорю? Я правильно говорю?

Иванов выиграл три партии, и они ушли в буфет пить пиво. А когда вернулись, Филя, ласково погладив мальчика по голове, сказал:

– Сыграй, Димочка, с железной дорогой... Мы с ним о тебе толковали... И, – он вопросительно посмотрел на своего недавнего партнера, – кажется столкнулись?

– Ну, что ж... сыграть можно, – степенно согласился тот. – Отчего же не сыграть?

Когда пирамида была выстроена, железнодорожник, исправляя Филину ошибку, переставил в ней местами «двойку» и «тройку». Сделал он это машинально, совершенно не задумываясь, но Митя знал, что обратить внимание на подобную мелочь мог только настоящий бильярдист.

Первую партию Маркин взял сравнительно легко, хотя некоторые удары партнера приводили его в замешательство, вызвали беспокойство: «Не положил такой простой шар, а «шестерку» сыграл, как дядя Добрыня...»

Перед началом новой партии Филя шепнул:

– Проиграй ему вторую... Видишь, расстраивается человек... Неудобно как-то...

И хотя Митя не заметил, чтобы Иванов был очень огорчен поражением, просьба буфетчика показалась ему совершенно естественной.

– Хорошо...

И он, действительно, проиграл. Но совсем по другой причине. Вначале, как и было задумано, работал в пол-, даже в четверть своих сил. Однако вскоре его охватило такое чувство, будто перед ним совершенно другой партнер. Даже глаза потер... Человек – тот, а игрок...

Митя попытался взять себя в руки и, забыв о том, что обещал отдать партию, резко изменил тактику – стал топтаться в обороне, как говорил Петр Алексеевич. Однако и это не помогло: соперник чутко уловил переход и тоже ушел в глухую

защиту. Около часа они ходили вокруг стола, выжидая опрометчивого шага партнера. Первым споткнулся Маркин: допустил вначале одну ошибку, потом другую...

А Филя был совершенно уверен, что все идет по намеченному плану.

– Не журишь, Димочка! – бодро воскликнул он, когда проигрыш стал фактом. – Вы с товарищем примерно из одного вагона... Ему твоя личность любопытна... Сам видишь!

Потом подмигнул железнодорожнику:

– Пропустим перед контрольной по паре бутылочек? У меня есть отличное... Только для избранных... Кстати, и поговорим ладком.

Когда они уже были в дверях, Филя предупредил:

– Ты, Дим, подожди! Мы мигом... Раз-два – и в лузе. Тебе «наполеон»?

Вернулись они минут через сорок, оба возбужденные – то ли от выпитого пива, то ли – от разговора.

– Вот тебе, подкрепись малость перед решающей, – Филя протянул завернутое в бумажную салфетку пирожное и открытую бутылку лимонада.

Маркин проголодался и с аппетитом принялся за еду.

– Ну, теперь жми... покажи, на что способен. Очень тебя прошу! – донесся до него шепот буфетчика.

Митя хотел сказать, что не нарочно проиграл вторую партию, что его партнер – большой мастер, у которого надо учиться и учиться, что вообще не хочет сегодня больше играть, но Филя уже поставил шары и мелил ему кий, а Иванов приготовился произвести удар.

Партия продолжалась не более пятнадцати минут. По мере того, как Митин проигрыш становился все более очевидным, лицо буфетчика наливалось кровью, глаза становились злыми, лоб покрывался маленькими, с булавоочную головку, капельками пота. Когда мальчик, окончательно подавленный, принял «чужой» за биток, Филимон Филимонович не выдержал и, не обращая внимания на железнодорожника, рывкнул:

– Ты у меня смотри!

Но смотреть уже было нечего...

Как только Иванов положил последний шар, Филя, крикнув ему: «Мы сейчас!», схватил Митю за руку и потащил в буфет. Втолкнул в комнату, запер дверь на ключ и, надвигаясь на него всей своей тушей, прошипел:

– Гаденыш! Гаденыш!

Митя никогда не видел буфетчика таким: потное, перекошенное от злобы лицо, рот, судорожно хватающий воздух, дрожащие руки...

Маркину стало страшно.

– Пустите меня! – ему казалось, что он закричал, но на самом деле пересохшие губы едва выговаривали слова. – Я домой хочу... Пустите...

– Домой? – взревел Филя. – Нет, ты вначале скажешь мне и этому гаду, что нарочно проиграл! Я тебя, щенка, выведу на чистую воду!

– О чем вы? О чем? Я ничего не знаю... Честное слово! Честное пионерское!

– Плевать я хотел на твоё слово!! Снюхался с ним? Да? Говори! Снюхался? – И он своей огромной пятерней схватил Митю за плечо... Было больно, мальчик пытался высвободиться, но толстые, покрытые белесыми волосами пальцы все сильнее и сильнее впивались в тело.

– Пустите! Мне больно! – слезы потекли по его щекам. – Я папе скажу-у!

– Больно! А ты думаешь, мне не больно?! Змееныш! Ты ведь меня по миру пустил! Говори, сколько он тебе обещал? Отвечай! Я заставлю тебя сказать! И папочке доложим... Пусть полюбуется ...

Только теперь до сознания Мити стал доходить страшный смысл Филиных слов. Он рванулся изо всех сил и, отбежав к двери, закричал:

– Да! Да! Да! Нарочно! Снюхался! Снюхался!

Потом глядя ненавидящим взглядом в глаза буфетчика, проговорил с угрозой:

– Подождите, приедет дядя Добрыня, я ему все расскажу! Тогда узнаете!

Тон, которым были произнесены эти слова, несколько отрезвил Филю.

– Дурачок! Ах, какой же ты дурачок! – он сокрушенно вздохнул и покачал головой. – Неужели не понимаешь? У такой кормушки стоять, да никакого барыша не иметь... Это ж малахольным надо быть. А Корнев, – ого, поумней многих! Обратнo ж, бильярд... На нем испокон века на деньги играли! Без интересу какой же интерес? Соображать надо. Добрыня... Тоже святого нашел! Да он, если правду сказать, тебя для такой работенки и готовил. Меня долго уламывал: «Помоги Митьку к настоящему делу приставить». Я ему насчет малолетства, а он свое «Пускай привыкает, чем раньше, тем лучше...» Последний разговор на станции был, когда прощались. Я его и так, и эдак, – ни в какую, кремень, а не человек! И не вздумай шебуршиться, с меня взятки гладки, я человек маленький, а дружка под монастырь подведешь. Предупреждаю: молчать не стану... Все, как на духу, выложу...

Слова эти ослепили Маркина.

– Врете! Врете! Слышите? Вы... Вы... – не помня себя от ярости, задыхаясь от рыданий, он бросился на буфетчика. Колотил кулаками по его толстому, пружинившему животу, а Филя стоял, расставив руки, и терпеливо сносил удары.

– Пустите меня! Пустите! – кричал мальчик. В дверь громко постучали.

– А ну отворите! – раздался резкий голос Иванова. – Немедленно отворите!

В первое мгновение у Фили потянулась рука, чтобы зажать ребенку рот, однако сообразил, что теперь все равно уже поздно, и, отстранив Митю, дрожащей рукой вставил ключ в скважину. Ключ не хотел поворачиваться, застрял.

– Если не откроешь, взломаю дверь! – ревел голос за стеной. – Милицию вызову!

Филя изо всех сил нажал на ключ, и замок щелкнул.

Ворвавшись в комнату, железнодорожник быстро огляделся и, загородив собой недавнего партнера, попытался успокоить мальчика. Но тот смотрел затравленным зверем и повторял:

– Уйдите... Уйдите...

Филимон Филимонович прислонился к стене и обмяк.

– До чего ж ты, сволочь, пацана довел! – проговорил Иванов, наступая на Филю. – Две недели наблюдал, как из него сок выжимаешь... Тебя хотел проучить, гад ползучий, да, видно, не успел вовремя стрелки перевести... Вот мальчишка под колесо и угодил...

Он повернулся к Мите:

– Ты уж извини, парень...

– Да я не для себя... – начал было Филя. – Указание здешнего маркера выполняю. Я...

Но Иванов перебил:

– Молчи! Давить таких надо... – Он поглядел на часы. Твое счастье, что у меня через пятьдесят минут поезд... Но учти, – он погрозил Филе пальцем. – Я еще здесь буду! И на маркера вашего погляжу. Если узнаю... А деньгами своими подавись! Пойдем отсюда, парень, дерьмом здесь воняет...

И протянул Маркину руку. Но тот не подал своей и выскочил из буфета. Митя мчался по коридорам, никого не видя и толкая прохожих. Губы его шептали:

– Все вы такие... Все... все!..

Ноги сами принесли его в бильярдную. Схватил свой кий-самоклад, подарок дяди Добрыни, и бросился вон из комнаты. Тот воздух, которым он так любил дышать, стал теперь противен ему. В какой-то миг почувствовал: останься там еще минуту, его вырвет...

Прибежал в подвал, где находилась кубовая, и стал искать топор. Топора не оказалось. Тогда, собрав все силы, начал с остервенением бить кием о цементный

пол. Увидев, что кий не поддается, принялся ломать его о колено. Но меч-кладенец не хотел умирать...

И тут взгляд вконец измученного мальчика остановился на батарее центрального отопления. Он вставил тонкий конец кия в отверстие между трубами и надавил... Вначале инструмент пружинил и не поддавался, потом жалобно скрипнул, раз... другой, словно застонал от нестерпимой боли. Громче... Громче... Митя надавил сильнее и вместе с остовом кия шлепнулся на пол...

Остов был очень большой – отломалось сантиметров пять-шесть, – и Митя стал думать, куда бы его деть. В это время послышались шаги. Схватив искалеченный самоклад, он выскочил из кубовой и бросился домой.

Нахлобучил впопыхах задом наперед ушанку, в пальто влез уже на улице, но так и не застегнул его... О шарфе даже не вспомнил...

Вот и Волга...

Недалеко от берега чернели проруби. В одну из них, по-воровски оглядываясь, бильярдист Дмитрий Борисович Маркин, ученик маркера Антона Никитича Корнева, опустил то, что когда-то было кием-самокладом.

Митя был уверен, что свинец, залитый в рукоятку, немедленно потянет кий на дно. Но меч-кладенец не тонул. Достигнув под тяжестью толстого конца определенной глубины, он замер, выставив наружу свой жалкий обрубок.

Этот торчащий из черной воды обрубок напомнил ему поплавок. А еще он очень походил на культияпку руки, виденную однажды в больнице.

Митя стал судорожно топить поплавок, однако тот, как ванька-встанька, вновь принимал первоначальное положение, словно дразнил.

Тогда Маркин с силой толкнул упрямый остов – теперь уже не только вниз, но и в сторону, туда, к Каспийскому морю...

Дома Митю ждало письмо от Антона Никитича. Тот писал, что все идет хорошо, беспокоился за бильярдную, обещал скоро вернуться.

Еще несколько часов назад это письмо доставило бы ему громадную радость. Он немедленно поделился бы ею с матерью (отцу обязательно оставил бы записку), лифтером Егором Васильевичем, дежурной по этажу, дежурным администратором, электриком, швейцаром, Филей... Сейчас ему стоило огромных усилий дочитать письмо до конца.

Бильярд и все, связанное с ним, стали ненавистны ему. Стук шаров вызывал тошноту, в каждом бильярдисте виделся (потенциальный негодяй, перед глазами постоянно возникало лицо буфетчика – то белое, рыхлое, трясущееся от смеха, то налитое кровью, перекошенное от злобы).

Родители чувствовали, что с Митей творится неладное. Он осунулся, стал замкнутым, раздражительным, смотрел на всех злыми, подозрительными глазами; когда раздавался стук в дверь, вздрагивал и убегал за ширму.

Однако вызвать Маркина-младшего на откровенность не удалось даже отцу. Сын просил лишь об одном: если зайдет Филимон Филимонович, сказать, что играть на бильярде Мите строго-настрого запрещено.

Буфетчик, действительно, перехватил в вестибюле Митину мать – видно, караулил – и справился, почему его друг и незаменимый помощник вот уже два дня не появляется в бильярдной, здоров ли, не случилось ли беды...

Маркина выполнила просьбу сына.

Единственное, чего желал теперь Митя, – уехать поскорее из Приволжска. Уехать подальше, чтобы никогда больше не видеть ни Филимона Филимоновича, ни маркера Корнева, ни лифтера дядю Егора – никого.

Он так страстно этого хотел, что желание его исполнилось. Отец объявил: предстоит новое великое переселение народов. Митя даже не спросил куда... Лишь бы скорее, лишь бы – до возвращения Антона Никитича.

Сборы были недолгими: книги, ширма, большой тюк с постелями, три потертых, неопределенного цвета чемодана, один из которых всегда перевязывали ремнями, так как замки у него постоянно открывались, не подвластный времени желтый кожаный саквояж, сработанный, по уверению отпа, еще при крепостном праве, да Митин портфель. Вот, пожалуй, и все...

XV. «ТВОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО Я ВРУЧАЮ МАМЕ»

...Большой школьный зал был до отказа забит железными кроватями. Вначале говорили, что временно, но пять минут назад директору позвонил заведующий горно: помещение школы отдается под госпиталь, на передислокацию в соседнюю семилетку – сорок восемь часов.

Семилетняя школа находилась за два квартала. Да если бы и за один... Нужны машины, рабочие руки... А где их сейчас возьмешь?

Директор посмотрел на листок настольного календаря: 25 июня 1941 года. Под датой убористым почерком – перечень того, что предстояло сделать сегодня. Список был длинный, и все дела казались важными и безотлагательными. Но теперь, после телефонного звонка, он не понимал, как его могли заботить такие пустяки... Взял красный карандаш и прямо по всему списку, как бы перечеркивая, крупными буквами вывел: «э в а к у а ц и я ».

И все-таки одно дело не мог больше откладывать: следовало во что бы то ни стало провести выпускной акт. Намечали на 22-е. Но...

Директор машинально потянулся к лежащим на столе свидетельствам об окончании средней школы, просмотрел их, изредка шевеля губами и покачивая головой, как бы беседуя с незримыми собеседниками. Потом вышел в соседнюю комнату, где размещалась канцелярия.

«Словно баре, жили, – с грустью подумал он, – каково-то теперь будет... Ничего, не надолго...» Сказал секретарше:

– Постарайтесь срочно оповестить: выпускной проведем завтра, часов так... – он на секунду задумался, – в девятнадцать. Соберемся в классах, больше негде...

– А зал? Ведь...

Она хотела спросить, не освободят ли зал, но посмотрела на директора и поняла: нет, не освободят. Он обрадовался ее догадливости и продолжал:

– Я пойду в «Б», они совсем осиротели...

Почему осиротел десятый «Б», секретарша знала, сама провожала вчера утром его классного руководителя, учителя физики Аркадия Ильича.

– Серафиме Андреевне скажите, чтобы взяла на себя «А». И не забудьте пригласить родителей! Это очень... очень важно. Вы понимаете?

Еще бы она не понимала!

...В десятом «Б» было душно. Окна пришлось закрыть, так как неподалеку, в покоем на сарае летнем кинотеатре «Аврора», где сейчас размещался сборный пункт, непрерывно играл духовой оркестр. Завхоз предложил перейти в другой класс, окна которого выходят на тихую улочку, но выпускники решительно воспротивились.

Директор все время вытирал пот с лица, сидящие за партами родители обмахивались газетами. На скамьях, поставленных в два ряда перед доской, разместились виновники торжества – притихшие, серьезные, как-то сразу, за несколько дней повзрослевшие. Учительский столик пришлось перенести в угол, к самой двери.

– Абызова Света... – вызывал директор. – Азарова Галина... Бокова Надя...

Девушки поочередно подходили к столу.

– Варламов Виктор! – голос директора зазвучал сильнее, торжественнее...

Сидящие на скамьях переглянулись: что он, забыл?

В это время с задней парты поднялась полная женщина с усталым лицом, удивительно похожая на Витю... Она хотела что-то сказать, но губы у нее задрожали, и в полной тишине послышалось всхлипывание... И сразу же заплакала ее соседка – мама Мити Маркина, потом еще... еще...

Их мальчиков уже забрала война. Кого – на год, кого – на четыре, а большинство – навсегда.

Директор, растерявшийся в первый миг, откашлялся, строго посмотрел на собравшихся и громко, выговаривая каждое слово, произнес:

– Варламов Виктор! Твое свидетельство я вручаю маме... Подойдите, пожалуйста, сюда, Татьяна Алексеевна!

Витина мама, продолжая беззвучно плакать, прошла по узкому проходу между партами к столу и дрожащей рукой взяла протянутый ей документ. Хотела что-то сказать, но губы ее скривились, и она, прикрыв их белым листом, сама такая же белая, направилась обратно.

И тут же к ней потянулись десятки девичьих рук, которые усадили Татьяну Алексеевну на скамью, туда, где должен был сейчас сидеть ее Витя.

Потом свидетельства за своих сыновей получили матери Кости Кокина, Володи и Юры Свиридовых, Бори Сегала. Прижимая к груди листы плотной бумаги, они усаживались рядом с обнимавшими и целовавшими их девушками.

Свидетельство за своего сына получила и Ирина Семеновна Маркина. А сам Митя...

XVI. КОМЕНДАНТСКИЙ ПАТРУЛЬ

– Курсант Осипов!

– Есть!

– Курсант Балабанов!

– Есть!

– К арсеналу!

– Курсант Столбов!

– Есть!

– На камбуз!

– Курсант Королев!

– Есть!

– Курсант Маркин!

– Есть! – привычно выкрикнул Митя и весь напрягся в ожидании.

Старшина объявлял наряд. «Только бы не к подъезду, только не к подъезду...»

Пост этот пользовался плохой репутацией среди курсантов училища. Не очень приятно стоять у всех на виду, поминутно приветствовать офицеров – одних по стойке «смирно», высокое начальство – «по-ефрейторски» – резко отбрасывая руку с

винтовкой, ловить на себе придирчивые взгляды: хорошо ли отглажены брюки, до блеска ли надраены пуговицы на бушлате, правильно ли надета бескозырка.

– В комендантский патруль!

Митя облегченно вздохнул. Ему хотелось сейчас же поделиться радостью с Королевым, но прежде, чем будет подана команда «вольно!», об этом нечего и думать: старшина тоже понимает толк в нарядах, и ему ничего не стоит испортить обедню, как он выражался.

...Комендантский патруль считался в училище одним из лучших, привилегированных нарядов.

После инструктажа у коменданта и получения патрульного знака и повязки вы с напарником обретаете почти полную свободу. В отведенном вам районе обязательно имеется или кинотеатр, или клуб... А погода позволяет – можно и в парк на танцы заглянуть.

Танцевать патрульному, конечно, строго запрещается. Но если поблизости нет офицеров, если снять повязку и спрятать ее в карман, а автомат отдать товарищу... К тому же девушки бросают на морячков такие взгляды...

Танцульки – это, конечно, между прочим. Прошлись раз-другой по кругу, ну и до свидания, сами понимаете, служба... Вот получу «добро» на увольнение, тогда иное дело!

Да, танцульки, это так, вроде бы сам себя поощрил. А патруль – патрулем. Редкое дежурство обходилось без того, чтобы не пришлось власть употребить, а то и оружие в ход пустить, не говоря уже об элементарной физической силе.

И все-таки этот наряд был несравненно привлекательнее спокойного дежурства по курсу или считавшегося почетным караула при гарнизонной гауптвахте.

Форму курсанта военно-морского технического училища Дмитрий Маркин надел случайно.

Вначале он попал в запасной полк, расположенный в лесу, близ Старославля. Там на скорую руку обучались бойцы и формировались воинские части.

Недели через три, во время утренней поверки, раздалась команда:

– С десятилеткой – два шага вперед! Такое случилось впервые. Обычно вызывали шоферов, радистов, механиков, мотористов, иногда – поваров, бухгалтеров, даже парикмахеров. Один раз незнакомый командир в очках потребовал, чтобы из строя вышел фагот. Митя не сразу сообразил, что речь идет о музыканте, подумал, что какой-то Фагот провинился и сейчас схватит наряд вне очереди. Поэтому очень удивился, когда вышли сразу трое.

А вот с «десятилеткой»...

Несколько бойцов, в том числе и Митя Маркин, сделали два шага вперед и повернулись кругом.

– За вещами и на выход, живо!

Зеленая полупортка повезла всех «образованных» – а их оказалось двенадцать человек – в Старославль, куда неделю назад эвакуировалось с Балтики военноморское училище.

В училище Маркин пробыл более двух лет, но хорошо, если собственно учебы набрался хотя бы год.

Через три месяца после зачисления занятия были прерваны, и все курсанты отправлены в распоряжение флотов.

Дмитрий попал на Ладогу. Те, кто не знает, что это такое, и думает, будто это и не флот вовсе, а так... жестоко ошибаются.

Уехало их на Ладогу тридцать пять. Вернулись в апреле сорок второго – шестнадцать...

И снова начались курсантские будни.

...Когда Маркин и Королев вышли после инструктажа из комендатуры, уже стемнело. Моросил холодный осенний дождик, переходящий то в мокрый снег, то в ледяную крупу, которая некоторое время белела небольшими островками на черных, неосвещенных улицах.

Патрульные посмотрели конец веселой кинокомедии, помогли военному коменданту вокзала произвести посадку на московский поезд – дело тяжелое и ответственное – и отправились вверх по опустевшей уже улице.

Вдруг из подъезда старинного особняка до них донесся сдавленный крик. Потом все стихло. Раздумывать было некогда. Маркин резко распахнул дверь и направил в крошечную темень луч фонарика. И сейчас же две тени метнулись вглубь коридора – видимо, там был выход во двор.

– Стой! Стрелять буду! – раздался голос Королева.

Патрульные бросились за неизвестными. Но Митя споткнулся и упал на что-то мягкое, шевелящееся... Фонарик погас. Когда он вскочил на ноги и вновь включил его, то увидел, что на полу лежит человек с платком во рту. Подошел Королев, подталкивая автоматом сгорбленную фигуру.

– Второй гад ушел!

Митя вынул платок изо рта лежащего человека, помог ему встать.

Они вышли из подъезда. Задержанного решили отвести на вокзал – там находилось ближайшее отделение милиции.

Спасенный оказался сухощавым старичком, на лице которого выделялся мясистый фиолетовый нос.

Королев протянул ему брезентовую торбу.

– Ваша?

– Ишь ты, я уж и не чаял! – обрадовался тот. – Мой сидор, истинный крест, мой!

– Как же это ты, дед, сплеховал? – спросил Митя. – Не подоспей мы...

– Да и то верно, сынок... Приехал уже затемно... Сестра у меня здесь, вокуированная. Яблочек привез, дыньку, еще кой-какой харч... Сам-то я в вашем городе впервой. Название улицы знаю, а куда идти – не ведаю. Спросил вон у этого .. – старик указал на задержанного, – а он и говорит: «Подожди, сейчас приятель подойдет... Нам по пути...» Ну, я, старый дурак, и обрадовался... Вот какие пироги...

В милиции, при ярком свете, Маркину показалось, что носатый дед этот ему знаком... Где он его видел, – не мог вспомнить, но в том, что видел, – не сомневался. Пока дежурный оформлял протокол, Митя все приглядывался к старику...

– Ну что же... Егор Васильевич, – милиционер отдал пострадавшему его паспорт. – В другой раз осторожней дружков выбирай... А сейчас – топай... Надо будет – вызовем.

И только он это произнес, Митя вскочил с лавки, на которой они сидели вместе с Королевым. Конечно же, это был дядя Егор, лифтер из приволжской гостиницы!..

– Вам, морячки, спасибо! – дежурный крепко пожал руки патрульным... Я в комендатуру позвоню, сообщу, глядишь, начальство лишнее увольнение подкинет... Дело молодое, не помешает!

Втроем они вышли на улицу. Дождь перестал, но мог возобновиться в любую минуту: черные тучи сплошь закрывали небо.

– Мы вас проводим, – предложил Митя дяде Егору.

– Вот спасибо, соколики! А то неровен час... Он поставил свою торбу на мокрую скамейку, развязал, вынул из нее два большущих яблока и протянул спасителям:

– Не побрезгуйте!

Патрульные не побрезговали. Королев тут же с аппетитным хрустом вонзил в плод зубы. Маркин повертел яблоко в руках, сунул в карман бушлата. Когда двинулись в. путь, он спокойно, словно о чем-то обыденном, спросил:

– Егор Васильевич, а как там Антон Никитич поживает? Дядя Добрыня...

Оба спутника остановились и посмотрели на Митю – товарищ в полном недоумении, старик – медленно расплываясь в счастливой улыбке.

– Митя... Митрий! – хрипло произнес он. Они обнялись.

– Так вот ты каким сделался... – повторял, вытирая слезы, дядя Егор. – Прошу прощения, не признал, такие, понимаешь, пироги.

– Давайте ваш мешочек, я поднесу! – Королев решительно, не обращая внимания на протесты старика, взял у него торбу. – Потопали?

Всю дальнейшую дорогу Митин напарник не произнес ни слова. Перекинув за спину мешок, он шел чуть сзади, как бы конвоируя Маркина и его знакомого.

– Так что же мы? – говорил растроганный Егор Васильевич – Ради такой встречи... У меня и бутылочка имеется! Вот и товарищ твой... Зайдем к сестрице, посидим, потолкуем... А, Митрий? Она человек понимающий...

– Нет, дядя Егор, в другой раз... Нынче мы при исполнении. Пока дойдем до сестры, про Добрыню и расскажете.

...Вскоре после отъезда из Приволжска, несколько придя в себя от пережитого потрясения, Митя с ужасом понял, какую чудовищную ошибку совершил, поверив буфетчику и усомнившись в своем друге. Тут же хотел написать Антону Никитичу, честно рассказать, попросить прощения, однако было нестерпимо стыдно признаваться в предательстве, не хватало мужества не только писать, но даже думать об этом. И Митя откладывал свое намерение – изо дня в день, из месяца в месяц. А потом, так и не отважившись, ухватился за тоскливо безысходную, но именно своей безысходностью принесшую ему облегчение мысль: теперь уже поздно, дядя Добрыня все равно никогда не простит его. А раз так, то стоит ли о нем вспоминать?

И все-таки первые слова, с которыми Маркин обратился к Егору Васильевичу, касались именно маркера Корнева.

– Ты о себе лучше скажи! – уклонился от ответа старик. – Вот уж не думал, что моряком станешь...

– Да я и сам не думал, – ответил Митя. – Так что же Антон Никитич? Не тяните, дядя Егор!

– Плохо с нашим Добрыней, – выдавил из себя тот. – В острог он угодил ...

Маркин остановился так резко, как будто наткнулся на невидимую, стену.

– Как в острог? Что вы говорите?

В его голосе звучали и угроза, и тайная надежда на то, что все это – неудачная шутка, и требование, чтобы дядя Егор как можно скорее признался в этом.

– Ты не галди, – уже спокойно сказал Егор Васильевич. – Что теперича-то шуметь?

Митя с ужасом понял, что никакой шутки нет.

– За что?

– Да не знаю, как уж тебе лучше и объяснить... Такие, понимаешь, пироги. На суде огласили: пытался, дескать, человека живота лишить ...

Они уже продолжали путь, но при этих словах Маркин опять остановился.

– Рассказывайте!

– Придется, видать... – вздохнул старик и двинулся вперед. – Хотя Никитич вряд меня бы одобрил. Да ведь не дите ты! Слушай... Воротился, значит, он дня через три после того, как вы съехали. Чернее тучи. Думали – проигрыш переживает. Ан, нет. Оказалось, раньше срока стольный град оставил, ни единой не просадил. Кто-то, вроде, упредил его письмом, что дома неладно.

Они остановились. На этот раз – под неубранным тентом витрины обувного магазина. Королев занял пост у другого окна. Снял со спины мешок, поставил на железную трубу, опоясывающую стекло.

– Да мы и сами чуяли, что неладно, – вздохнул Егор Васильевич.

Маркин поежился, вспомнив свой давнишний разговор с дядей Егором в лифте гостиницы «Волга».

Старик, видимо, понял его состояние.

– Ты не переживай, – мягко сказал он, положив руку на Митино плечо. – Пацан был... И спрос с тебя пацаний. Да... воротился, значит, Добрыня, и, вестимо, все узнал доподлинно. И как этот гад тебя обхаживал. Как «гусей» приводил. Какие деньги зашибал. Многие из тех же, которых ты обставлял, сами ему во всем исповедались. Тогда это и содеялось...

Он замолчал, снял руку с Митино плеча, подул на нее, согревая, и уставился в пустую витрину.

– Так что же произошло? Не мотайте душу... Теперь все равно, – тоскливо попросил Маркин.

– Не знаю, как ему удалось этого гада толстомордого в бильярдную затянуть. Однако удалось...

Люди сбежались, уже когда крики услышали. Я-то, сам понимаешь, первой многих там оказался, позиция у меня в лифте такая. Дверь изнутри заперта. Мы туда, сюда, пока топор притащили, замок ломали... Егор Васильевич перекрестился и продолжал:

– Ввалились в бильярдную. Смотрим, а тот лежит, жалобно эдак стонет. Рядом палка валяется ... сломанная.

Кий, что ли?

– Нет... кий я знаю ... Эта ... Кума, вроде.

– «Теща», – машинально, даже не улыбнувшись, произнес Митя.

– Вот, вот, она самая... А у окна наш Добрыня стоит... Бледный, глаза мутные, нехорошие, губы – пепел. Поверишь ли, мертвец мертвецом. Только скулы ходуном ходят. Слова не произнес.

Ну, приехала милиция, потом «скорая». Их и развезли кого куда. Нас всех, кто при том был, натурально, на карандаш! Сказали: вызовем...

Небо снова прорвалось: крупными хлопьями повалил снег, но он уже не таял сразу. Улицы моментально побелели, и на них резко выделялись черные следы, оставляемые редкими прохожими и машинами.

Егор Васильевич вынул кисет, протянул Мите. Маркин не курил, но сейчас неумело стал сворачивать сигарку. Руки его дрожали. Дядя Егор принялся высекать кресалом огонь, но ветер задувал его. Старик отворачивался, приседал на корточки, чертыхался – ничего не помогало.

Королев, захватив мешок, подошел к ним, молча протянул спички, закурил сам. Назад, на свой пост, уже не вернулся, остался рядом.

Несколько минут длилось молчание. Егор Васильевич заговорил, как будто никакой паузы не было:

– И точно... вызвали... Сказали: будешь свидетель обвинения. Вопросы разные задавали... Записывали. Я им про то, какой поганец был буфетчик, а они мне: «Это к делу не относится, говорите только по существу...»

«Как, – спрашиваю, – не относится? Разве не то главное, за что он его костылял?» А они свое твердят: «Если каждый начнет самолично расправу учинять, представляете, что получится? Тогда и мы не нужны будем». Тоже ведь верно толкуют... Вот какие пироги.

Потом суд произошел... Поганец тот ожил: что ему, черту толстомордому, сдеется ...

Веришь ли, Митрий, я до суда господу молил, чтоб не помер он, все, думаю, приговор-то мягче будет... А как увидел ухмылку его поганую да слова, которые произносил, разобрал, все во мне перевернулось. Первый раз в жизни смерти человеку пожелал, подумал: «Лучше бы Никитич тебя, хриstopродавца, тогда ...»

Егор Васильевич сделал жест, красноречиво пояснявший, что именно он тогда подумал, и, оглянувшись по сторонам, торопливо перекрестился.

– Да... Началось студилице, Добрыня больше молчал. От вины не отпирался... А за что про что – не говорил... Глядел я на него, и вспомнилась мне песня, а может, сказка, точно не знаю... Там тоже такой справедливец – Калашников звался – за честь свою вступился, человека в себе, вишь ты, оборонял, ну и обидчика своего пришиб... А тот у царя в большом почете был...

Маркин и Королев переглянулись.

– Вот царь и призвал этого Калашникова к себе. Спрашивает: «За что убил?» А тот отвечает; «А за что про что – не скажу тебе, скажу только богу единому». Точь-в-точь как Никитич!

– Да как же так? Знали же люди, за что он его... – с каким-то надрывом произнес Митя. – Ведь если все по закону, так и того судить надо было ...

– Как не знать... Многие сами приходили. Без вызова, вот что чудно! Помню, дохтур один говорил... Страшный такой, на лешего смахивает. Брови что лес дремучий. С прокурором больше часа бился, требовал, значит, рассматривать дело «совсем под иным углом». А прокурор ему в ответ: «Вот мы и разберем под иным углом» и попросил, чтобы пострадавший, поганец этот, значит, рассказал об «истинном лице подсудимого».

Ну, встал он, пострадавший ... И понес... Он, мол, давно уже к гражданину Корневу приглядывался. Точно знает, что тот мальчика – тебя то есть – с особой корыстью мастерству обучал, чтобы опосля эсплатировать. Гражданин Корнев, мол, и его на преступление склонял, да ничего не вышло. А так как советская власть эсплататоров еще в 17 году... И поехал, и пошел. Про папашу Никитича – тот вроде бы царский прислужник был, холуй, а яблоко от дерева, известно, не далеко падает!

Говорит, он все слова Добрыни записывал. Такого-то числа книжку вслух читал на заграничном языке, такого-то – грубо с посетителем разговаривал... Все у него по дням расписано... Даже про то, как Никитич молчал.

– Это еще что? – глаза у Мити сделались большими. На какой-то миг ему показалось, что дядя Егор не в своем уме, что все рассказанное им, – выдумка, бред, дикая фантазия.

– Вот так же и защитник спросил, – ответил Егор Васильевич, и Маркин понял, что никакого бреда нет. – А тот разъярился: когда некая личность стала смеяться над дорогими нашему сердцу понятиями, да иностранные порядки прославлять, гражданин Корнев не только не призвал эту личность к порядку, а, наоборот, видно было, ее сторону держит, одобряет. Да чего только не нес, разве все упомянешь...

– Эх, меня там не было! – вырвалось у Мити. – Он бы у меня поплясал...

– Тебя, между прочим, защитник просил вызвать... или как-то там сделать, чтобы слова твои зачитать. А Никитич уперся. Нечего, говорит, мальчишку в это дело путать, один я во всем виноват и точка! Ребенка, мол, не след с таких лет по, судам таскать...

Ну, прокурор и ухватился. Сам-де обвиняемый во всем признался, так нечего зря и огород городить! Значит, виноват... Статья, параграф, все подходит... И потребовал на полную катушку! Чтоб другим неповадно было. Так и объявил...

Егор Васильевич опять потянулся за кисетом, они с Королевым закурили.

– Сколько же дали? – до боли в пальцах сжимая автомат, спросил Митя.

– Много дали ... пять лет.

– А потом?

– Что – потом? – не понял старик.

– Ну, писал он кому? Что с ним?

– Как в воду канул ...

– А тот... – Митя запнулся, не мог назвать Филю по имени. – Пострадавший ...

– Поганец-то? Замест Никитича так и маркерил. Буфет свой бросил. Слышал я, говорили, хорошо играть стал. Эх-ма... Разбередил я тебе душу! Потопали что ль...

Теперь шли молча. Молча постояли около дома, где жила сестра Егора Васильевича. Королев поставил на крыльцо мешок. Попрощались.

– Так я тебя жду, Митрий... Недельку, знать, погощу здесь, а может, и боле.

– Как только отпустят...

Но в увольнение Маркин попал не скоро. На следующий день училище было поднято по тревоге и отправлено на ликвидацию вражеского воздушного десанта, сброшенного в соседней области, в районе крупного металлургического комбината.

Вернувшись, Митя узнал, что дядя Егор уже уехал из Старославля.

Потом был Северный флот. Называлось это курсантской практикой, которая вместо положенных двух месяцев продолжалась около года.

Медаль «За отвагу» и нашивка за легкое ранение украшали Митину форменку, когда он вновь переступил порог родного училища...

А многие с этой практики не вернулись вовсе...

XVII. РУЛАДЫ КУРСАНТА МАРКИНА

На последнем курсе Дмитрий Маркин впервые за много лет взял в руки кий. Произошло это благодаря его исключительным музыкальным способностям.

Как-то их взводу вне всякого срока выдали новые форменки. Однако предупредили: без особого приказа не надевать! Курсанты гадали, к чему бы это? Одни говорили, что отправят в Москву на парад, другие уверяли, что в город приезжает высокий заморский гость, чуть ли не Черчилль, и взвод будет выстроен в составе почетного караула ... Третьи знали из самых достоверных источников: в пединституте бал, и на моряков поступила заявка ...

Но оракулов ждал полный провал.

В ближайшее воскресенье взводу приказали построиться в новых форменках и повели к центру города. Остановились около Дома офицеров – деревянного, с четырьмя белыми мраморными колоннами дворца, выстроенного еще при Екатерине II.

Сюда же с разных сторон подходили группы из других частей гарнизона – артиллеристы, танкисты, саперы – много, человек двести.

Всех разместили на огромной сцене и поставили боевую задачу: в кратчайший срок разучить новый Гимн страны, который вводился с начала 1944 года.

Ну что ж... надо так надо. Тем более, что ротный объявил: после каждой репетиции артисты получают увольнение до 24.00. Невиданная царская щедрость... Ради такого счастья курсант образца военных лет готов был не только трели выводить, но и с тиграми в цирке выступать!

Товарищи Мити знали: петь он не может. Местные острословы уверяли, что на вокальные способности Маркина повлиял последний в истории планеты мамонт, который, прежде чем окончательно вымереть, успел-таки наступить ему на ухо.

В школьные годы это обстоятельство доставило Мите немало хлопот. Хорошо еще, если учитель, поняв, какого уникала подбросила ему судьба, говорил:

– Ты вот что... на мои уроки не ходи. С отметкой мы что-нибудь придумаем.

Но однажды попался такой – он вел у них еще ботанику и черчение, – который решил, будто ученик симулирует. После первого же знакомства пригласил Митю следовать за ним во двор. Подвел к деревянному забору и, взяв в руку камень, сказал:

– Я буду стучать, а ты определи, какой звук выше.

Постучал один раз, посмотрел на Митю, еще постучал. Строго спросил:

– Ну?

Никакой разницы в звуках ученик третьего класса Маркин не обнаружил. Он только заметил, что вначале учитель стучал по верху забора, а потом – гораздо ниже, даже пригнулся чуть-чуть. Поэтому ответил:

– Первый раз, конечно, выше.

Это «конечно» и погубило его. Надо же такому случиться: оказывается, он угадал! Учитель повторил опыт, и снова тот же результат! Теперь-то он не сомневался, что вывел симулянта на чистую воду!

Вот каковы были музыкальные способности курсанта Дмитрия Маркина.

Но где видано, чтобы моряки не нашли выхода! Решили: Митя встанет между взводными Собиновыми и будет открывать, когда потребуется, рот... Иногда шире, иногда уже. И все! А потом – увольнение до 24.00. План был прост, а потому гениален.

Митя отлично справлялся с поставленной задачей: за пять спевок не издал ни единого звука.

Но на шестой сорвался. Подвела излишняя самоуверенность. Ему вдруг показалось, что он не хуже других сможет исполнить гимн. Ведь это так просто! Он уже выучил его до тонкостей. Прорепетировал про себя – вроде бы получается ...

И Маркин запел, чем ужасно напугал своих соседей, которые сейчас же смешались и закрыли рты.

Дирижер, седенький маленький майор в новом, мешковато сидевшем на нем кителе, постучал палочкой и строго глянул из-под очков в правое крыло, туда, где

находился Митя. Распорядился: левому крылу молчать, правому – петь. Маркин не сообразил, какую простую ловушку готовит ему майор, и снова запел. Тут же раздался звук дирижерской палочки. Хор был разделен еще на две части... Потом еще... А Митя, не обращая внимания на страшные знаки соседей, продолжал выводить рулады. Он был глубоко убежден, что делает это ничуть не хуже других. Если хотят, пусть молчат сами!

Наконец, когда делить уже было почти нечего, дирижер постучал своей палочкой последний раз и в несколько прыжков оказался около Маркина. Ни слова не говоря, схватил большим и указательным пальцем правой руки курсанта за ухо и вывел вон.левой он занес над его головой дирижерскую палочку.

Они спустились со сцены, прошли через пустой зрительный зал. Дверь в фойе была полуоткрыта ...

Завершив эту немудреную экзекуцию, майор снова занял свое место за пультом и, беззлобно процитировав реплику, которой заканчивается горьковская пьеса «На дне», взмахнул рукой.

Однако об этой реплике Митя узнал позднее, уже из рассказов товарищей ...

Он оказался один в фойе и не знал, куда себя деть – спевка только что началась, увольнительной у него нет, да и не видать ему ее теперь, как своих ушей! Даже в училище нельзя вернуться ...

И вдруг Маркин услышал ревматический треск бильярдных шаров.

Вероятно, до встречи с дядей Егором он не обратил бы на этот звук особого внимания. Теперь же характерный стук шаров заставил его вздрогнуть, сжаться в комок... «Уйти! Только не слышать ... Тут, конечно, есть библиотека ... Можно взять «Огонек», разгадать кроссворд...»

Но звук гипнотизировал, настойчиво звал к себе. И курсант Маркин пошел на него...

«Кто-то играет сам с собой, – решил он, останавливаясь перед застекленными матовым стеклом дверями. – Интересно, угадал или нет? Если угадал, значит, дядя Добрыня жив, если нет...»

Теперь уже невозможно было не открыть эти двери.

В большой овальной комнате, тускло поблескивая медью луз, стояли два бильярдных стола. За одним летчик-капитан лениво гонял шары.

Митя облегченно вздохнул и чертыхнулся про себя: «Придет же такое в голову!»

Увидев курсанта, летчик обрадовался:

– А, одессит Мишка! Сгоняем партию?

– Я не одессит, – с удивлением посмотрел на него Митя. – И не Мишка, вы меня с кем-то спутали...

– Уж больно похож! – рассмеялся капитан. – Слышал, Утесов поет: «Ведь ты моряк, Мишка...» Ты петь любишь?

– Не очень, – улыбнулся Маркин и машинально потрогал свое ухо.

– Ну, бог с тобой! Петь не любишь, – это я тебе прощаю. Что не одессит, – худо, конечно, да не исправишь, в провинции тоже люди живут. А вот если ты в бильярд не играешь...

– Играл когда-то...

– Отлично! Просто замечательно! Мне через два часа – тю-тю, а сгонять страсть как охота.

И Митя взял в руки кий – не выбирая, первый, который подвернулся. Но как только он это сделал, перед глазами, словно живой, возник дядя Добрыня. Изможденный, заросший щетиной, в каком-то невероятном бушлате, маркер Антон Никитич Корнев стоял, опершись на тяжелый заступ, и с укором смотрел на своего ученика.

– Проснитесь, адмирал Нахимов! – услышал Митя голос летчика, успевшего поставить и разбить пирамиду. – У вас есть хороший шанс устроить мне Синопскую битву.

– Да ... да, я сейчас...

Маркин машинально обошел вокруг стола, но, вместо того, чтобы произвести удар, поставил кий в угол.

– Извините... живот схватило... И выскочил из комнаты.

Однако вскоре ему еще раз напомнили о бильярде и маркере Корневе.

XVIII. ЛЕЙТЕНАНТ МИТЯ

В начале февраля сорок четвертого Советские вооруженные силы получили солидное подкрепление: закончив училище, на Балтику прибыл техник-лейтенант Дмитрий Маркин. Почему-то однако никто, начиная от командира и кончая подчиненными, не называл его иначе, как лейтенант Митя.

Обращение это переключало за ним и в один из подмосковных госпиталей, куда он угодил с тяжелым ранением ноги.

Ранило Маркина осколком мины через месяц после окончания училища, в женский день, при высадке десанта на объект 836 – крошечный островок в Финском заливе.

Гарнизон там у немцев был небольшой и фактически – после разгрома группы «Север» – обреченный. Снимать его немецкое командование, видимо, не собиралось, один транспорт не пошлешь – наверняка потопят, затевать же из-за двухсот человек

большую операцию, – стоит ли игра свеч?! Фрицы на острове оказались на редкость рассудительными: сделали несколько выстрелов из минометов и подняли руки.

Офицер, руководивший нашим десантом, доложил по начальству: задание выполнено, убитых – нет, раненых – один.

Здоровенный матрос легко, как ребенка, поднял Митю на руки и понес к берегу. Осторожно опустив в шлюпку, сокрушенно покачал головой:

– Це, надо ж, кругом таки бугаи, а тий осколок, мабуть, сказився, вас сшукал.

Осколок в медсанбате вытащили, но обнаружили серьезное повреждение голени и немедленно эвакуировали раненого в тыловой госпиталь.

Госпиталь размещался в девяти трехэтажных корпусах больницы, выстроенной перед самой войной. Корпуса раскинулись на огромной территории загородного парка, и письмо, адресованное «лейтенанту Мите», так бы и затерялось, если бы не санитарка Зиночка.

Она так усердно разыскивала таинственного лейтенанта, что можно было подумать, будто от результата поиска зависит ее собственное счастье. Зиночка постоянно думала о нем, наделяя воображаемого Митю такими чертами, которыми обладали благородные герои кинофильмов и книг. И чем дольше он не объявлялся, тем сильнее крепло в ней сознание значимости предстоящей встречи. В том, что встреча состоится, она не сомневалась.

Иногда у нее появлялось желание развернуть треугольник. Она даже нашла оправдание такому поступку: может быть, в письме названа фамилия или хотя бы отчество... Но сделать это не решилась.

Сменившись с дежурства, Зиночка не бежала, как раньше, домой, а отправлялась в очередной обход корпусов и палат, задавая везде один вопрос:

– Мити здесь нету?

Таковые, конечно, объявлялись, иногда настоящие, чаще – самозванцы. По ее адресу отпускались шутки, то безобидные, то плоские, а зачастую и откровенно грубые, но это не смущало ее, и она, не удостоив балагуров даже взглядом, мужественно шла в следующую палату.

Тех, кого действительно звали Митями, Зиночка подробно допрашивала, выясняла звание, номер полевой почты или город, откуда могло прийти письмо, и, убедившись, что данный Митя – не «настоящий», продолжала поиск.

Подруги подшучивали над ней:

– Ну, докладывай, сколько Лжедмитриев сегодня разоблачила?

Зиночка, смеясь, подробно рассказывала, как выводила самозванцев на чистую воду.

– Может, твой лейтенант выписался давно? – говорили ей. – Время-то идет!

Она спокойно отвечала:

– Может быть ...

А у самой сладко замирало сердце от произнесенных вслух слов «твой лейтенант», ведь мысленно она так его и называла – «мой лейтенант» или, когда давала волю воображению, – «мой Митя».

Зиночка даже не ходила в кино, которое три раза в неделю крутили во втором корпусе, хотя была страстной почитательницей этого вида искусства.

В один из таких киношных вечеров она и появилась в палате, где лежал Митя Маркин. Палата была маленькая, на двоих. Его сосед, уже ходячий, смотрел фильм.

– Мити здесь нету? – задала она свой обычный вопрос.

– Я Митя ...

Зиночка посмотрела на раненого и сразу поняла: это – тот самый. Однако спросила:

– Вы – лейтенант?

– Предположим...

Других вопросов она не стала задавать, хотя у нее уже выработалась целая система дознания.

– Вам письмо.

Маркин взял довольно объемистый треугольник, прочитал адрес и густо покраснел.

Ей очень хотелось, чтобы он задержал ее, спросил, как она нашла его, может быть, рассказал о себе. Раненые любят открывать душу. Зиночка это знала, наслушалась достаточно нехитрых исповедей.

Но ее Митя молчал.

Санитарка поправила занавеску на окне, аккуратно сложила полотенце, брошенное на койке Митино соседа, передвинула табуретку. Больше в палате делать было нечего.

– Так я пойду?

– Да... да... – пролепетал Митя. – Конечно... Спасибо вам большое.

Она еще раз посмотрела на него – не осуждающе, а с недоумением и тихонько прикрыла за собой дверь.

Развернув треугольник, Маркин увидел, что в нем, кроме письма из родной части, находится другое, написанное незнакомым почерком.

«Ершовой Марине Сергеевне», – прочитал он фамилию отправителя и стал перебирать в памяти всех знакомых девушек – благо их было не много. Ни одной Марины среди них не обнаружилось. И только пробежав первые строки письма, понял, кто такая эта Марина Сергеевна.

«Дорогой Митя!

Ты, наверно, давно забыл и Приволжск, и библиотеку, и меня. Ведь столько лет прошло, да каких, Митенька, лет! А я все помню, особенно те гвоздики. Спасибо тебе! И от Петра Алексеевича тоже!

Вот пишу, а сама вспоминаю, каким впервые увидела тебя: в белой рубашечке с короткими рукавами, синих трусиках, а на голове шитая серебром тубетейка с красной кисточкой.

Знаешь, что меня тогда поразило больше всего? Значки на твоей груди. Так много, что рубашка все время съезжала набок, и ты беспрестанно подергивал плечом, поправляя ее. Не смейся, пожалуйста, но в первый момент я даже подумала: уж не болезнь ли?

«Тетечка, – сказал ты, – можно мне какую-нибудь книжку с собой взять?» А у самого глазки при виде полных шкафов блестят. «Можно, – ответила я. – Только с одним условием: расскажи, пожалуйста, за какие такие заслуги тебя орденами наградили?» «Это не ордена, а значки, – серьезно поправил ты меня. – Вот БГТО: будь готов к труду и обороне, этот – БГСО: будь готов к санитарной обороне, рядом – юный ворошиловский стрелок...» Не помню уж, как расшифровал остальные. «Полный кавалер», – пошутила я. Но ты меня не понял, смутился и пробурчал: «Никакой я не кавалер... Мне бы что-нибудь про путешествия ...» Сказать, какую книгу ты тогда взял? «Дерсу Узала» Арсеньева.

Поговорить мне с тобой давно хотелось, я даже в Приволжск писала, давно, до войны еще, хотя понимала, что надежд почти никаких. А тут Петр Алексеевич проездом с фронта встретил в Москве твою маму ...»

Лейтенант Маркин оторвал взгляд от письма, задумался: когда же это было?

Как большинство женщин, Марина Сергеевна не поставила даты. Он посмотрел на стертые почтовые штемпеля и понял: письмо гонялось за ним около года – Север, училище, Балтика, и вот – нашло его здесь, в подмосковном госпитале. Не удивительно, что чернила выцвели, бумага помялась, а угол листа сильно пожелтел. Митя даже точно мог сказать, отчего это произошло: верхний ряд ящика с ячейками для писем в вестибюле училища по утрам освещался солнцем. Точно такое же разноцветное письмо он получил, вернувшись с практики.

«Подумать только: наш Митя – моряк, – писала далее Марина Сергеевна. – Вымахал, наверно, а ведь таким малявочкой был, бегал вокруг бильярда, словно гномик.

Нога-то как, не беспокоит? Ты ее береги.

Соскучился по своим дуплетам, да? Ничего, кончится война, вы с Петром Алексеевичем еще наиграетесь (он все о какой-то контровой мечтает). Только б живы остались!

Еще Петр Алексеевич просил про Добрыню узнать, говорит, уж кто-кто, а ты обязательно должен знать...

Чудесный он человек, Антон Никитич! Как тебя любил, словно родного сына, только не показывал. Все вы мужчины такие! А я-то, дура, его вначале ни в грош не ставила. Никогда себе этого не прощу!

Будешь ему писать, передай от нас с Петром Алексеевичем огромный привет...»

Дальше Митя не мог читать. Упоминание о бильярде, о дяде Добрыне ударило по нервам, разбредило незажившую, потревоженную недавно Егором Васильевичем рану.

Даже не записав обратного адреса, Маркин разорвал письмо Марины Сергеевны на мелкие кусочки и швырнул в стоявшую рядом с койкой плевательницу.

Всю ночь он пролежал на спине с открытыми глазами, глядя в одну точку на потолке. Там, над ним, кому-то тоже не спалось. Скрипела половица над головой, булькала, выливаясь из графина, вода. Митя не знал, о чем думал тот человек, может, как и он, перелистывал свою жизнь.

Перебирая в памяти события восьмилетней давности, Маркин вспоминал о родных, Марине Сергеевне, Петре Алексеевиче, но о ком бы он ни думал, этот кто-то обязательно связывался в его сознании с Добрыней.

Судьба Антона Никитича, чувство своей вины перед ним все больше и больше волновали раненого лейтенанта.

XIX. НЕТ, ЭТО НЕ ДОБРЫНЯ!

Маркин еще был лежачим, когда его сосед, выздоравливающий капитан-артиллерист, человек словоохотливый, но не слишком красноречивый, вернулся однажды в палату, восхищенно причитая:

– Во дает! Во дает!

– А нельзя ли популярнее?

– Да тут, оказывается, бильярдная есть, во втором корпусе... Тебе, может, это, как говорится, до лампочки. А я, грешным делом, в свое время баловался.

– Что же вас так поразило? – стараясь скрыть волнение, спросил Митя.

Артиллеристу было за сорок, и с первого дня само-собой повелось: лейтенант Маркин к соседу на «вы», тот к нему на «ты».

– Игрок один. Профессионал... Мастер, да и только. Никогда ничего подобного не видывал! Какие дуплеты заворачивает, закачаешься!..

– Кто такой?

– Старшина из obsługi. Поверишь, чуть ли не любой шар кладет... Мне б его на батарею наводчиком! Вот бы дал фрицу прикурить.

Ни себе, ни тем более кому-нибудь другому Митя не смог бы объяснить, почему он решил, будто игрок, так поразивший воображение артиллериста, не кто иной, как Добрыня. Но твердо решил, что это именно так, и больше всего боялся обмануться в своих надеждах. Поэтому и не стал задавать капитану никаких вопросов о внешности старшины, его возрасте, – всем том, что могло ненароком разрушить возведенное им здание.

Зато каждый раз, когда сосед возвращался из бильярдной, подолгу расспрашивал об игре мастера, дотошно интересуясь всеми, самыми мелкими деталями.

– Да ты, вижу, бильярдист! Только скромничаешь, – заметил как-то капитан.– Допрашиваешь с пристрастием. Что за «клапшtos»? Я про такое первый раз слышу.

– Какое там... – отмахнулся Митя. – Покрутился пацаном среди игроков, вот и набрался слов.

Сейчас он, мечтал лишь об одном: скорее встать на ноги. Стать ходячим ... Ему представлялось, как он, на костылях, подойдет к Антону Никитичу. Тот его, конечно, не узнает...

«Можно с вами сыграть партию?» – спросит он старшину Корнева. «Пожалуйста», – ответит тот и поставит пирамиду. «Вот беда, – скажет Митя, – кия мне по росту не подобрать... Кий ведь у каждого игрока свой должен быть... Подогнанный как костюм по фигуре...»

Антон Никитич глянет на него внимательно и узнает. Нет, еще не узнает. Они начнут играть ... И Митя, как бы между прочим, заметит по поводу одного своего удара: «Поспешил я... А ведь шар не ученик, с контрольной не убежит ... Так учил меня когда-то очень хороший человек...» Вот тут уж дядя Добрыня определенно узнает его!

Маркин грезил этой встречей и боялся ее.

Костыли принесла ему санитарка Зиночка.

Прошло уже три недели с того памятного для нее дня, когда она разыскала своего лейтенанта Митю. И хотя он тогда не обратил на нее никакого внимания, Зиночка, выйдя из его палаты, успокоила себя: вот и хорошо, что не обратил! Другой бы, конечно, сразу руки распустил. А этот – скромный, застенчивый, дите еще... У него, наверно, и девушки еще не было. И целоваться по-настоящему не умеет... Ну, да это дело поправимое.

Она представляла своего лейтенанта Митю именно таким и теперь тихо радовалась тому, что не ошиблась.

Чтобы чаще видеть его, Зиночка попросила перевести ее в тот корпус, где он лежал, и, несмотря на подозрительные взгляды старшей сестры, добилась своего.

Маркин чувствовал ее особую заботу, ловил на себе то призывные, то тревожные, то осуждающе-недоуменные, но всегда ласковые взгляды, радовался ее приходу. Когда она наклонялась над ним, поправляя подушку, ему страстно хотелось протянуть руки и...

Митя догадывался: она не оттолкнет его, не даст пощечину, не пожалуется начальству. И все-таки сдерживал себя, потому что не желал еще жениться.

Если бы он позволил себе то, что очень хотелось позволить, ему, по его глубокому убеждению, оставалось бы только одно – немедленно писать заявление в загс. Как же иначе? Ведь он обесчестил бы Зиночку, как Нехлюдов Катюшу Маслову, как Эраст бедную Лизу, как князь дочь мельника, ту самую, которая потом стала русалкой, как Сторешников хотел обесчестить Веру Павловну, наконец, как Костя Правов, курсант его роты, который ... Да стоит ли перечислять!

Нет, Митя не хотел быть таким, как они, и однажды, набравшись храбрости, так и сказал об этом Зиночке.

Она выслушала его молча, не перебивая, хотя из всех перечисленных обольстителей слышала только об одном Нехлюдове. Потом печально улыбнулась и, погладив Митю по голове, ласково сказала:

– Это я понимаю... Сестра тебе нужна... старшая... Есть сестры-то?

– Нет... один я.

– Ну, вот я пока за сестру и сойду. А там поглядим... Война из ребят мужиков быстро делает. Двадцать уже стукнуло?

– Двадцать один...

– И мне... А я тебя, ой, на сколько старше!.. Лежи, лежи, не ерепенься, я ведь теперь над тобой командир!

Такое статус кво Маркина вполне устраивало, и он безропотно и с явным удовольствием подчинялся сестре-командирше. Ослушался только один раз – в тот день, когда она принесла ему костыли.

– Главное – не бойся! Только поначалу трудно будет, потом свыкнешься, – поучала его Зиночка. – Обопрись на мое плечо ... Стой, стой! Куда ты? Разобьешься! Товарищ капитан, держите его!

Какое там! Раненый выделявал такие па, что она даже глаза закрыла от страха. Артиллерист хотел взять Митю за руку, однако тот отстранил его.

– Да успокойтесь вы! Я ведь еще в детстве тренировался... на всякий случай.

Но сестра-командирша не успокаивалась:

– Немедленно в постель! Первый раз – не больше пяти минут!

Вот тут-то Маркин и вышел из-под ее власти.

– У нас с капитаном срочное дело. Ясно? Очень тебя прошу: не мешай! Пойдемте, товарищ капитан?

В его тоне чувствовалась такая непреклонная решимость, что Зиночка поняла: возражать бесполезно.

«Сейчас, сейчас я увижу дядю Добрыню!» – прислушиваясь к стуку своего сердца, думал Митя, пока они аллеями госпитального парка шли в тот корпус, где размещалась бильярдная. – Сейчас...»

Но это был не Добрыня.

Чувство горечи, обиды и одиночества охватило раненого лейтенанта. Будто кто-то жестоко посмеялся над ним, обманул; в один миг рухнули надежды, которые он так долго и бережно вынашивал.

Маркин уже хотел повернуться и уйти, как вдруг присмотрелся к тому, кто в его воображении должен был быть маркером Корневым. И ... оцепенел.

Над столом, готовясь произвести удар, склонилась фигура. Митя видел только затылок, спину и, главным образом, то, что пониже ее.

Однако он узнал обладателя этого затылка, и этой спины, и всего остального. Перед ним был тот, кого Митя Маркин знал когда-то как буфетчика Филимона Филимоновича, Фил Фильча, дядю Филью, кого Антон Никитич назвал прохиндеем, а лифтер Егор Васильевич – поганцем и христопродавцем.

Фигура выпрямилась и оглянулась. Слегка кивнула капитану, скользнула безразличным взглядом по его спутнику и принялась мелить кий – старательно, не спеша, как учил когда-то Митю дядя Добрыня.

Филья постарел, лицо еще больше обрюзгло, но военная форма несколько скрадывала полноту.

Маркин примостился на широком диване, спрятался за спину севшего рядом капитана. Внутри у Мити все кипело, мысли мешались, спотыкались, призывали к немедленному действию.

Закричать? Рассказать всем?.. А доказательства? Кто поверит? Взять кий и ударить? Что толку? Отправят вслед за дядей Добрыней. Может, так оно и надо? Пусть отправляют... Тогда давай, действуй, что же ты сидишь? Вон стоят кии, бери самый тяжелый...

Нет, шалите, Фил Фильч, вторично мы с Антон Никитичем об один и тот же камень не споткнемся! Полный, самый полный назад, лейтенант Маркин!

Подойти и сказать: «Здравствуйте, Филимон Филимонович! Не узнаете? Я помогу: Приволжск, гостиница «Волга», дядя Добрыня, маркер Корнев Антон Никитич... Не

вспоминаете... Какая же у вас память стала нехорошая, совсем дырявая память... Ну, напрягитесь! Когда-то вы просили меня сыграть с одним «гусем». Причем, вам важно было, чтобы я обязательно играл на костылях. Вы так и сказали: «Очень тебя прошу, Димочка!» Кстати, имя мое – Митя Маркин – вам ни о чем не говорит? Удивительно...

А я ведь тогда не выполнил вашей просьбы, извините, конечно... Теперь осознал. Вот они, родненькие! Лучше поздно, чем никогда! Только зачем вам это нужно, в толк не возьму? Может, растолкуете? Да вы, кажется, не рады нашей встрече...»

Лейтенант трижды «прокрутил» про себя воображаемый разговор с Филимоном Филимоновичем, каждый раз дополняя его новыми деталями.

«А если все будет не так? – мелькнула мысль, – если он не подумает финтить, бросится меня обнимать? С него станется... В таком случае уж я обязательно огрею его кием или костылем...»

«Спокойно, Маркин! – приказал он себе. – Перестань психовать! Как это говорил старший лейтенант Паламарчук, командир торпедного катера? «Главное – спокойствие и внезапность! Растерялся, выдал себя – корми треску... напрасно старушка ждет сына домой...» У тебя есть фора, Маркин: ты не узнан. Думай, как лучше ее использовать!»

Немного успокоившись, он присмотрелся к игре Фили. Работал тот, действительно, мастерски. Митя не верил глазам: оценка позиции, стойка, удар, умение управлять битком – все выдавало в старшине заправского бильярдиста. Послав шар, он крутил головой, двигал челюстью, бровями, даже языком – словно помогал регулировать направление. Иногда приговаривал:

– Цып, цып, цып...

Игра шла «на интерес». Он определил это по нескольким, на первый взгляд, совершенно безобидным репликам, по особому блеску глаз, по остроте вспыхивающих споров и по многим другим приметам, на которые неискушенный человек не обратил бы никакого внимания.

– Ну, что я говорил! – восторженно зашептал капитан, когда Филия красиво положил шар. – Во дает! Без пристрелки поражает. Сознайся, подобного ты никогда не видывал?

– Они как, «на интерес» играют? – не отвечая на его восторги, спросил Митя.

– Так ведь без «интереса» нет и интереса, – засмеялся артиллерист. – Мастера иначе не резвятся...

– Кто же это вас так информировал?

– Да он же и сказал, – капитан ткнул пальцем в Филию. – Старшина здесь бог, царь и воинский начальник.

– А на что же играют? – лениво, как о совершенно ему безразличном, осведомился Митя.

– Да когда как. Раненый, сам знаешь, к частной собственности не привержен. Завтра выпишут, и айда... снова туда! О шмотках ли думать?

Возражать Маркин не стал. Только переспросил:

– Так на что же резвятся?

– Хочешь попробовать? На костылях-то не больно разгонишься. Повременить придется! А играют... Как договорятся. Иногда на «Беломор», иной раз – на бутылку. Сейчас вот мода – на облигации. Старшина ввел...

– Как, на облигации?

– Да очень просто! Цена им по сегодняшним деньгам пшиковая ... Ну, а он, – капитан снова указал на Филю, – не брезгует... Говорит, рад удовольствию раненым доставить. Облигации же – это так, чтобы хоть какой-то интерес был.

– Да кто их с собой таскает? У нас всегда в фонд обороны сдавали.

– Я и говорю – символ это, да и только! У кого облигаций нет, он расписку берет. Так, мол, и так... должен ... обязуюсь после окончательного разгрома фашизма... Ну и сумму, конечно, адрес. Смех один, игрушки. Никто всерьез не принимает. А тебя, гляжу, разобрало!

Если бы речь шла не о Филе, а о другом человеке, Митя тоже принял бы это за шутку. Пусть не совсем умную, но все-таки за шутку.

Однако перед ним был Филя.

«Значит, – «после окончательного разгрома фашизма»... – со злостью подумал лейтенант. – Ну и гад!»

С этого дня Маркин стал завсегдаем бильярдной. Играть ни с кем не играл, но, когда в комнате никого не было – такое обычно случалось во время демонстрации фильмов или приезда артистов, – брал кий и, прислонив, как в детстве, костыль к столу, гонял два шара.

Для чего, пока и сам толком не знал. Но какой-то внутренний голос настойчиво твердил: «Бильярд! Дай ему бой на бильярдном столе!»

Легко сказать: дай бой! Чтобы сейчас победить Филю, надо было играть так, как Антон Никитич Корнев, или хотя бы как шестиклассник Митя-малявка. А лейтенант Маркин так играть не мог!

Это он понял сразу, когда взял в руки кий и произвел несколько ударов. Хотелось реветь от обиды – простейший шар, такие он клал когда-то сто из ста, и вот...

Вспомнился рассказ дяди Добрыни об английских газонах: «И так триста лет...» Филя тогда обиделся... Однако смог... Тренировка! Настойчивая и ежедневная! Тут заклинаниями не поможешь... Законы спорта неумолимы и одинаковы как для боксера, так и для бильярдиста. Но условий для тренировки как раз и не было. Бильярдная почти никогда не пустовала. По установившейся традиции, играли «на вылет»:

проигравший выбывает. Таким образом, сильные могли резвиться сколько угодно. Слабому же оставалось одно: снова занимать очередь...

Маркин мог, конечно, оказаться в числе самых сильных. Но тот же внутренний голос предостерегал: не высовывайся, повремени, найди вначале свою игру.

В бильярдной Митя многое узнал о Филе. Главным образом, из его же рассказов. Оказывается, тот уже около двух лет служит в госпитале. Основной его пост – склад продуктов – в нем он заведующий. А бильярдная – так... добровольно взятая на себя общественная нагрузка. Время такое, сейчас каждый советский человек двойную ношу нести должен. Откуда мастерство? Да с гражданки еще... Маркером три года протрубил. А это дело нешуточное... Тонкое дело. От больших мастеров премудрости научен.

Во время Филиных рассказов Митя отворачивался или прятался за чью-либо спину. Ему казалось, что воспоминания непременно пробудят в старшине образ хромого мальчишки, и он сразу же узнает этого мальчишку в раненом лейтенанте.

Однако Филя не обращал на Маркина никакого внимания, и Митя постепенно расковывался, однажды даже настолько осмелел, что перебросился со старшиной несколькими словами.

XX. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Капитан-артиллерист выписался, и двое суток Маркин провел в одиночестве.

То, что к нему никого не поселяли, было непостижимо и совершенно противоестественно: мест для раненых вечно не хватало – койки стояли в коридорах, а временами – и в подсобных помещениях.

Утром третьего дня, сразу же после обхода, в палату вошел сам начальник госпиталя полковник медицинской службы Мирский и с ним – человек в белом халате, накинутом на гражданский костюм.

– Это и есть сорок шестая, а это, – полковник улыбнулся и кивнул на раненого, – ее абсолютный монарх – лейтенант Митя... Маркин Дмитрий Борисович, тот самый о котором мы с вами говорили. Желаю приятной беседы!

Незнакомец подождал, когда за полковником закроется дверь, потом внимательно осмотрел комнату, зачем-то потрогал подушку и одеяло на соседней, незанятой койке, присел на табурет, представился:

– Майор Петров. Не скучно одному?

– Скучновато...

– Вот мы и решили нарушить ваше гордое одиночество.

Митя очень хотел спросить, кто это «мы», но не спросил, испугался показаться наивным.

– У нас к вам просьба, – продолжал майор. – Учтите, дело добровольное и в некотором роде секретное...

– Я понимаю, я... – У Маркина даже дух перехватило: подумать только, вот сейчас он может оказаться причастным к чему-то очень важному, таинственному, такому, что не доверяется каждому встречному-поперечному! Они в нем не ошибутся, они увидят!..

– Не шевутись, – неожиданно перешел на «ты» майор. – Выслушай. Вот какая петрушка... Контузило одного человека... Очень хорошего человека. Память начисто отшибло. И говорить не может. Слух есть, а речи нет... Врачи твердят: «В отдельную палату нельзя, сосед нужен!»

Петров пристально посмотрел на лейтенанта, доверительно сказал:

– Пойми, приказывать тебе не могу. согласишься, – спасибо, но знай: тяжкий крест на себя берешь! Это только сначала кажется – просто. Если не по душе, сомневаешься, мы другой вариант проиграем...

– Нет, нет, не сомневаюсь! – воскликнул Митя. – Я теперь ходячий... Все могу.

– Ишь ты, – улыбнулся майор. – И не сомневаешься, и все можешь! Раз так, думаю, излишне предупреждать: о нашей беседе болтать не след...

– Да я...

– Ладно, ладно... Ты, главное, вот что... Если сосед твой новый заговорит, в чем, честно говоря, сильно сомневаюсь, сразу же, слышишь, сразу же дай знать начальнику госпиталя или дежурному! Дальше уж не твоя забота... Ночью прислушивайся... Может, во сне какие слова произнесет. Такое тоже случается.

– А кто он? – не сдержался Маркин.

– Ну, скажем так: партизан. Воробьев... Александр Иванович Воробьев. – Усвоил?

Митя кивнул.

– Еще вопросы имеются?

– Все ясно, товарищ майор!

– Уж больно ты приткий, – покачал головой Петров. – Ну, да это пройдет...

Воробьев оказался пожилым, тучным, совершенно седым человеком. Митя представлял его не таким: гораздо моложе, героичнее.

Никаких внешних признаков болезни лейтенант первое время у своего нового соседа не замечал. По утрам Александр Иванович делал зарядку, аккуратно прибирал постель, обязательно брился. Много читал. Когда в палате забарахлил репродуктор, он в два счета отремонтировал его. Помощи ни от кого не принимал. Мите же помогал часто – за каждой мелочью на костылях не поскачешь.

Основным их занятием стали шахматы. Воробьев сам начертил «Таблицу первенства 46-ой палаты» и заполнял ее цветными карандашами: единицы – красным, половинки – синим, а нолики – черным.

В первой партии Митя делал ходы не думая, но, получив на пятнадцатом ходу мат, стал играть во всю силу. Сил явно не хватало: из пятидесяти трех сыгранных партий лейтенант свел вничью четыре. Остальные проиграл.

Ежедневно, всегда в одно и то же время – в восемь вечера – приезжал майор Петров. Привозил с собой каких-то людей, в основном, – пожилых. Некоторые из них, увидев Александра Ивановича, радостно бросались ему навстречу, порывались обнять, но он отстранял их, смотрел отрешенным и, как однажды показалось Мите, тяжелым, недобрый взглядом.

Иногда майор просил Маркина выйти из комнаты и долго оставался наедине с Воробьевым. Покидал палату удрученный, сумрачный, находил Митю в бильярдной и, отозвав в сторонку, качал головой:

– Худо, брат...

Лейтенант и сам видел: не просто худо, а с каждым днем хуже и хуже. Воробьев становился раздражительным, лицо его все чаще принимало сосредоточенное, озабоченное и даже злое выражение. Он как бы силился вспомнить что-то и – не мог. Чувствовалось: постоянное нервное напряжение стоило ему громадных душевных сил.

Петров больше никого не привозил, да и сам показывался не каждый день. Так посоветовали врачи, зачистившие в последнее время в сорок шестую. Но и врачей больной встречал теперь с нескрываемым озлоблением.

– Он знает, что ничего не помнит? – спросил как-то Митя начальника госпиталя.

– Узнал... Такое обычно плохо кончается.

Своего соседа Воробьев почти перестал замечать. Шахматные баталии прекратились, а все Митины попытки к сближению разбивались о недоброжелательную отчужденность Александра Ивановича.

Часами просиживал контуженный на койке, обхватив голову руками и мерно покачиваясь.

Жить с ним в одной комнате становилось невмозможным. Однако не хватало мужества честно признаться в этом Петрову. Ночами Мите казалось, что Воробьев давно уже лишился рассудка. Маркин ворочался с боку на бок, часто просыпался и долго лежал с открытыми глазами, прислушиваясь к тяжелому, неровному дыханию Воробьева. Думалось: и дернул черт согласиться! У всех соседи как соседи... Попал как кур во щи!

Наступило девятнадцатое мая – день Митиногo рождения. Никто в госпитале не знал об этой исторической дате, и ему было чуточку грустно. Можно, конечно, попросить сестру-командиршу раздобыть бутылку водки, лейтенанту Мите она не откажет, хотя знает, что карается подобная акция жестоко. Поллитровка обойдется в месячный оклад содержания, да не в деньгах суть, – не хотелось объяснять Зиночке причину.

А тут еще Воробьев! В то утро он впервые не побрился и, поковыряв вилкой в тарелке, уселся в своей обычной позе. Митя лег и отвернулся к стене. Прошел час, другой. Сон не приходил: раздражал скрип, который издавала койка от ритмичного покачивания соседа. Нет, видно, все-таки придется обратиться к помощи санитарки!

И как только мысль эта пришла ему в Голову, на пороге палаты показалась улыбающаяся Зиночка.

– А Мите Маркину телеграмма! – раздался ее звонкий голос. – Митя Маркин...

Договорить она не успела. Александра Ивановича словно с койки сдуло. В следующий миг он уже тряс Зиночку за плечи:

– Маркин?! Митя Маркин?! Где?! Санитарка в ответ только испуганно моргала глазами и безуспешно пыталась отстранить от себя Воробьева – ей было больно.

Лейтенант в первый момент тоже растерялся; он даже сразу не сообразил, что произошло именно то чудо, на которое так рассчитывали врачи: контуженый заговорил! А сообразив, радостно закричал:

– Я Маркин! Я Митя! Вы же знаете, я вам говорил... Отпустите ее, наконец!

– Да... да... – Воробьев оставил в покое санитарку, сел на табурет, снова вскочил... Лицо его побледнело, покрылось испариной. Руки дрожали. Он заговорил быстро, как бы опасаясь, что снова лишится дара речи. Понять что-либо из его слов не представлялось возможным. Это был бессвязный поток имен и фамилий, географических названий, блюд, пород деревьев, видов оружия и одежды.

Митя ужаснулся: неужели его предположение верно, и сосед действительно сошел с ума? Но вдруг – нет, это не могло ему показаться, если он только сам не спятил, – до него явственно донеслось:

– Корнев... Антон Никитич Корнев...

Крикнув Зиночке, чтобы пулей летела к начальнику госпиталя, Маркин подошел вплотную к соседу и, глядя прямо ему в глаза, спросил, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Товарищ Воробьев! Вы знаете дядю Добрыню? То есть Корнева... Антона Никитича. Видели? Где? Когда?

– Что вы все, белены объелись? – вместо ответа огрызнулся тот. – Какой я вам Воробьев?

Потом на миг задумался, загадочно улыбнулся и произнес фразу, снова напугавшую Митю:

– А может, и вправду Воробьев, кто знает... Заяц любит быть быстро зажаренным, а кролик предпочитает подождать.

– Так как же насчет Корнева? – упавшим голосом переспросил лейтенант. Теперь он уже почти не сомневался, что ослышался, что ему просто показалось, будто Александр Иванович произнес имя Добрыни.

В это время в палату влетел запыхавшийся начальник госпиталя. Вслед за ним потянулись врачи – и те, которых Митя видел здесь раньше, и незнакомые. Потом приехал Петров, еще люди...

Два часа лейтенанту пришлось провести в бильярдной. Маркин забрался на диван и, не видя никого вокруг, не слыша разговоров и стука шаров, пытался восстановить в памяти то, что произошло несколько минут назад.

«Вот она вошла... Крикнула про телеграмму... Воробьев вскочил... Почему? Что его поразило? Моя фамилия? Потом стал говорить... И «Корнев» сказал... Показалось? Да нет же! Не только «Корнев», но и «Антон Никитич»! Я слышал! Или кто-то из нас двоих, действительно, спятил? Может, я от него заразился? Слышал я, слышал! И не заразная это вообще болезнь ...»

Наконец в бильярдной появился Петров. Занятый своими невеселыми мыслями, Маркин не обратил внимания на возбужденное, светящееся радостью лицо майора.

– Ну, как? – бросился он к нему. – Мне показалось... Ну, в общем, будто у него не все дома...

– У него? – засмеялся Петров. – За его дом теперь можно быть спокойным. Полный порядок, лейтенант! Ну, удружил, так удружил!

– Да я-то при чем?

– А при том, что ты Маркин и Митя! Вот тебе и теория вероятности! Врачи говорят: исключительный случай, не запомнил, как по-латыни называется, мудреное слово... Это надо же... Вам теперь рождение в один день справлять. Он ведь сегодня будто заново народился!

– Товарищ майор! Извините, я к нему пойду. – Митя от нетерпения даже постучал костылем. – Мне об одном человеке узнать надо!

– Успеешь. Придет и твой черед вопросы задавать. А пока потерпи, машина нас дожидается...

– А как же? Мне обязательно... Он вам про дядю Добрыню, Корнева Антона Никитича, ничего не говорил?

– Говорил... Да не кисни ты! В пару дней, думаю, мы управимся. А потом верну в полное твое распоряжение. Месячишко медицина его понаблюдать хочет.

На исходе третьего дня Маркин не выдержал, пошел к начальнику госпиталя. Но тот лишь плечами пожал:

– Место за ним забронировано. Сами ждем не дождемся. Больше ничего, к сожалению, сказать не могу, не по нашему это ведомству.

Сосед объявился через неделю, поздно вечером, после одиннадцати.

Митя уже засыпал, когда услышал над собой знакомый голос, бодро отрапортовавший:

– Товарищ техник-лейтенант! По приказу майора Петрова поступаю в ваше полное распоряжение!

Этой ночью Митя Маркин узнал о судьбе маркера Корнева.

– Тебе Антон Никитич о Надеждинске ничего не говорил? Дворянское собрание, Кабанов, бильярдный шарик?..

– «Четверка»? – воскликнул Митя. – Знаю! Только не от Добрыни. Мне...

Он хотел сказать, откуда знает про Надеждинск, но вдруг его осенило:

– Вы тот, который Добрыню к белым заслал... Лавин, так, кажется, да?

– Лавин? Нет, Дмитрий, ошибся ты. Не Лайвинь я, и куда Яна судьба занесла, не знаю... А то, что про бильярдную балладу информирован, это хорошо, ты ее в уме пока поддержи, пригодится. Тебя я все равно разыскал бы! Никитич...

– Он жив? – страшась своего вопроса, прошептал лейтенант. – Скажите, жив?

– Потерпи! Было это год назад... Да, точно год, в мае сорок третьего, под Белгородом. Фронт там долго стоял. Окопались с обеих сторон, в железо и бетон оделись, мин вокруг понатыкали, каждый кустик пристреляли. Вот и решил генерал Тушке наших на лобовую атаку спровоцировать.

XXI. В ПАСТИ «ДРАКОНА»

– Что по «Дракону»? – Тушке бросил на стол карандаш, оторвал глаза от карты.

Полковник Кранц был готов к этому вопросу, знал: командир дивизии возлагает на операцию «Дракон» особые надежды. К тому же идея ее тоже принадлежала генералу.

– Все идет по плану. Русские перехватили и расшифровали приказ о нашем наступлении. За вчерашний день их самолеты трижды появлялись над объектами 730 и 732. Думаю, убедились...

– Мало! – генерал поднялся со стула, и жестом приказал Кранцу сидеть. – Мы слишком часто забываем, что теперь не сорок первый. Русские многому научились. У нас, кажется, никогда еще не было таких прилежных учеников. Дезинформация нужна двойная, тройная!

– Они получают ее. Из Коршуновского лагеря убежит пленный. По дороге к своим он, конечно, увидит, что следует, мы ему поможем...

– Ну что ж... при наличии других данных... Только, чтобы все – в белых перчатках. Я имею в виду выбор информатора. Тут необходим материал особый. Не из каждого дерева можно сделать стрелу!

– Дерево выберет русский... Подполковник Орлов.

– Этот, кажется, в породах разбирается... А как... – генерал тщательно подбирал слова. – Как на нем отразились события зимней кампании?

– Орлов не из тех, кто меняет свои убеждения в зависимости от очередной сводки с фронта. У Советов к нему счет еще в восемнадцатом открыт.

– Да, да, я знаю... Прошу вас, поторопитесь.

– Садитесь рядом, подполковник, – Кранц расположился на старом, продавленном, с редкими островками черной кожи диване. – Как всегда, нужен ваш совет.

– Боюсь, агрегат нас не выдержит.

Орлов – широкоплечий, большеголовый, начинающий полнеть человек, – перенес к дивану стул, сел, вынул портсигар и, не спрашивая разрешения хозяина, закурил.

Они говорили по-немецки.

Кранца всегда поражала независимость этого русского. Он не лебезил, не поддакивал, не пытался угадывать мысли начальства. Не только смело высказывал свое мнение, но и отстаивал его.

– Вы слушали сегодня радио? – как бы между прочим поинтересовался Кранц.

– Слушал.

– А я не успел... Что там?

– Вчера наши дела шли хорошо, сегодня они идут гораздо лучше. Дай бог, чтобы завтра было, как вчера.

– Так и передали?

– Так я понимаю создавшуюся ситуацию. Ведь, если не ошибаюсь, именно этим вы интересуетесь...

– У вас нордический характер, Орлов.

– Это почему же?

– Не знай я вашей биографии, право, принял бы за чистокровного арийца...

– Наверно, убеждены, будто комплимент мне сделали? – прищурился Орлов. – Кто-то из ваших великих, не помню точно кто, кажется, Лихтенберг, сказал, что многие

немцы научаются задирать нос гораздо раньше, чем его прочищать. Любопытное наблюдение...

– Загадочная вы личность, господин Орлов... Это к вопросу о наблюдениях!

– Тоже не ново... О загадочной русской душе много бумаги исписано. Право, давайте без предисловий. Выкладывайте, какой совет нужен?

– Ну что ж, можно и без... Хотим помочь бежать из Коршуновского лагеря одному русскому.

– Зачем?

– Покажем ему перед этим кое-что...

– А подробнее?

– Подробнее потом.

– Отказываюсь!

– Не слишком ли смело?!

– Не слишком... Прежде, чем подбирать глину, надо знать, что хочешь из нее лепить!

– Примерно так же выразился и генерал Тушке.

– Очень рад, что наши мнения совпадают...

– Не надо... как это у вас говорят... лазить в бутылочка... Я ничего не хотел скрывать.

– Чего же тянете?

– Изучаю загадочную русскую душу... Но – к делу! Нужен человек, который подтвердил бы противнику сведения об отходе наших войск. Желательно из недавно взятых в плен. Им больше веры... Да и силенки понадобятся. Биография, конечно, безупречная... Фанатик ...

Орлов слушал внимательно, стараясь не пропустить ни слова, лишь изредка задавая вопросы – четкие и конкретные.

– Подумайте, пожалуйста, еще вот о чем... Под каким предлогом можно ему декорации показать?

– Это будет зависеть от материала.

– Совершенно верно. Тогда и обсудим!

– Комендант лагеря знает о цели моего визита?

– Только в общих чертах... Он уже получил инструкции по своей линии. Еще вопросы?

– Пока вопросов не имею. Оба одновременно поднялись.

– Учтите, – протягивая руку, напомнил Кранц, – время не терпит... Рыба хороша, пока свежая.

Комендант Коршуновки любезно предоставил Орлову свой кабинет, расположенный в административном здании конного завода. Лошадей с завода русские эвакуировали, и теперь в конюшнях содержались советские военнопленные, которых использовали на строительстве фронтовых укреплений.

Кандидатов было хоть отбавляй. Совсем не то, что выискивать «добровольцев» для разведывательных школ или диверсионных групп.

Кого-кого, а фанатиков русским не занимать... Любых наций и биографий.

Орлов потянулся, взглянул на часы: ого! Семь часов, не разгибаясь, провел он за столом – беседовал с охранниками, осведомителями, просматривал документы.

Теперь предстояло самое главное, выбрать одного из тридцати трех...

Он передал список коменданту.

– Пусть приводят сюда. Только перед этим я хотел бы перекусить.

– Может быть, совместите? Знаете, запах нормальной пищи по-особому действует на их психику, поверьте моему долголетнему опыту.

– Благодарю... У меня своя метода.

– Поделитесь?

– С удовольствием. Но как-нибудь в другой раз!

– Что же... желаю удачи!

Удача пришла сразу же. Она явилась в образе заключенного под номером 26034.

Самое невероятное состояло в том, что Орлов узнал его: шутка ли, чуть не четверть века прошло после их единственной встречи. Да и была-то она мимолетной... Но как только он посмотрел в глаза стоявшего перед ним военнопленного, как только услышал голос, глухо произнесший «26034 явился», мозг моментально соединил и взгляд, и голос с именем человека, который значился под этим номером. Орлов еще раз заглянул в список и приказал:

– Садитесь, Корнев! Антон Никитич... Правильно я вас назвал? Тут, знаете ли, всякое бывает...

– Спасибо, напомнили. А теперь вот что: от меня вы ничего не добьетесь. Кикс получится! – заключенный продолжал стоять.

– А мы мелкóм, мелкóм... Бильярдист?

– Разбирался... Когда-то.

– Я тоже, грешным делом, любил побаловаться. Авось, сыграете еще... Давно в плену?

Чем больше приглядывался Добрыня к этому душегубцу – так он называл всех изменников, – тем сильнее росло в нем сознание, что уже где-то встречался с ним... Где и когда, – не мог вспомнить. Память рождала не конкретный образ, а лишь ощущения, связанные с ним – страшные, жуткие.

Не дождавшись ответа, Орлов обвел пленного равнодушным взглядом, спросил:

– Как вы, Корнев, в армию попали? Возраст вроде бы не призывной...

– Добровольно. Трижды заявление писал...

– А может, добровольно-принудительно? Как в колхоз: либо заявление, либо душу вон, кишки на телефон!

– Сказал бы я вам... Да разве поймете? Подождите, наши придут... Они растолкуют!

– Коммунист?

– Нет.

– Здесь многие так говорят...

– Тогда отвечу иначе: к сожалению, нет. Устраивает?

– Это уже ближе к истине, Корнев! Мы ведь о вас кое-что знаем, например, о ваших особых заслугах перед большевиками. Что же они вас в свою партию не приняли? Опорочили себя чем-нибудь?

«Куда клонит? Чего добивается? – лихорадочно соображал Антон Никитич. – На какие заслуги намекает? Берет на мушку? Но ведь видел я его где-то! Где? Когда? Зачем я им понадобился?»

Вслух ответил:

– Опорочил... Судимость имел...

– За что же? – Орлов недоверчиво посмотрел на пленного. – Ой ли? Цену себе набиваете? Не советую! Вы же знаете, у нас есть много способов заставить говорить правду! Стоит мне нажать кнопку и...

– Нажимайте! – закричал Корнев. – Думали, в холуи напрашиваюсь?! Шкуру спасаю? На свой аршин мерите!

Он думал, что душегубец немедленно выполнит угрозу, однако тот, казалось, пропустил его слова мимо ушей. Откинулся на спинку стула, потянулся, зевнул и с нагловатой улыбкой произнес:

– А вы, оказывается, фанатик! Только не все у вас сходится... Почему в плен сдались? Ай-яй-яй! Следуя вашей доктрине, мы сейчас два сапога пара.

Вопрос резанул по самому больному. Говорить про ранение? Этому? Оправдываться? Здесь?

Не соображая, что делает, кинулся к Орлову, хотел схватить за глотку, душить, рвать зубами... Но в следующую секунду уже лежал на полу, лицом вниз, с вывернутой за спину рукой. Тяжелое тело навалилось на него, и в самое ухо, неприятно щекоча, лился горячий шепот:

– Спокойно, Антон Никитич, спокойно! Вот так-то лучше! Нет, не ошибся я... Спасибо!

Потом в комнату ворвались немцы...

Когда пленного вывели, комендант, стряхивая с мундира Орлова пыль, не без ехидства спросил:

– Может, все-таки воспользуетесь моей методой? Ваша-то, кажется, осечку дала?

– Напротив, – спокойно ответил тот. – Результат превзошел все ожидания. Прошу вас, проследите, пожалуйста, чтобы он был в полном порядке...

– Прекрасно, господин Орлов, прекрасно! – полковник Кранц радостно потер руки. – Говорите, чуть не задушил? Ах, каков молодец! Бильярдист? Знаете, у меня появилась прекрасная идея...

Он подвел подполковника к видевшей на стене карте.

– Смотрите. Отход наших частей можно увидеть вот здесь, здесь и здесь... – Палец Кранца указал на три проселочные дороги, ведущие от линии фронта к большаку. – Если вы повезете вашего гроссмейстера из лагеря в Копянск, то будь он последним дебилом, не сможет не понять! А этот, как его... Корнев, судя по всему, далеко не дебил.

– В Копянск? Да хоть в Минск, лишь бы поверил! Легенда нужна такая, чтобы никаких сомнений.

– Он же бильярдист! Вот и скажите: немцы узнали о русском чемпионе. Решили развлечься... Все, как видите, в белых перчатках. Ну, как?

Орлов ответил не сразу. Походил по комнате, остановился перед картой, задумался.

– Ну что ж... Идея заманчивая! Весьма и весьма... Это вы неплохо придумали.

– Благодарю за комплимент, – улыбнулся Кранц, и трудно было понять, шутит он или говорит серьезно. – Из вас его не так-то легко выжать!

– Отложим сантименты до лучших времен, полковник! Побег оттуда же, из Копянска?

– Конечно. Так удобнее... И ему и нам. Условия создадим отличные. Он и сам будет искать путей, а тут товарищ объявится, подскажет!

– Везти на Лейпцигштрассе?

– Вы, как всегда, догадливы. Надеюсь, теперь не упрекнете меня в недоверии?

– Благодарю, господин полковник!

– Итак, завтра в четырнадцать берите вашего чемпиона. Пусть смотрит! Очень-то не подсказывайте, так, слегка подтолкните в случае нужды.

– А если не станет на бильярде играть? Может и заартачиться. Я это племя знаю.

– Пустое!

Кранц махнул рукой и, засмеявшись, проговорил по-русски:

– Баба из карета, коняшка легче!

Ровно в четырнадцать «Оппель» тронулся в путь. За рулем Орлов, рядом, в наручниках – Антон Никитич. Полной грудью вбирал пленный напоенный цветущими лугами воздух. Свежий ветерок приятно ласкал лицо.

У Корнева было достаточно времени, чтобы продумать случившееся.

В свой барак он больше не попал. Из кабинета коменданта его отвезли на заброшенную пасеку – километрах в десяти-двенадцати от лагеря. Дали старое, но чистое белье, большой кусок настоящего мыла, указали на железную бочку с водой. Кормили несколько раз – понемногу: хлеб, тоже настоящий, кубик масла, картофель, кофе. Ночь и первую половину следующего дня Антон Никитич провел в доме пасечника под охраной трех эсесовцев и двух собак.

Что они замышляют? Эта мысль преследовала его и ночью, и первую половину следующего дня, и теперь, когда он сидел в «Оппеле», бок о бок с Орловым, который, казалось, не обращал на своего соседа ни малейшего внимания и целиком был занят дорогой.

Однако, сколько ни думал, ответа найти не мог. Лишь одно не вызывало сомнений: замышляют такое, что выгодно им, немцам, и не выгодно ему, советскому военнопленному, а значит, и всей Красной Армии.

Минут пятнадцать ехали молча. Корнев искоса поглядывал на водителя. Тот продолжал смотреть прямо перед собой, вдохновенно насвистывая куплеты тореадора.

«Почему не ударил, когда я кинулся на него? Нужен здоровым? За что поблагодарил? За что он меня поблагодарил? Значит хотел, чтобы я набросился? Зачем? И где, где я его видел? А если поднять обе руки с наручниками и трахнуть по голове?»

В этот миг голова, не поворачиваясь к нему, спокойно произнесла:

– Не вздумайте дурить! Если желаете, можете закурить. Сигареты и спички – в ящичке, прямо перед вами... Здесь не бильярдная, курить разрешается!

Он еще не помянул про бильярдную, а только произнес: «можете курить», когда Корнев понял, с кем через столько лет свела его злодейка-судьба. Воспаленный мозг выхватывал из кладовых памяти Дворянское собрание в Надеждинске, пьяного деникинского поручика с наганом в руке, полный ненависти взгляд и исступленный крик: «Или ты закуришь, хамское отродье, или...»

Корнев невольно отстранился от него, съежился, забился в угол, к самой двери. Мелькнула мысль: «Этот любому фашисту фору даст. Врезать кандалами, чтоб скорее...»

– Что же вы, Антон Никитич, не благодарите меня, а? – донесся до него голос Орлова. – Ведь я однажды небольшую услугу вам оказал. Так, пустячок, конечно, мне и вспоминать неудобно, да нужда заставляет! «Четверку»-то тогда, в девятнадцатом, самолично в ваш шкафчик положил...

– Вы?!

– И писульку в тюрьму передал. Не запомнили: «Действуй по плану «Гром». «Четверка» на месте...» Так, кажется? Или напутал? Не мудрено...

– Так...

– Уничтожили мое послание?

– Съел...

– Теперь верите? Кроме нас с вами о той записке никто и знать-то не мог...

– А зачем же вы?..

– Спектакль с наганом устроил? Эх, Антон Никитич, Антон Никитич... Да для ускорения событий! Карьеру, можно сказать, вам своим горбом пробивал. Как я вас тогда генералу преподнес, а? В полном блеске...

– Кто вы? – Корнев почти кричал.

– Кто? – Орлов остановил машину и, закинув руку за сиденье, резко повернулся. – Спрашиваете: «кто?». Скажу... Хотя люди моей профессии на такой вопрос правды не говорят, отвечают в зависимости от ситуации. У меня же такая ситуация, что должен к чертовой бабушке все легенды послать!

– Куда вы меня везете? Чего хотите?

– Куда везу – разговор особый, и состоится он или нет, зависит от вас. А вот чего хочу, могу сказать: доверия! Доверия, уважаемый Антон Никитич!

Корнев собирался крикнуть: «Да верю, верю я вам!» – однако в тот же миг его ужалила мысль, вызвавшая резкую боль в желудке: «Пусть все, сказанное о «четверке», – правда, но двадцать пять лет... Что я знаю о нем? Провокация? Какая?»

– Я вас понимаю! – Орлов достал сигареты, закурил. – Вы думаете: «Палка-то о двух концах, он меня прощупал, а почему я должен на слово верить?» Верно, никаких гарантий дать не могу, в том-то и беда! Все мои гарантии – там! – он махнул рукой в сторону линии фронта. – Поверите – получите доказательства...

«Хочет перебросить к нашим? Зачем? Сам или по заданию немцев? – мучительно соображал Корнев. – А если и по заданию? Смогу обо всем рассказать...»

– Что нужно делать? – хрипло проговорил он. Для чего я вам понадобился?

Спутник невесело улыбнулся, вздохнул:

– И на том спасибо!

Однако вместо того, чтобы изложить суть дела, заговорил о другом.

– Я ведь, Антон Никитич, на Родине с двадцатого не бывал. Деникина, тезку вашего, поприжали, – приказ: к Врангелю податься. Когда того в море опрокинули, думал: все, скоро мать увижу, сестренку... Университет закончу. Меня в шестнадцатом с последнего курса в армию взяли. Рано загадывал!

Собирайся, сказали, в чужие края. Далече еще до мирового пожара и светлого царства. Уходил на «Алмазе», вместе с бароном. Вначале при нем состоял. Потом... Десять лет – ни единого задания! Да что – задание! Хоть бы словечком с кем своим переброситься, издали поглядеть... Понимал, конечно: так надо, обговорили все заранее, но разве от этого легче? Словно живьем себя похоронил!

Если вы меня сейчас спросите: «Когда тебе, Орлов, тяжелее всего было» – не задумываясь, скажу – в то загробное десятилетие. Иной раз думалось: «Забыли, забыли! Напомнить, напомнить о себе...» А как напомнишь? Связь только с одного конца, только ко мне...

У немцев с тридцать первого. Вот, пожалуй, и вся биография. В общих чертах... Зовут Иваном Александровичем, фамилия – Орлов.

Гадаете, наверно: «Зачем исповедуется?» Снова повторю: «Доверие завоевываю». Судите сами: согласие ваше я получил, и мой рассказ в общем-то ничего не меняет...

Конечно, все, что услышал Антон Никитич, могло оказаться ложью, он это понимал, но уже был не в силах относиться к Орлову с прежней подозрительностью.

– Слушаю вас, Иван Александрович, что от меня требуется?

Орлов, видимо, почувствовал перемену в тоне собеседника, включил мотор и, когда машина тронулась, решительно проговорил.

– Слушай внимательно, Никитич! От нас с тобой, а вернее сказать, от тебя, сейчас судьбы тысяч наших людей зависят. Все, о чем расскажу, мотай на ус, никаких записок передавать не могу, лишний риск... Соображаешь?

– Соображаю.

– Передай, что третью неделю без связи. Того радиста, что мне направили, Кранц на первом же сеансе засек. Совсем молодой парнишка... Пулю себе в лоб пустил! А разведчик без связи – все равно что...

Он замолчал, видимо, подыскивая сравнение.

– ... что бильярдист без кия, – подсказал Корнев.

– Вот тебе и придется тем кием стать, – жестко сказал Орлов. – Только играть с умом надо.

И рассказал все о планах немцев. Теперь Антон Никитич почти не сомневался в искренности собеседника.

– Выходит, мечтают, чтоб я им пирамиду в лоб разбил! – воскликнул он. – Да еще «пятнадцатый» под их мины да снаряды вывел... Что же делать?

– Включиться в игру, Антон Никитич! Делать вид, будто все принимаешь за чистую монету...

– Приказывай!

– Пусть тебя к майору Голубову ведут. Скажешь: «Тюльпаны морозцем прихватило»; он ответит: «Резедой обойдемся». После того ему все, как на духу... Про связь не забудь! Пусть думают... С Кранцем ухо держи остро! Тебе ведь что сейчас главное?

– Характер показать... Доказать, что вы в выборе не ошиблись.

– Так-то оно так, но и очень-то на рожон не при! Грань соблюдать надо. Смотри!

С проселочной дороги выезжали немецкие танки, грузовики, тягачи, походные кухни, шли группы немцев – то взвод, то рота... Около деревянного мостика через овражек образовалась пробка. Толстый немецкий подполковник, видно, сильно пьяный, пошатываясь, подошел к «Оппелю», поздоровался с Орловым как со старым знакомым.

– Куда? – поинтересовался тот.

– Дранг нах вестен! – со злостью выкрикнул немец и нехорошо выругался по-русски.

Наконец пробка рассосалась, и мост остался позади.

– Видишь, как Кранц для тебя старается, – улыбнулся Иван Александрович. – Да... Так вот, к вопросу о грани. В нашей, Никитич, работе, как ни примеряй, всего не угадаешь... Многие от интуиции зависят. Сумеешь к обстановке приноровиться, на ходу круто повернуть или притормозить, – пан, не сумеешь – пропал! И дело загубил. Мотаешь на ус?

– Мотаю...

Показался Копянск – черные обгоревшие остовы домов в море буйно цветущих яблонь. Орлов заторопился:

– Я им тебя как бильярдного чемпиона представил. Так что будь готов. Бильярд так, для правдоподобия... Им плевать, будешь играть или нет! Дом, куда везу, – хитрый. Гостиница – не гостиница, тюрьма – не тюрьма. Иной раз там курьеры ночуют, шофера. В подвале две камеры... Думаю, побег тебе оттуда готовится. Подсадят «дружка», разговоры, конечно, подслушивать будут. Что еще? Да, Кранца тебе опишу... Маленький, щуплый, пальцы короткие и толстые... С пленными по-русски изъясняется. Поговорки любит. Пароль и отзыв не забыл? Повтори!

– О том не беспокойся... – Антон Никитич и сам не заметил, как перешел на «ты».
– Только бы добраться.

– Повтори!

– «Тюльпаны морозцем прихватило» и «резедой обойдемся».

– Вот и хорошо! А теперь прощаться пора, дорогой товарищ Добрыня! Так, кажется, тебя в девятнадцатом величали?

– Точно. С тех пор и прилипло.

– Жена, дети, родители есть? – спохватился Орлов. – Ты уж извини, не спросил раньше.

– Нету у меня никого! Хотя, подожди... Есть одна родная душа. Длинная это история... Мальчонка... Ну, сейчас-то ему лет двадцать. Уж больно он на моего Славку смахивал. И играл талантливо. Привязался я к нему. А потом один прохиндей ему такого про меня наклепал! Послушай, очень тебя прошу... Если что со мной случится, разыщи! В армии он, наверно. Маркин фамилия. Митя Маркин. Дмитрий Борисович... Скажи ты ему, дурачку, – не виноват я перед ним!

– Где жил-то?

– В Приволжске познакомились... Потом отца его в Воронеж перевели. Рождения двадцать третьего... или четвертого. Запомнишь? Митя Маркин...

– Сделаю! – твердо сказал Орлов. – Сам ли, через кого другого... Дмитрий Борисович Маркин. Ну, а теперь, прощай, Никитич!

Он положил руку на закованные в кандалы руки товарища, заглянул в глаза.

– Прощай, Иван!

Машина остановилась.

Такого дряхлого инвалида даже маркер Корнев видел впервые: чернея оголенной резиной, бильярд смотрел на него пустыми глазницами вырванных луз. Пущенный по грязному, неопределенного цвета сукну шар подпрыгивал на многочисленных рубцах, менял направление и глухо тархтел, как бы жалуясь на свою судьбу.

«1887 год, – с трудом разобрал Антон Никитич полустершуюся надпись на заржавевшей металлической пластинке, ввинченной в короткий борт. – Да мы, брат, с тобой одноклассники... И отыгрались оба...»

С него сняли наручники. Немцы – их было трое: маленький, тощий, пожилой полковник и два молодых, дюжих лейтенанта – несколько минут с нескрываемым любопытством разглядывали пленного. Он тоже смотрел на них, потихоньку потирая отекавшие руки.

– Значит, вы и есть русский гроссмейстер? – подходя к нему, нарушил молчание полковник. – А это – кивок в сторону лейтенантов – чемпионы наш полк.

«Кранц», – догадался Корнев, взглянув на его короткие, толстые пальцы, и буркнул в ответ:

– Был гроссмейстер, да весь вышел.

– Вышел? А! Понимайт... Идиом... Весь русский язык – один большой огромный идиом. Мы ждем, что вы продемонстрируете нам свой класс. Бильярд, конечно, не люксус, но, как у вас говорят: когда нет рыба, надо обязательно кушать рак...

– Играть на этом столе совершенно невозможно! – глядя прямо в глаза немцу, твердо произнес Антон Никитич. – Если вы бильярдист, должны понимать...

– О, профессиональный гордость! – воскликнул Кранц. – Похвально, похвально! Но, может быть, одна-два партии!

Пленный отрицательно покачал головой:

– Только на нормальном столе.

А сам думал: «Кончайте скорее комедию. Вам нужно, чтобы я отказался играть, это ясно! И стол раздобыли... Или специально изуродовали?».

– Чудесно, чудесно! – Кранц хлопнул его по плечу. – Вы есть, конечно, правый! Такой игра настоящий бильярдшпиллер удовольствий не даст!

– Вот и везите меня обратно!

– Обратно? Гроссмейстер слишком торопится. Ему, наверно, приятно наш лагерь? Должен вас огорчать... Мы найдем другой бильярд. И эта ночь вы будете делать бай-бай здесь!

Корнев понял; немцы спешат, Орлов прав – побег готовится отсюда и, вероятно, сегодня же. Поэтому и руки оставили свободными, не окольцевали.

Двое конвойных провели в подвал, открыли тяжелую дверь и втолкнули в камеру.

После яркого майского солнца Антон Никитич несколько секунд ничего не видел. Потом обозначились схваченное решеткой небольшое оконце – высоко, у самого потолка, каменные стены, параша, табурет, двойные нары. На нижних лежал человек и негромко стонал.

Надо было включаться в игру.

– Что с вами? Кто вы? – Корнев дотронулся до его плеча, присел рядом.

Человек застонал сильнее, повернулся с живота на бок, открыл глаза:

– А ты кто?

Через час они стали уже товарищами. Антон Никитич узнал, что старший сержант Константин Суров попал в плен раненым, пытался бежать, его поймали, неделю допрашивали – выколачивали сообщников, но он молчал.

Избит Суров был жестоко – немцы поработали на совесть. Корнев даже подумал: «А если бы я не знал, что он душегубец? Поверил бы? И, ответив: «Поверил!» – начал рассказывать о виденном по пути в Копянск.

– Так это... это же... – Суров приподнялся на локте, впился в него глазами. – Ты... ты знаешь, как это важно! Упустят наши день – все пропало... Рисковать надо! Нас с тобой к стенке мало поставить, если не рискнем. Вникай! Я тут все изучил...

Антон Никитич внимательно слушал, и перед ним постепенно вырисовывался план побега, детально разработанный для него Кранцем.

Сразу после полуночи Корнев набрасывается на своего соседа. Суров поднимает крик. Вбегает часовой (единственный в подвале). Заключенные приканчивают его, берут оружие, кто-нибудь из них переодевается в немецкую форму. Второй часовой – у входа. Бесшумно убрать его не так уж трудно. Снова – оружие, переодевание.

Во дворе всегда стоит легковой автомобиль. Шофер спит в доме. У него, конечно, есть документы, пропуска. Ну, а дальше – жать на всю железку к линии фронта, действовать по обстановке. Светает сейчас рано, поэтому надо спешить!

– Кто машину поведет? – с беспокойством спросил Антон Никитич, хотя заранее знал, каким будет ответ. – Я в этом деле не мастак...

– Зато я мастак! – выкрикнул Суров. – Первый класс имею... И на «скорой» работал, и высокое начальство возил...

Корнев с недоверием посмотрел на него.

– Что, не веришь? Доберемся до машины – докажу! И тебе и им! – Он погрозил кулаком в потолок. – Только бы добраться, они еще узнают Костю Сурова!

Предатель не хвастал – шофер он, действительно, был превосходный.

Документы, которые оставил в машине предусмотрительный Кранц, у беглецов проверили дважды: один раз при выезде из Копянска, около железнодорожного переезда, другой – у того самого мостика, где днем образовалась пробка и немецкий офицер съязвил по поводу «дранг нах вестен». И каждый раз, когда Корнев молча протягивал бумаги, из которых явствовало, что он, ефрейтор Отто Штаммер, везет секретный пакет в штаб 186 дивизии, его спутник клал руку на лежащий между ними на сиденье автомат. Но пустить оружие в дело не пришлось.

По проселку въехали в небольшой, лет десять назад посаженный лесок. Минут через двадцать свернули с дороги, вышли из машины, наскоро забросали ее ветками. Побежали. Суров впереди, откуда только силы взялись. «С умом его обрабатывали, – мелькнула у Антона Никитича мысль. – Видимость – страшнее быть не может, а прет – только поспевай...»

Лес стал быстро редеть, сквозь деревья замерцал свет утренней зари.

Выбежали на опушку. И сразу же проводник упал. Быстро вскочил, сделал еще шаг и снова повалился, схватился за ногу, застонал.

– Что? – склонился над ним Корнев.

– Не могу...

– Моги!

Антон Никитич не знал, где, по замыслу Кранца, должен выйти из игры Суров, выдумал он про ногу или говорит правду. Может, еще пригодится?

– Обопрись!

Тот повиновался.

Сразу за леском начиналась ничья земля – голое, усеянное минами – немецкими и нашими – поле.

Они залегли.

– Смотри... – тяжело дыша, прохрипел Суров. – Вероятно, ногу он и впрямь повредил. – Нас сюда фрицы в прошлом месяце мины ставить гоняли. Я запомнил. Мне, знать, не судьба. Но ты должен... должен... Беги по ложбине, до поворота. Видишь, овраг дальше вправо пошел?

Антон Никитич понимал: врет, никаких мин он не ставил, а запомнил потому, что немцы приводили, не раз, наверно, репетировали.

– Вижу.

– Левее, метрах в десяти – проход... Там уж и наши рядом. Понял?

– А ты?

– Иди, говорю!

Больше Корнев не раздумывал. Пригнулся, бросился вперед. Вот и поворот...

Сейчас же сзади и сбоку, справа раздались выстрелы. Но стреляли не только в него. Он это понял, когда, упав, оглянулся назад. Константин Суров лежал на животе, широко раскинув руки, головой в сторону немцев.

Теперь Антон Никитич бежал почти во весь рост. Выстрелы участились. Послышалась пулеметная дробь. И на нее не обратил внимания.

До своих оставалось метров пятьдесят, когда тысячи молний ударили в глаза...

«Откуда здесь море? Куда тащит меня волна?» – это было последнее, что пронеслось в его мозгу. Удара от падения Корнев уже не ощутил.

XXII. СОН В РУКУ

– Погиб? Да? Может, ранили его? – Маркин впился глазами в соседа...

Тот тяжело вздохнул:

– Твоими бы устами, лейтенант, да мед пить! Только маловероятно, шансы мизерные.

– Значит, все-таки есть! – воскликнул Митя. – Какие? Говорите! Говорите! Вы взрыв сами видели?

– И взрыв, и как наши Никитича поволокли. Кранц меня в свою машину посадил, немцы ведь, сам понимаешь, беглецов от Копянска вели, глаз не спускали. Когда Никитич один уже побежал, полковник молитву зашептал: чтоб посланец живым добрался. Поверишь ли, он по-немецки бога просит, я – по-русски!

Маркин, казалось, совсем не слушал, сейчас его интересовало только одно.

– Вы – про шансы! – нетерпеливо потребовал он. – Какие? Говорите!

– Не хочу тебя обнадеживать, парень, но один шанс в том, что «Дракон»-то не состоялся!

– Дошел Добрыня! Дошел! – радостно закричал Митя. – Это он, он сообщил!

– Не ори! Весь госпиталь побудишь! В логике тебе не откажешь. Только бабушка еще надвое сказала, мы ли с Никитичем тому «Дракону» зубы выдрали или наши иным путем до истины докопались.

– Нет же, нет, это Добрыня сообщил! – стоял на своем лейтенант.

– Уверенный ты человек! Тогда про второй шанс послушай. Радиста-то мне прислали...

– Ну, а я что говорил! Выполнил ваше задание Антон Никитич, выполнил!

Митя вдруг осекся, с недоверием посмотрел на собеседника.

– Почему же вы не спросили? Того радиста почему не спросили? Не мог он не знать!

– А потому не спросил, что вопросы ему полковник Кранц задавал! Понял? Я его и в глаза не видел... Знал только: схватили русского разведчика с рацией. Сейчас мы с тобой и погадать можем: Корнев просьбу передал или сами догадались, прислали! А тогда мне недосуг было такие ребусы решать. Ты о немецких допросах слыхал?

– Читал

– А я видал! У Кранца после провала «Дракона» сомнение и без того закралось... А тут – связник! Пришлось мне в срочном порядке передислоцироваться, попросту говоря – лыжи наострить. Где был – не спрашивай. Поверь: никакой реальной возможности узнать о Никитиче у меня не имелось. Потом – контузия...

– Петрова бы попросить, а, товарищ Воробьев, – простонал Митя. – Он все может...

– Я рапорт написал. Время, конечно, пройдет, потерпеть нам с тобой придется. Ты вот что... Воробьевым меня больше не зови. Орлов моя фамилия... Иван Александрович Орлов.

– Я догадался.

– Ну и хорошо. Теперь моя очередь вопросы задавать. Скажи: где с Антоном Никитичем познакомился? Откуда у нас дружба такая?

– В Приволжске. Мы в гостинице жили, а он в ней маркером работал.

– А какая же кошка между вами пробежала? Никитич об одном прохиндее вспоминал.

– Длинная это история...

– Ничего, делами мы вроде не перегружены.

Орлов был первым человеком, которому Дмитрий Маркин поведал свою бильярдную одиссею – все до самого донышка – о дяде Добрыне, Фил Фильче, о том, как усомнился в честности учителя и друга.

– Разыскать бы этого прохвоста... как его...

Филя, – зловеще произнес Иван Александрович, выслушав исповедь лейтенанта. – Очень мне хочется с ним по душам поговорить! Я бы ему сказал...

– Могу randevу устроить!

– Что?

– Здесь он. Продскладом ведает. И бильярдной... По совместительству. Время такое, – объясняет, – сейчас каждый советский человек на себя двойной груз брать должен. Соображаете? В чемпионах ходит...

– Соображаю! «Двойной груз»... Видывал я таких патриотов! Однако в толк не возьму: чего ж ты молчишь?! Вбил себе в голову: нету зверя страшнее Фили! На одного пирата – полтора пирата!

– Как это?

– Французская пословица, что-то вроде русского «на крепкий сук острый топор». Да мы этого бильярдного бандита так скрутим!

– Мы! Вы! – в сердцах выкрикнул Митя.– Все кто-то! Неужели не понимаете: я сам... сам должен! Мне не то важно, чтобы его наказали! Да и вывернется он. Свидетелей потребует, от всего открестится. Для себя мне надо... Для дяди Добрыни ... Ну, как вам объяснить?

– Ты успокойся, не кипятись! Мечь – такое кушанье, которое надо потреблять холодным. Идеи у тебя имеются?

– Есть одна, – уже спокойнее произнес Маркин. – Помогите мне!

– Приказывайте, товарищ лейтенант! – улыбнулся Орлов. – Чем смогу...

– Попросите начальника госпиталя, вам он не откажет... Скажите: в лечебных целях... Это правда! Бильярд ведь получше многих процедур! Мышечная нагрузка, координация... Буденному руку спас...

– Стоп, стоп! При чем здесь координация? Какой Буденный? Какую руку?

– Тот самый, Семен Михайлович... А какую руку, точно не помню, кажется, правую.

– Ничего не понимаю... О чем я должен просить?

– Разрешите по ночам играть! Чтоб никто не мешал. Пусть все думают, будто врачи назначили. Да и нельзя, чтоб Филя видел... Ну сочините себе какую-нибудь хворь! Рука, мол, либо поясница. Что вам стоит?

– Смысл-то какой?

– Такой, что бить его на бильярде надо! Думаю, дядя Добрыня одобрил бы... А без тренировок мне этого гада не одолеть. Потерял я игру, Иван Александрович ...

На следующий вечер Орлов показал лейтенанту ключ от бильярдной.

– У этого, откормленного говядиной, взял!

Заметив, что Митя не понял, пояснил:

– Так английских лейб-гусаров когда-то прозвали.

Спрашивает: «Зачем?» «Процедуры, – говорю, – принимать.» Да как гаркну: «По какому праву приказы начальства обсуждаете?!» Сразу зашевелился...

И началась для них новая жизнь: днем отсыпались, ночи проводили около стола. Иван Александрович играл плохо, можно сказать, – совсем не умел, но какой ни есть, а все-таки партнер.

Раненая нога быстро шла на поправку. С радостью – не то, что тогда, в Приволжье, – расстался Маркин с костылями, а игры своей не находил. Как громоотвод хоронит в землю электрические разряды, так и годы, казалось, навечно унесли с собой ту искру таланта, которую раздул в мальчишке маркер Антон Никитич Корнев.

Дмитрий злился, проклинал кии и лузы, обзывал себя последним остолопом и... мазал. Мазал такие шары, которые в былые времена мог положить чуть ли не глядя.

Он недурно оценивал позицию, делал правильный выбор, безошибочно, как ему казалось, намечал точку, куда следует бить, и производил совершенно бездарный, дилетантский удар. Биток вел себя возмутительно, не признавал никакого контроля, а уж о беспрекословном повиновении и говорить нечего!

Орлов, как мог, подбадривал лейтенанта, вспоминал различные эпизоды из своей жизни, когда «вот так же, как у тебя сейчас», ничего не вытанцовывалось, а потом вдруг стало получаться, да еще как! Но однажды со вздохом сказал:

– Знаю, где собака зарыта. Другой партнер тебе нужен. Мастер. Не мне чета.

Митя и сам думал об этом. Да где его возьмешь, другого? Тут один мастер – Филя.

– Недоставало, чтобы я у него уроки брал! Нет уж, слуга покорный...

Они уселись на диван и стали строить самые невероятные планы заполучения «мастера-бильярдиста». Да так незаметно и заснули. Случилось это в первом часу ночи.

Еще в училище на последнем курсе Маркина начал преследовать кошмарный сон. Снилось ему, будто он дневальный по роте. Сидит за столиком, в середине длинного коридора, куда выходят двери курсантских спален, и... засыпает. Вдруг чувствует, будто его за плечо трясут. Открывает глаза и первое, что видит – золотистый блеск адмиральских погон. Прямо перед ним – сам командующий военно-морским флотом! Митя вскакивает, поднимает упавшую с головы бескозырку, набирает полную грудь воздуха и орет: «Встать! Смирно!!!»

Это ночью-то после отбоя! Можно представить, как выглядели бы курсанты, выполни они команду дневального... Но до Маркина весь трагизм ситуации доходит только тогда, когда он бросает взгляд на хронометр, висящий над его головой. Часы показывают ровно два.

На этом видение обычно обрывалось, и Митя, проснувшись и поняв, что никакого адмирала не было и не могло быть, ликовал в душе и, счастливый, поворачивался на другой бок.

Именно этот сон приснился лейтенанту Дмитрию Маркину той ночью в бильярдной.

Когда до него донесся шум приближающихся шагов, он открыл глаза и, как тому положено по давно уже известному сценарию, увидел золото погон...

– Встать! Смирно!!! – заорал Дмитрий во всю силу своих легких и тут только, к своему ужасу, понял: это не сон! Перед ним стоял реальный генерал-лейтенант и, схватившись за живот, хохотал так, что, казалось, с ним вот-вот случится нервный припадок.

Орлов, услышав эту уникальную команду, ударившую его словно обухом по голове, моментально вскочил и застыл в положении «смирно». Так они и стояли – в шлепанцах на босу ногу да байковых больничных халатах, из-под которых выглядывали кальсоны с болтающимися тесемочками, и ели глазами высокое начальство.

Наконец генерал перестал смеяться, вытер платком лицо, посмотрел на Митю, потом на Орлова, спросил:

– Иван Александрович?

– Так точно! – отчеканил тот. – Но товарищ генерал-лейтенант...

– Нашел! Нашел все-таки! Я ведь отчаялся уже, а тут запрос по линии вашего ведомства! Спасибо товарищу Петрову, если б не он...

Поймав устремленный на него недоумевающий взгляд Орлова, воскликнул:

– Да Ершов же я! Бывший командир восемьдесят шестой, генерал Ершов! Обошлись мы тогда резедой, дорогой Иван Александрович! Очень даже хорошо обошлись!

Они крепко обнялись.

Только теперь, придя в себя после перенесенного потрясения, Митя узнал человека, который оказался ночью в бильярдной госпиталя. Ну конечно, же это был Петр I, Петр Алексеевич Ершов! Тот самый полковник, который... Память моментально связала его имя с Мариной Сергеевной и... Добрыней.

– Здравствуйте, Петр Алексеевич! – как-то уж очень по-домашнему, глядя прямо в глаза генерала, тихо сказал он. – Как поживает Марина Сергеевна?

– Постой, постой, – нерешительно проговорил Ершов, внимательно разглядывая Маркина. – Нет, в первый раз вижу. Такого крикуна я бы запомнил!

Он повернулся к Ивану Александровичу, как бы прося у него разъяснений.

Орлов тоже с удивлением посмотрел на лейтенанта.

– Ты что, не проснулся еще? Очнись!

– Эх вы... А еще император всея Руси! – весело сказал Митя, не обращая внимания на замечание. Потом уже серьезно добавил:

– Ведь я вас тогда в Приволжске не послушался, Петр Алексеевич... Помните, вы мне писали: «А буфетчиков остерегайся ...»

– Митя... – не то спрашивая, не то утверждая, тихо произнес генерал.

И когда по сияющим глазам раненого понял, что не ошибся, закричал:

– Малявка! Ты? Митька-малявка! Как же тебя теперь величать?

– Техник-лейтенант Маркин! – отрапортовал тот, встав по стойке «смирно».

– Это надо ж, лейтенант! Вот Марина обрадуется, уж я ей разрисую нашу встречу! – он даже руки потер от удовольствия. Потом спросил:

– Сюда-то как угодил?

– Нога... Все та же. Миной, когда десант высаживали. Сейчас почти зажило. Вы перед Мариной Сергеевной за меня извинитесь. Я ведь ей не ответил ...

– Ладно уж... За цветы тебе спасибо! Это, брат, ты отлично тогда сотворил!

– Да что там ... – потупился Митя.

Петр Алексеевич огляделся по сторонам и укоризненно покачал головой:

– Что гостя не угощаете? Тоже мне – хозяйева...

Хозяева переглянулись.

– Да у нас... – начал Орлов.

– Что у вас, я примерно представляю. Мы сейчас посмотрим, что у нас...

Ершов вышел из бильярдной и через несколько минут вернулся с небольшим чемоданчиком.

– Ну, скатерть самобранная, попотчуй мужиков! – тоном факира, демонстрирующего свой главный номер, проговорил он.

Щелкнули замки, и на свет божий появились копченая колбаса, «второй фронт» – американская свиная тушенка, сыр, масло, рыбные консервы, хлеб. Помешкав чуток, скатерть-самобранка расщедрилась на поллитровку.

– Есть мнение! – кивнув на бутылку, улыбнулся генерал. – Думаю, по такому случаю можно? Если, конечно, товарищи не возражают...

Товарищи не возражали. Даже очень не возражали... Они только с опаской поглядывали на дверь.

– Ничего! – успокоил их Петр Алексеевич. – В случае внезапной атаки огонь противника приму на себя...

Сдвинули стулья, поставили на них волшебный чемодан, из которого предварительно были извлечены два стаканчика и крышка от термоса, и расселись вокруг импровизированного стола.

Ершов разлил водку, резко поднялся, отчего бутылка на чемодане зашаталась и едва не упала, одернул на себе китель. Рука с поднятым стаканчиком чуточку дрожала. Громко, четко выговаривая каждое слово, произнес:

– За Антона Никитича Корнева.

XXШ. КОНЕЦ «ДРАКОНА»

Когда Петр Алексеевич сказал Орлову про резеду, Дмитрий Маркин не осознал, что слова эти имеют прямое отношение к Добрыне. Теперь же, увидев торжественно-строгое лицо генерала, уловив интонацию, с которой был произнесен тост, Митя понял: надеяться больше не на что. Только и спросил;

– Это – правда?

Петр Алексеевич на мгновение смешался, с недоумением посмотрел на Орлова:

– Разве вы не рассказали? Постойте, почему я вдруг решил, будто вы непременно должны были рассказать ему? Вы же не могли знать, что Митя знаком с Корневым...

– Знал, Петр Алексеевич! И разговор у нас с лейтенантом состоялся. Только информация моя в минное поле уперлась. О дальнейшем мог только предполагать...

– Вот оно как... – Ершов поставил стакан и заходил по комнате. – До минного поля, говорите?

Он подошел к бильярду, с силой толкнул рукой шары, прислушался к их треску, тяжело вздохнул и без всякого вступления заговорил:

– Доложил в армию. Там сперва сомневались, потом благословили. Сабантуй мы на 4.30 назначили. Свой КП в полк перенес. Отработали вроде бы все до последней мелочи, а на душе кошки скребут. Тушке-то я еще по Испании знал, не простая штучка, скажу вам, этот Тушке... Да... В первом часу прилег. Куда там! Не идет сон, хоть криком кричи. Последний раз такое со мной под Москвой было, перед началом наступления ... Только задремал, кто-то за плечо трясет.

– Товарищ генерал... Петр Алексеевич... Перебежчик... Вставайте!

– А? Что? – Ершов сел, затряс головой, стряхивая с себя сон. Перед ним стоял майор Голубов и взволнованно повторял:

– Перебежчик... перебежчик!

Когда до комдива дошло значение этого слова, он вскочил, стал поспешно натягивать китель, не попадая в рукава и чертыхаясь. Наконец справился, взглянул на часы, потом на Голубова:

– Где он? Давайте его сюда! Немедленно!

– Невозможно, Петр Алексеевич... Пока доставят – богу душу отдаст. Я медиков предупредил: «Колдуйте, шаманьте, какое угодно средство применяйте, только ...»

– Что с ним?

– На mine подорвался. Нашей... Тут не все просто, товарищ генерал, покумекать надо...

– Машину! – крикнул Ершов. – Нету у нас с вами времени мекать... Снова посмотрел на часы. – Через тридцать семь минут поздно будет! По дороге изложите. Далеко?

– Километра четыре, не больше, в хозяйстве подполковника Глушко.

«Виллис», будто застоявшийся конь, рванул с места и, подпрыгивая на невидимых ухабах, – фар не включали – окунулся в ночь.

– Выкладывайте! – приказал генерал.

– Тут сплошные иксы да игреки, Петр Алексеевич. Не один он шел... Второго немцы ухлопали, как только из леса выскочили... Этот же – чуть не в рост бежал и – ничего... К тому же – мины! Проходы знал?

Когда упал и наши за ним поползли, фрицы такую пальбу открыли, не приведи господи! Только все мимо, в божий свет, как в копеечку... А ведь место открытое, сами знаете. И когда тащили его... Ни у кого ни царапины.

– Подкидыш? – нетерпеливо перебил генерал, но майор, не отвечая на вопрос, продолжал:

– В бреду он несколько слов произнес. Сам слышал. Смысла не разобрал, но то, что по-русски и без акцента, – за это головой ручаюсь!

Ершов о чем-то хотел спросить, но майор опередил его:

– Еще. Врачи говорят: кожа да кости... До такого истощения только в лагере можно дойти.

Машина резко затормозила, к ней подбежало несколько человек, приветствуя командира дивизии.

– Где? – отрывисто бросил он.

– Здесь, товарищ генерал! – Голубов кивнул в сторону глубокой траншеи. – Идите за мной.

На плащ-палатке лежал изможденный, седой человек в окровавленной немецкой форме. Глаза его были закрыты. Вокруг столпились медики, несколько офицеров полка.

– Жив? – выкрикнул Ершов, спрыгнув в окоп. За ним последовал Голубов.

– Пока да ...

– В сознание не приходил?

– Трудно сказать... То проясняется, то ...

– Говорил что-нибудь?

– Бессвязное... Разобрали только «своего, своего не выводите!» Да еще про тюльпаны. Опасался, что их морозом прихватит...

– Товарищ генерал! – голос у Голубова дрожал. – Пусть все отойдут от раненого... Немедленно!

Это было сказано таким тоном, что Ершову не пришлось отдавать приказ. Около перебежчика остались теперь только двое – генерал и майор.

– Петр Алексеевич! – Голубов взялся за пуговицу генеральского мундира и начал выкручивать ее. – Петр Алексеевич, тюльпаны – это пароль Орлова... Того самого человека, о котором информировала Москва!

При имени Орлова веки раненого задрожали, и он медленно, с усилием открыл глаза. Две головы склонились над ним.

– Я – майор Голубов... Вы меня слышите?

Раненый моргнул.

– Вы знаете Орлова?

Снова движение веками.

– Это он послал вас?

– Тюльпаны прихватило... прихватило тюльпаны ... – слова звучали так тихо, что смысл их был понятен скорее по движению губ, чем услышан.

– Обойдемся, обойдемся резедой, дорогой ты наш товарищ! – зашептал Голубов.

Раненый вновь опустил веки, с трудом набрал в легкие воздух, прохрипел:

– Орлов... Нельзя наступать... Нельзя ... Связь... Нет связи...

Он снова лишился сил, и хотя его потрескавшиеся черные губы продолжали шевелиться, разобрать что-либо не представлялось возможным.

Генерал взглянул на часы. До половины пятого оставалось две минуты.

– Глушко!

В окоп прыгнул командир полка.

– Три зеленые! Немедленно! – Это был сигнал об отмене операции.

Потом подозвал главного медика, хотел о чем-то спросить, но так и не спросил: прочитал в его глазах ответ – зловещий и неотвратимый.

– Пить... – прошептал раненый.

Врач дал ему несколько капель вина. Тот глотнул, дыхание стало ровнее, он попытался поднять голову, но не смог. По щеке прокатилась крупная слеза.

Ершов вынул платок, смахнул ее, спросил:

– Вы хотите что-то сказать?

– Митя ... Вы его знаете... Где?

– Митя? Какой Митя? Успокойтесь ...

– Приволжск... Помните? Митя ... Петр Первый ... Я...

Он не договорил.

Врач и Голубов переглянулись. Но в следующий миг им показалось, что бредит не только раненый. Во все глаза смотрели они на своего комдива, который опустился на колени перед умирающим, приподнял одной рукой его голову и, приблизив почти вплотную к ней свое лицо, громко шептал:

– Я – Петр Первый... Я... Антон Никитич ... Добрынюшка, дорогой ты мой!

В широко открытых глазах Корнева засветилась радость. Но через мгновение они стали медленно угасать. Ершов еще успел разобрать слова:

– Кий мой... Он в Климове живет... улица Льва Толстого двадцать два... Семагин... Скажите: «В четвертом – партия»... Мите... Мите передайте... Найдите... Остров... Славкин остров... Славкин...

Голова его дернулась. Глаза закрылись. На этот раз навсегда.

Потрясенные рассказом, Митя и Орлов молчали.

Ершов подошел к «столу», взял стаканчик с водкой. Они последовали его примеру. Не произнеся ни единого слова, думая об одном и том же, но каждый по-своему, выпили. К закуске никто не притронулся.

Петр Алексеевич поднял маскировку, открыл окно. Уже совсем рассвело. Свежий утренний воздух ворвался в комнату вместе с веселым разноголосым щебетом птиц.

– Похоронили его с почестями... Офицеры спрашивают: «Кто таков?» Что отвечать? Антон Корнев, говорю. Была б моя воля, его именем дивизию назвал. Все мы этому человеку жизнями обязаны!

А кий я разыскал. Только из Климова. В машине он у меня. Что с ним делать будем?

– Оставьте мне, Петр Алексеевич!

– Ты хозяин, сам решай. Могу и сохранить до лучших времен... Куда тебе с ним таскаться?

– Пусть у меня живет! – твердо сказал Митя.

– Как знаешь.

Генерал принес кий, молча вручил его лейтенанту. Инструмент заметно постарел, поблек, потускнел, на его деревянном теле появились мелкие трещины – словно морщины на лице.

– «В четвертом – партия», – прочитал Митя знакомую надпись. Но и не будь ее, он все равно узнал бы этот кий среди сотен других.

– Ну, что, соскучился по Добрыне? – поглаживая гладкую поверхность, проговорил Маркин. – Нет больше дяди Добрыни. Я тебя утруждать не буду. Вот только должок один отдадим... поднатужимся, а?

Он взял с полки два шара и стал гонять их по бильярду, опробуя бесценный дар маркера Корнева.

Орлов с Ершовым тихо беседовали.

– А время-то идет! – донесся до Мити голос Петра Алексеевича. – В моем распоряжении полтора часа. Еду на Первый Прибалтийский...

– Успеем! – уверенно произнес Митя.

– Ты о чем? – не понял Петр Алексеевич.

– Контровую сделать... Вы не забыли? Мне сейчас это очень важно.

– Уж так-таки очень? – улыбнулся Ершов.

– Парень прав, – вмешался Орлов. – Дело не шуточное. Ты, Митя, ознакомь генерала с ситуацией...

Второй раз за несколько дней Маркину пришлось ворошить свою жизнь.

Петр Алексеевич слушал внимательно, не перебивая, не задавая вопросов. Лишь когда речь зашла о суде над Добрыней, стукнул что есть силы кулаком по бильярдному борту, хрипло произнес:

– А мы, мы-то где были? – И махнул рукой.

Узнав, для чего нужен Мите хороший партнер, решительно скинул китель, повесил на спинку стула и пошел выбирать себе кий.

Ну, сколько партий они могли сыграть? Три... четыре. Но именно благодаря этой встрече Дмитрий Маркин нашел свою игру. Помог ли Добрынин кий, или, действительно, ему не хватало сильного противника? Кто знает...

Прощаясь, Петр Алексеевич предложил:

– Может, все-таки вмешаться? Как-никак – генерал. Управу быстро найдем!

– Нет! – твердо ответил Митя. – Я должен сам.

На том и расстались.

XXIV. ПОСЛЕДНЯЯ ПАРТИЯ МАРКЕРА КОРНЕВА

С этого дня ночные бдения прекратились, и лейтенант Маркин, неизменно в сопровождении Ивана Александровича, стал появляться в бильярдной в обычное время. Проиграв партию, снова занимал очередь...

– А вы хорошо работаете, – обратил на него внимание старшина. – Я и не знал. Или пока его, – он кивнул на Орлова, – процедурили, так насобачились? «Девятку» завалили – любо-дорого посмотреть, так бы и я не сумел.

– Ну что вы... – скромно ответил Митя, – до вас мне еще далеко.

– Давайте попробуем, так ли уж далеко! Кладка у вас знатная!

– Попробовать можно, конечно...

Они сыграли три партии – и все три Филя взял без особого труда.

– Я знаю, почему у вас плохо идет, – засмеялся он, – потому как интереса нет! Давайте заинтересуем, назначим для близиру... ну, скажем, пять пачек «Беломору».

– Что же... Не возражаю. Я ведь не курю. А нарком норму всем отпускает.

Дело было после ужина, кино не крутили, и в бильярдной собралось много народу. Большинство сгрудилось возле стола, на котором они играли.

Дмитрий сделал все возможное не только для того, чтобы старшина выиграл – такой вариант Маркина не устраивал – но чтобы выиграл красиво, эффектно. Особенно удалась концовка.

Когда партнеру осталось положить один шар – неважно какой, так как в любом у него была партия, лейтенант вывел «десятку» на отличную позицию – под удар «дуплетом» в среднюю. Для неискушенных людей «дуплет» считается верхом

бильярдного мастерства, чуть ли не чем-то сверхъестественным. Порой даже приходится серьезно доказывать, что шар упал не «дуриком», а по заказу.

Удар этот, действительно, впечатляющ. Ведь игрок целит не в лузу, а в борт. Только от борта шар направляется по назначению.

Старшина отлично использовал представленную ему возможность. Послав «десятку», он присел на корточки и, пока шар медленно катился к лузе, манил его пальцем:

– Цып, цып, цып...

И «десятка» послушно откликнулась на этот зов.

– Давайте еще одну! – тут же предложил победитель. – Выигрыш с проигрышем в одних санях ездят... Товарищи вам очередь уступят. Правильно я говорю?

Никто не возражал.

Начали следующую – снова на «Беломор». И опять Митя позволил старшине эффектно продемонстрировать свое незаурядное мастерство.

Цель была достигнута: Филя стал настойчиво искать встреч с лейтенантом, а у зрителей пробудился особый интерес к их партиям.

С каждым днем в тумбочке Маркина становилось все больше свободного места. Оттуда исчезли не только двухмесячное табачное довольствие, но и переданная с подвернувшейся оказией из родной части четырехгранная бутылка трофейного рома, и отличная золингеновская бритва, за которую он отдал на толкучке перед отъездом из Старославля часть своего сухого пайка – полбуханки хлеба и банку овощных консервов.

Иван Александрович внес в «фонд отмщения» швейцарские наручные часы со светящимися в темноте стрелками, массивный серебряный портсигар и перочинный ножик с отверткой, штопором, ножничками и вилкой.

Когда Митя попытался отговорить Орлова от столь дорогих пожертвований, тот не на шутку рассердился:

– Много на себя берете, техник-лейтенант! О себе только думаете!

Заметив, что Маркин смутился и покраснел, сказал миролюбиво;

– У меня перед Никитичем не меньший долг, чем у тебя... За всех мы с тобой стараемся, заруби себе на носу! Дружно – не грузно, а один и у каши загинет. Так-то!

Дмитрий зарубил, и больше на эту тему они не говорили.

Играл Митя азартно. После каждого проигрыша рьяно отстаивал свое законное право на отыгрыш, увеличивал ставку и... снова проигрывал. Но каждым проигрышем все больше убеждал старшину в его полном превосходстве над собой.

– Теперь он, кажется, созрел! – сказал как-то Маркин Орлову. – Да и я – тоже... Того и гляди, не выдержу. Не могу больше его физиономию выносить!

– Эх, ты, человеке! – тяжело вздохнул Иван Александрович. – Каково же мне было все эти годы...

Когда на следующий день они появились в бильярдной, Филя был уже там.

– А, неразлучные! – обрадовался он. – Составьте компанию, лейтенант Митя!

– Это можно! – с готовностью отозвался тот. – Почему ж не составить?

– Послушай... – зашептал ему Филя. – Чего мы с тобой барахлимся? Давай разок по крупной... Правильно я говорю? Я правильно говорю?

– Да какие у меня крупные?.. Оклад за два месяца, вот и все состояние.

– Курочка по зернышку клюет, – многозначительно произнес старшина. – Так согласен, что ли?

– Была не была! Где наша не пропадала! – воскликнул Митя.

– Вот это по-нашему! – засмеялся Филя. – Пить, так водку, любить, так красотку, играть, так на миллион! А ты, я смотрю, парень боевой!

Предвидя интересное зрелище, около их стола стали собираться болельщики.

Лейтенант начал первую партию довольно осторожно. Это несколько не встревожило старшину: так бывало много раз. Знал: скоро партнеру надоест прятать «свой», и тогда все станет на свои места.

Однако сегодня обойти соперника ему удалось с большим трудом, причем только к концу партии. На бильярде оставались самый ценный шар – «пятнадцатый», который здесь называли «королем», и «седьмой». В «пятнадцатом» у старшины была партия, и он стал охотиться за ним. Но Митя умело уводил «короля» на неудобную позицию. Филе это надоело, последовал необдуманый удар, и «пятнадцатый» вышел к лузе.

Положив его, Маркин едва не пустился в пляс: стол опустел; у короткого борта, сиротливо прижавшись к нему, стоял только один шар.

Такого успеха в играх со старшиной лейтенант еще никогда не добивался!

– Ничья? – взволнованно предложил Митя.

– Ничья в бильярде не предусмотрена, – назидательно сказал кто-то из болельщиков. – Это вам не шахматы и не футбол. Тут, хоть кровь из носа...

– Почему? – делая вид, что его несколько не волнует ситуация, произнес Филя. – Правилами не возбраняется. Только, да будет вам известно, по обоюдному согласию! А моего согласия нету...

– Ну что ж, – сразу сник Митя, – будем играть. Как вы скажете...

Минут тридцать, никак не меньше, они гоняли бедную «семерку». Кончилось тем, что лейтенант совершенно «случайно» положил ее под восторженный гул аудитории. Он растерянно моргал, всем своим видом показывая, что сам не верит в то, что произошло.

– Сознайся, лейтенант, чего уж там, дело прошлое, – панибратски потрепал его по плечу старшина, – ты ведь наобум Лазаря заказ сделал? Правильно говорю? Нет, ты всем скажи, я правильно говорю?

– Конечно, я и не думал... Это же чистейшая случайность, – лепетал Митя.

Он как бы извинялся перед аудиторией и особенно перед своим партнером.

– Да ты не тушуйся! – засмеялся тот, выстраивая пирамиду для новой партии. – Случайно не случайно, а счет один – ноль в твою пользу.

И шепотом:

– Может, увеличим ставку?

В этот момент Маркин подумал; а не ловят ли они друг друга? Не проиграл ли ему Филя специально? Вряд ли... А если? Ну что ж... Тем хуже для него!

– Была не была! – воскликнул он азартно. – Раз пошла такая пьянка

Со всех сторон неслись советы:

– Верно, лейтенант!

– Твоя двадцатиминутка!

– Лови фортуна, она дама капризная!

– Точно! Пришло счастье, хоть в колокола звони!

Только один человек не разделял всеобщих восторгов.

Орлов, исполнявший роль личного маркера при Маркине, – он демонстративно вынимал лишь шары, которые забивал Митя, – угрюмо, но так, чтобы слышали все, предупредил:

– Каждый имеет право быть глупым, но не следует злоупотреблять этим правом! Заманивает он тебя, неужели не видишь?

Маркин промолчал, а Филя съязвил:

– Вы что, нянькой при нем состоите? Решай, лейтенант, сам, а то скажут еще: с малолеткой связался! Пусть все знают! Правильно говорю?

– Я решил! Ставьте шары!

Весть о том, что старшина проиграл партию и что сейчас будет играть еще одна, – моментально разнеслась по всем корпусам госпиталя, и в бильярдную потянулись раненые. Особенно много собралось «униженных и оскорбленных», как называл их Орлов.

Нет, это были не только те, кого старшина ободрал, словно липку. Если он видел, что с человека взять нечего или почему-либо опасался играть «на интерес», то весело предлагал:

– На песенку сыграем, а?

Непосвященным объяснял:

– Кто проиграет, тот под бильярд полезет и песенку там споет... по заказу победителя.

Мите всегда было противно смотреть, как с вымученной улыбкой раненый лезет под бильярд. Иных, правда, Филя амнистировал.

– Ладно, капитан, – говорил он, упиваясь своим благородством, – ва, по вашему ранению, под стол лезть неудобно. Вот вам табуретка. Становитесь на нее и спойте нам... ну, хотя арию князя Игоря. Знаете: «О дайте, дайте мне свободу...» и дальше, про свой позор... Искупляйте, так сказать, проигрыш...

У него было два заказа – этот и «сизу за решеткой...», которые он обычно и чередовал.

Обиженные, конечно же, спали и во сне видели, как лезет под стол их обидчик, и теперь из всех корпусов потянулись в бильярдную.

– На песню сыграй! – советовали они.

– Слышь, лейтенант, заставь его под бильярдом про позор петь!

Один раненый крикнул:

– Я, братцы, бутылочку храню... С сорок первого... Зарок дал: в День Победы распечатать! Объявляю всенародно: выиграешь – нарушу!

Вот в такой обстановке началась вторая партия.

Митя проиграл ее блестяще: его азарт был настолько естествен, что ни у кого не возникло и тени сомнения, когда он пускался на рискованные авантюры, спешил, мазал и даже дважды посылал «свой» шар в зрителей, поплатившись за отчаянность десятью штрафными очками.

Не заподозрил ничего и противник. Старшина уже не сомневался, что первую партию соперник взял у него случайно. Теперь предстояло доказать это другим.

Ради восстановления своего пошатнувшегося авторитета Филя готов был на все... Контровая! Контровая во что бы то ни стало! Такая, чтоб о ней до конца жизни

запомнили не только этот щенок со своей нянькой, но и те, кто только что желал его позора.

– Не дрейфь, лейтенант! – подбодрил он повесившего голову Митю. – Прояви характер ... Одну ты взял, одну я... В игре, что в бане, – все равны. Фортуна, она ведь, как сердце красавицы, – склонна к измене... Правильно я говорю?

– Вы меня не уговаривайте! – раздраженно выкрикнул Маркин. – Не маленький...

– Да упаси господи! К тебе от души, а ты икру мечешь... Так на что будем играть? Учти – партия-то последняя! Чтоб потом не канючить...

– Без вас знаю! – снова огрызнулся Митя. Посмотрел исподлобья и прерывающимся от волнения голосом выкрикнул:

– На золотую рыбку, вот на что!

– Какую еще рыбку! Тут тебе не детский сад, нечего шарики вкручивать!

– А на ту, что желания выполняет... Читали, надеюсь: «Приплыла к нему рыбка, спросила: «Чего тебе надобно, старче?» Победитель требует, побежденный – хоть в лепешку разбейся!

– Такого у нас еще не бывало... – на мгновение опешил старшина.

– Не бывало, так будет! – отрубил Митя.

– Если, конечно, кое-кто не струсит! – подлил масла в огонь Иван Александрович.

– Я струшу?! – взвился Филя. – Вы говорите, да не заговаривайтесь... Струшу... Я не струшу... А вот ты, лейтенант, попляшешь, ой, попляшешь! Тут народ... его не обманешь, он свидетель. Я тебе такое желаньице закатаю, что твоей старухе и не снилось! На всю жизнь запомнишь! Ставь пирамиду, слышь, ты, рыбак!

Митя взял треугольник, составил шары и направился к стойке. Долго возился там, перебирая и примеряя кии.

– Бери мой! – старшина явно издевался. – Я любим тебя сделаю!

– Благодарю, но инструмент, знаете ли, по фигуре подбирать надо... А у нас с вами...

– По фигуре? Знал я одного такого портного... Подбирал, подбирал, да в каталажку и угодил!

– Как так? – спросил кто-то.

– Маркер был... Служебное положение использовал. Играл, правда, не хуже меня...

Крикнул Маркину:

– Да скоро ты там? Плохому танцору...

– Танцор из меня сейчас, действительно, как из вас... бильярдист! – отпарировал Митя и обратился к Ивану Александровичу:

– Если вас не затруднит, принесите, пожалуйста, мой личный кий.

Тот кивнул и вышел.

Это окончательно вывело из себя старшину. Теперь он апеллировал к зрителям:

– Все видели? Резину тянет! На измор взять хочет! Правильно я говорю? Я правильно говорю?

– Придется потерпеть, – спокойно, но твердо произнес лейтенант. – Я, может, этой партии много лет ждал!

– Темните вы что-то, – пробурчал Филя и стал так усердно мелить свой кий, что мелок крошился и белыми брызгами разлетался по комнате. Потом снова обернулся к собравшимся и выкрикнул:

– Все слышали уговор?! Чтоб без обману... А то...

Он недоговорил, что «а то...» и, не дождавшись возвращения Орлова, с треском разбил пирамиду, демонстрируя этим свое полное превосходство над противником и безмерное презрение к нему.

Вернулся Иван Александрович. Дмитрий вынул из чехла принесенный им инструмент, показал старшине:

– Не правда ли, хорош?

– Кий как кий... Бей, что ли! Хватит голову-то морочить! Сейчас я тебя...

Он вдруг осекся и уставился на рукоятку. Глаза его выражали недоумение, растерянность и страх. Потом перевел взгляд на Митю:

– Откуда у вас... это?

Голос у Фили стал хриплым.

– Подарок. Да что с вами?

– Ничего ... Мне показалось ...

– Да, наверно.

И уже не обращая на старшину никакого внимания, весело произнес:

– Посмотрим, посмотрим, какая тут создалась ситуация!

Слегка прищурившись, он окинул оценивающим взглядом стол, представил, куда можно вывести «свой», если вначале положить «тринадцатый» в левый угол, прицелился.

Однако сразу не ударил: в ушах зазвучал знакомый голос дяди Добрыни: «Ты готовишься создать гениальное произведение... Эта партия будет твоим «Гамлетом», твоей «Одиссеей»! На меньшее ты не согласен!»

Этот голос тут же перебил другой – желчный, нетерпеливый, озлобленный:

– Что, лейтенант, сдрейфил? Может, сбегает, кальсоны поменяешь?

Кое-кто засмеялся. Митя выпрямился.

– Кому кальсоны менять – это мы скоро узнаем, – спокойно сказал он. – А вот за костылями сходить могу.

– Ну, что я говорил! – обрадовался старшина. – Струсил ... Костыли ему понадобились! То – кий, теперь – костыли! Бежать собрался... Как пить дать...

– Нет, Филимон Филимонович, – глядя прямо в глаза своему врагу, проговорил Митя. – Я только хотел выполнить вашу просьбу... Когда-то вы умоляли меня сыграть с одним «гусем», стоя на костылях. Не помните, зачем это нужно было? Забыли... Ну ничего... Извините, с большим опозданием могу выполнить вашу просьбу... Скажите спасибо тому фрицу, что всадил мне осколок!

Никто из присутствующих ничего не понял из этих слов. Многие обернулись к старшине, как бы ожидая от него разъяснений.

– Нет... нет... Какие костыли?.. О чем вы? – лепетал он, и лицо его начало наливаться кровью. – Лейтенант меня с кем-то спутал, я уверен...

– Возможно, возможно, – невозмутимо произнес Маркин, нисколько не сомневаясь, что он узнал и что его противник находится в том состоянии, которое боксеры называют «гrogги», когда, получив сильный удар, спортсмен теряет способность защищаться.

И склонился над столом.

– Ну что ж, начнем, пожалуй.

Но прежде чем снова прицелиться, оглядел всех отсутствующим взглядом и торжественно произнес:

– Дядя Добрыня, партию посвящаю вам!

Послышались голоса:

– Какой дядя?

– А Василиса Прекрасная тебе, случаем, не тетя?

– Ты о чем, лейтенант?

Когда Митя произнес имя Добрыми, Филя съежился, словно защищаясь от удара по голове, и украдкой скосил глаза в сторону двери.

Там, прислонившись к косяку, скрестив руки на груди, стоял Орлов – сосредоточенный и невозмутимый.

Маркин пропустил мимо ушей иронические возгласы, не видел, какое впечатление, произвели его слова на старшину. Сейчас ему было не до этого. Резким движением, оттянув на себя «свой», положил, как и наметил, «тринадцатый» в угол. Теперь на очереди была «девятка». Ее он свалил в середину, чуть только тронув, словно ласково попросил, – и она, послушная его воле, беспрекословно повиновалась.

«Свой» вышел к стоящим бок о бок и смотрящим прямо в лузу двум шаром.

– «Двенадцатого» и «десятку» в правый угол! – объявил Митя и произвел удар.

– А-ах!

Звук падающих шаров слился с восторженным восклицанием изумленных зрителей.

– Сорок четыре – ноль! – торжественно провозгласил один из них счет.

Среди бильярдных болельщиков обязательно найдется бухгалтер-доброволец.

Но его голос потонул в шуме других:

– Смотрите, братцы, куда вышел «свой»!

– Вот это да!

– Прямо под «короля»!

Когда и Его Величество легло на полочку Маркина, «бухгалтер» объявил:

– Пятьдесят девять! Не хватает дюжины... Несколько секунд Митя оценивал позицию.

«Верных» шаров не было. Но для него сейчас вообще стерлась грань между «верными» и «неверными», он не сомневался, что положит любой, даже самый невероятный шар. И выбирал именно такой.

– «Восьмерку» двумя шарами в среднюю! Со всех сторон раздались недоумевающие возгласы:

– Куда?

– Ну, знаете ли...

– Какими, какими шарами?

Кто-то принялся объяснять:

– Лейтенант ударит по «двойке», «двойка» – по «четверке», а уж та должна попасть в «восьмерку» и направить ее в лузу. Невероятно!

Что бы он сказал, этот объясняющий, если бы узнал, что на этом Митины расчеты не кончались! Оказывается, Маркин предусмотрел и то, куда, коснувшись «восьмерки», проследует «четверка» и где остановится «свой».

Прежде чем произвести удар, Дмитрий погладил кий и, доверительно кивнув ему, подбодрил:

– Испугался? А ты напрягись, ну...

Через мгновение «восьмерка» уже покоилась в нитяном мешочке.

– В «четвертом» – партия! – торжественно объявил все тот же добровольный учетчик, не подозревая, какой громадный смысл заключен для Мити Маркина в этих словах!

И не только для него.

Услышав их, Орлов, остававшийся все время на своем посту у дверей, крикнул:

– В «четвертом»! Ты слышал, Дмитрий Борисович? В «четвертом» – партия!!

Зрителей уже ничем нельзя было удивить. Казалось, скажи сейчас лейтенант, что шар, пущенный им, облетит вокруг бильярда, заглянет в комнату начальника госпиталя, затем в процедурную и вернется на стол, чтобы послать в лузу другой шар, – казалось, сделай сейчас он подобный заказ, – это никого не удивило бы.

– «Четверку» в левый угол! – объявил Митя и впервые за всю партию поглядел на Филю.

Почему-то и собравшиеся, которые, казалось, совершенно забыли о том, что лейтенант играет не один, не сам с собой, именно в этот момент вспомнили о его партнере.

Обреченно, как кролик на удава, смотрел старшина на угловую лузу, в которую с секунды на секунду должен был упасть «четвертый»...

И тот упал!

Долго, наверное, целую минуту в комнате стояла абсолютная тишина.

Потом все как будто очнулись, заговорили, начали аплодировать Мите. Его мастерство так захватило зрителей, что они забыли об условиях игры, о ставке. Деньги или любой другой «интерес» были несовместимы с тем, чему они только что стали свидетелями.

Кто-то робко сказал:

– Да плюнь ты на него, лейтенант!

Его поддержали:

– Амнистируй, чего уж там!

– Для близиру придумай хохму какую...

– Расписки заведи!

Только тот раненый, который поклялся нарушить свой обет, зло выкрикнул:

– А он нас амнистировал?! Пускай под бильярд лезет и песни там поет!

Маркин вдруг почувствовал страшную усталость. Он сел на диван, откинулся на спинку, закрыл глаза. Мысли мешались. Вот промелькнуло искривленное злобой лицо Фили – там, в буфете на третьем этаже приволжской гостиницы... Потом возникла прорубь с торчащим обрубком кия-самоклада. И – Добрыня. В бильярдной. На Славкином острове. В траншее, на залитой кровью плащ-палатке...

– Так? – шепотом спросил Митя.

– Так! – ответил учитель. – Спасибо. А за то, что «четверку» под конец поберег, – особо. Я ведь видел, ты ее и раньше положить мог... Хорошую партию мы с тобой сыграли, Митя! Такие раз в жизни удаются!

Из забвения его вывел голос Орлова:

– Расписки само собой, товарищи, о них и речи нет! А насчет амнистии...

И он поведал пораженным слушателям предысторию этого необычного поединка.

О гибели Антона Никитича Корнева не распространялся. Сказал только: «Пал смертью героя, выполняя ответственное задание командования».

По мере рассказа слушатели инстинктивно, будто перед ними был зачумленный, отодвигались от старшины.

Когда Иван Александрович замолчал, вокруг Фили образовалась пустота. Он стоял один у стены, по ту сторону бильярдных столов, и шарил по лицам людей подобострастным, заискивающим взглядом.

Кивнув в его сторону, Орлов обратился к Мите:

– Решайте, Дмитрий Борисович, как с тем прохиндеем поступить. По закону ему за навет решетка обеспечена. Но раз такое дело... Объявляйте ваше желание!

Маркин, не выпуская из руки добрынинского кия, сделал несколько шагов по направлению к Филе. Тот, вобрав голову в плечи, попятился. Потом вдруг рухнул на колени и быстро пополз к лейтенанту.

– Встаньте! – неестественно тонким голосом закричал Митя. – Встаньте, а то я, действительно, вас ударю!

– Бей, Митенька! Бей сильнее! Что меня жалеть... – не поднимаясь с колен и пытаясь поймать его свободную руку, повторял старшина.

Это было омерзительно.

Подскочил Орлов, рывкнул под самым его ухом:

– Встать, прохиндей!

Тот моментально повиновался.

Понимая, что надо скорее кончать, с трудом сдерживая гадливое чувство, Митя заставил себя проговорить:

– С этой, минуты вы никогда, слышите, никогда в жизни не возьмете в руки кий! Таково наше с дядей Добрыней, Антоном Никитичем Корневым, желание. Чтобы вашей ноги в бильярдных не было! Они для вас заказаны!

– Согласный... на все согласный... что хошь делай!

– Обманет... – усомнился кто-то.

– Нет, – возразил Маркин. – Он по натуре – трус. Я знаю. Вы слышали, Филимон Филимонович, что товарищ Орлов насчет решетки говорил?

– Ни в жизнь... За версту обходить буду... – продолжал лепетать Филя.

– Кру-гом! Из бильярдной... навсегда... шагом марш! – приказал Иван Александрович.

Когда команда была выполнена, все облегченно вздохнули. Говорили о чем угодно, только не о Филе. И не сразу заметили, что в комнату вошла Зиночка.

Санитарка обвела взглядом раненых, нашла Маркина, грустно улыбнулась ему, громко объявила:

– Лейтенанта Митю – на комиссию!